

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Научный журнал

№ 1 (14) 2015

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2015

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал
№ 1 (14) 2015

Редакционный совет

Д. Андерсон, профессор Абердинского университета (Великобритания)
Б.В. Базаров, член-корреспондент РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия)
Т. Гебел, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
К. Граф, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
В.Г. Дацышен, доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Россия)
Д. Зайкер, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (США)
М.В. Константинов, доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Россия)
Н.Н. Крадин, член-корреспондент РАН, профессор Дальневосточного федерального университета (Россия)
Р. Лазей, профессор Университета Альберта (Канада)
Т. Номоконова, phd Университета Альберта (Канада)
А.В. Олейников, доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного университета (Россия)
А.А. Тишкин, доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Россия)
Д. Эрдэнэбаатор, профессор Национального университета Монголии (Монголия)

Редакционная коллегия

Главный редактор – П.А. Новиков, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского университета (Россия)
Зам. гл. редактора – А.В. Харинский, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского университета (Россия)
И.В. Наумов, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского университета (Россия)
А.В. Тетенькин, кандидат исторических наук, доцент Иркутского национального исследовательского университета (Россия)
С.И. Кузнецов, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Россия)
Ю.А. Петрушин, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Россия)

Сведения о журнале можно найти на сайте: <http://ildt.istu.irk.ru/>

Журнал основан в 2003 г.

Периодичность издания – ежеквартально

Учредитель Иркутский национальный исследовательский технический университет

Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. К-211, e-mail: ildt@yandex.ru

©Иркутский национальный исследовательский
технический университет, 2015

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF RUSSIAN FEDERATION
IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

**REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT
TECHNOLOGIES**

Scientific Journal

№ 1 (14) 2015

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2015

REPORTS

of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal

№ 1 (14) 2015

Editorial council

D. Anderson, Professor, University of Aberdeen (UK)

B.V. Bazarov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Russia)

T. Goebel, Professor of Texas A&M University College Station (USA)

K. Graf, Professor of Texas A&M University College Station (USA)

V.G. Datsyshen, Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Russia)

D. Zyker, Professor, Boise State University (USA)

M.V. Konstantinov, Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Russia)

N.N. Kradin, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Professor of Far Eastern Federal University (Russia)

R. Losey, Professor, University of Alberta (Canada)

T. Nomokonova, phd, University of Alberta (Canada)

A.V. Oleinikov, Doctor of History, Professor of Astrakhan State University (Russia)

A.A. Tishkin., Doctor of History, Professor of Altai State University (Russia)

D. Erdenebaator, Professor, National University of Mongolia (Mongolia)

Editorial board

Editor-in-Chief – P.A. Novikov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russia)

Deputy Editor-in-Chief – A.V. Kharinskiy, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russia)

I.V. Naumov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russia)

A.V. Teten'kin, Candidate of History, Associate Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russia)

S.I. Kuznetsov, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russia)

Yu.A. Petrushin, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russia)

Reference to website: <http://ildt.istu.irk.ru/>

The Journal was founded in 2003

Frequency of publication – quarterly

Founder: Irkutsk National Research Technical University

Address of the Publishers: 83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Office K-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© Irkutsk National Research
Technical University, 2015

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал
№ 1 (14) 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

- Дзюбас С.А.** Некоторые итоги изучения керамического и каменного инвентаря объектов археологического наследия Куйтунского района Иркутской области 9
- Харинский А.В., Тетенькин А.В., Харинский В.А.** Стоянка Курма 24 на западном побережье озера Байкал 24

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

- Степанов А.Д.** О писанице Синская на Средней Лене: проблема верификации «черных рисунков»..... 35

ИСТОРИЯ

- Снопков С.В.** Култукский острог. Факты и гипотезы 44
- Залесский К.А.** Алексей Ермолаевич Эверт – забытый генерал забытой войны..... 53
- Олейников А.В.** Позиционная война на Севере – 3-я и 5-я Сибирские стрелковые дивизии в наступлении Северного фронта 8–9 июля 1916 г. 86
- Асеева А.С., Хобта А.В.** Строительство новой железнодорожной линии Иркутск – Слюдянка в 1941–1949 гг. 92

Некролог

- Его жизнь стала символом эпохи 109

*На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением.
Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.В. Данилова*

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal
№ 1 (14) 2015

CONTENTS

PALEOECOLOGY, STONE AGE

- Dzyubas S.A.** Some Results of Studying of Ceramic and Stone Stock of Objects of Archaeological Heritage of the Kuytunsky Region of the Irkutsk Region..... 9
- Kharinsky A.V., Tetenkin A.V., Kharinsky V.A.** Site Kurma 24 on the Western Coast of Lake Baikal 24

PALEOMETALL AGE

- Stepanov A.D.** Petroglyphic Drawing Site Sinskaya on Middle Lena River: Problem of Verification of «Black Drawings»..... 35

HISTORY

- Snopkov S.V.** Kultuuskii Ostrog. Data and hypotheses..... 44
- Zalessky K.A.** Aleksei Ermolovich Evert – Forgotten General of the Forgotten War 53
- Oleinikov A.V.** Postional War on the North – 3rd and 5th Siberian Rifle Divisions in the Offensive of the Northern Front in July, 8-9, 1916 86
- Aseeva A.S., Hobta A.V.** Building of New Railway Line «Irkutsk – Sludyanka» in 1941–1949..... 92

Obituary

- His life amounts to a symbol of epoch..... 109

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал
№ 1 (14) 2015

Уважаемые читатели!

**Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».**

Ежеквартальный журнал продолжает и развивает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи специалистов различных учреждений России, а также наших зарубежных коллег. Тематика выпуска охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся далеким прошлым.

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству по научным направлениям:

- история,
- археология,
- этнология.

Редколлегия

REPORTS

of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Scientific Journal
№ 1 (14) 2015

Dear Readers!

We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».

Present number is five such book of the series yearly editions devoted to research history of Baikalian Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues. Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Early Antiquity.

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration in the following fields:

- history,
- archaeology,
- ethnology.

Editorial Board

УДК 903

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИЧЕСКОГО И КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ КУЙТУНСКОГО РАЙОНА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

© С.А. Дзюбас

В данной публикации подводятся некоторые итоги историографических и археологических изысканий, проводившихся на протяжении последних 60 лет на территории Куйтунского района Иркутской области. Автор стремится систематизировать и классифицировать материалы с 20 объектов археологии от эпохи палеолита до средневековья. Значительная часть их, обнаруженных как во время поверхностных сборов, так и в результате раскопок, не введена в научный оборот. Данный материал характеризуют широкий хронологический диапазон, высокая информативность, отражающие различные этапы жизнедеятельности первобытного человека.

Ключевые слова: объекты, археологическое наследие, источники, эпоха, стоянка, изыскания, керамика.

SOME RESULTS OF STUDYING OF CERAMIC AND STONE STOCK OF OBJECTS OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE OF THE KUYTUNSKY REGION OF THE IRKUTSK REGION

© S.A. Dzyubas

This publication summarizes some results of historiography, archaeological research over the last 60 years in the territory Kuitun district of Irkutsk region. According to archaeological materials from 20 archaeological sites the author seeks to systematize and classify it with the Paleolithic to the Middle Ages. As a specific feature of this area is the large number of archaeological remnants from open-air surface as well as from cultural deposits which are still not input into the scientific knowledge. This material is characterized by a wide chronological range, high information content reflecting different stages of life of primitive man.

Key words: objects, archaeological heritage, sources, period, site, research, ceramics.

Первые археологические исследования на территории Куйтунского района связаны с деятельностью археолога М.Р. Полесских, который в 1949 году совершил археологическую разведку в долине реки Оки от с. Барлук до с. Октябрьск. Данная работа связана с предстоящим заполнением Братского водохранилища. В ходе археологической разведки было зафиксировано около десятка стоянок древнего человека, а также наскальные рисунки у с. Заваль и в устье реки Зама (наскальные изображения «Братская Кода», стоянка Братская Кода, наскальные изображения «Кодинские писаницы», стоянка Теробок, стоянка Усть-Большой Атуб) [Полесских, 1949].

60–70-е годы характерны эпизодическими туристическими экскурсиями краеведов Барлукской школы под руководством А.В. Анциферова по берегам реки Оки. В ходе данных маршрутов была собрана обширная коллекция подъемного археологического материала и зафиксированы наскальные рисунки у сел Заваль и Юльевск. Материалы хранятся в фондах Барлукского краеведческого музея [Анциферов, 1991].

С 1984 года начинается период планомерного изучения древней истории народов Куйтунского района (рис. 1). Сотрудниками лаборатории археологии Иркутского государственного университета Е.М. Инешиным, С.А. Дзю-

бас, О.В. Задониным обнаружены четыре стоянки и одиночное погребение в районе с. Подъяр, все они относятся к бронзовому – железному векам (стоянки Кирпичный завод, Ельник 1, 2) [Дзюбас, 1986].

В 1989 г. при проведении археологической экспертизы территории Т.А. Абдуловым, С.А. Дзюбас, испрашиваемой под разработку песчаного карьера в районе села Шерагул-Карымский, был найден памятник археологии – двуслойная стоянка, датируемая мезолитом – железным веком, получившая одноименное наименование [Абдулов, 1989].

В 1992–93 годах сотрудниками Новостроечной археологической экспедиции С.А. Дзюбас, О.В. Задониным, С.Н. Пержаковым, А.В. Луньковым на территории с. Барлук обнаружены четыре новые стоянки каменного века, а так же в районе с. Кимильтей зафиксирована стоянка бронзового века. Данные объекты археологии были найдены в ходе проведения предварительного археологического обследования территорий нового промышленного строительства (стоянки Кимильтей 1, 2) [Дзюбас, 1992].

В 1998 году Северо-Западным археологическим отрядом Новостроечной экспедиции Центра сохранения историко-культурного наследия проводился комплекс мероприятий по инвентаризации, картированию известных памятников археологии и фиксации новых объектов по берегам реки Оки (Братское водохранилище) на участке от с. Барлук – устье р. Большой Топорок. Одной из характерных черт среднего течения р. Оки (Братского водохранилища) является то, что на данном участке река очень извилистая и происходит интенсивный размыв склоновых отложений, площадок 25–35-метровых террас в результате волно-прибойной деятельности. В последние два года (1997–98) уровень водохранилища понизился на 4–5 м и представилась возможность исследователям фиксировать значительные как в количественном, так и номенклатурном отношении коллекции каменной индустрии, керамического материала и погребальные комплексы. В результате данных работ выявлено девятнадцать новых объектов археологии,

занимающие большой временной диапазон от палеолита до средневековья. Практически все 19 выявленных местонахождений относятся к стоянкам с поверхностным залеганием археологического материала на техногенных пляжах [Дзюбас, 1999].

В 2010 году сотрудниками Куйтунского археологического отряда ООО «Раритет» (С.А. Дзюбас) при выполнении работ по археологической оценке территории Куйтунского муниципального образования был зафиксирован новый объект археологического наследия «Куйтун», стоянка эпохи финального мезолита (12 тыс. л. н.). Проведена шурфовка и определены границы распространения культуросодержащих отложений на археологически перспективной территории поселка на правом берегу р. Харик. Стоянка занимает часть пологой вершины правого борта долины р. Харик. Относительные гипсометрические отметки – 24–30 м над урезом реки. В шурфе на глубине 0,4–0,5 м от дневной поверхности на контакте литологических слоев 2 и 3 зафиксирован археологический материал [Дзюбас, Луньков, 2011].

Каменный инвентарь финального палеолита (X–XII тыс. до н. э.) зафиксирован в полосе размыта культуросодержащего горизонта местонахождения Усть-Зама 3 и в слое коричневого карбонатизированного суглинка стоянки Табак 2 и представлен: массивным кварцитовым, ретушированным сколом (рис. 2.5); кварцитовой галькой с негативами пластинчатых сколов (рис. 2.8); галькой с бессистемными сколами (рис. 2.6); двумя чопперами на массивных кварцитовых гальках (рис. 2.1, 2); скреблами на массивных отщепах (рис. 2.3, 4, 7). В слое желтовато-бурой супеси стоянки Куйтун, зафиксирован археологический материал – два массивных пластинчатых скола.

Эпоха мезолита выделена по наличию значительной группы тесел и их заготовок (28 экз.). Все зафиксированные тесла разделяются на два типа с перехватом и без перехвата, а по технологическим свойствам – на простые и комбинированные. Лезвия, в основном выпуклые, симметричные или асимметричные, образованы или подработаны средней, крупной, приостряющей или

крутой ретушью. Практически все тесла имеют обработанное тело и обушок, на

многих сохраняется галечная корка, они

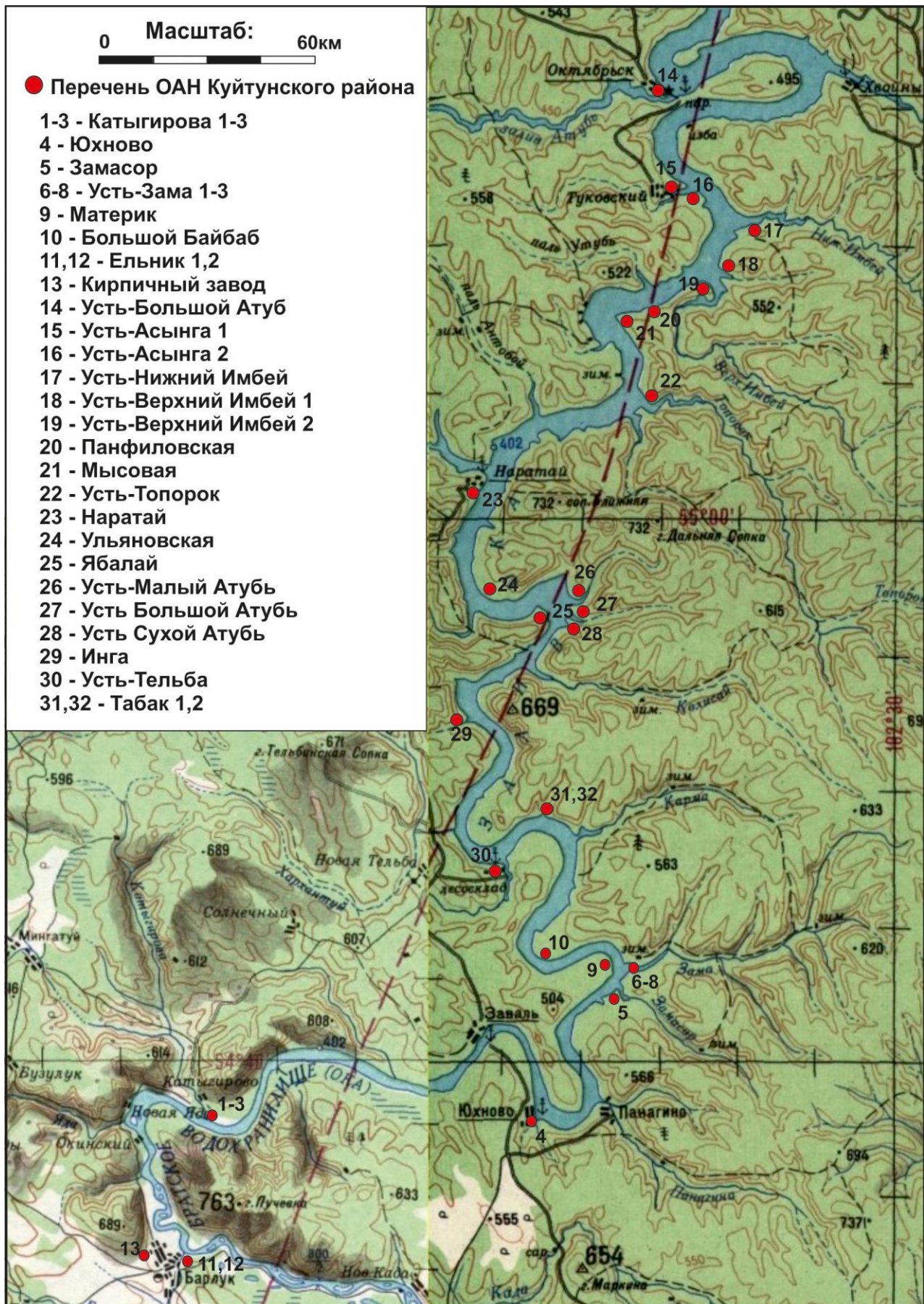

Рис. 1. Куйтунский район. Карта расположения объектов археологического наследия

изготовлены из кварцитовых пород (рис. 6.1–10; рис. 7.1–10).

Неолит, бронзовый век представлен археологическим материалом со стоянок Катыригова 3, Усть-Зама 2 и Большой Байбаб, на которых найдено около 700 фрагментов керамики, и более 3,5 тысячи экземпляров обработанного камня (85% – кремьень различных оттенков, 10% – микрокварцита и 5% – кварцитовые породы).

Керамическая индустрия

По форме венчиков в профиле глиняная посуда была разделена на 10 групп. Одна группа представлена фрагментами только тулова сосудов (рис. 3):

1. Группа керамических сосудов (рис. 3), венчики которых имеют овальную форму, представлена 31 сосудом. По технике изготовления весь керамический материал данной группы разбивается на две подгруппы – со следами отпечатков «рубчатой лопаточки» и гладкостенная керамика.

Гладкостенная керамика представлена фрагментами от 12 сосудов простой и закрытой формы. Основными элементами орнамента гладкостенных сосудов являются «жемчужины» и округлые ямки в сочетании с отпечатками зубчатого штампа, различных по форме палочек, оттисками «отступающей лопаточки» и узких наклонных насечек. По стилю все орнаменты линейно-геометрические, по композиции простые.

Штриховая керамика представлена фрагментами от 19 сосудов. Сосуды имеют сложную, простую и закрытую формы и основным элементом орнаментации являются «жемчужины» в виде горизонтального пояса в сочетании с наклонными оттисками различных по форме насечек и отпечатков «отступающей лопаточки». Четыре сосуда украшены орнаментом, состоящим из отпечатков «отступающей лопаточки» и оттисков наклонных насечек.

2. Группа имеет фрагменты прямых в профиле венчиков (рис. 3) от 11 сосудов, которые в свою очередь разбиваются на три подгруппы по технологическому декору:

- *обломки гладкостенной керамики* (4 сосуда), украшенные горизонтальными поясами «жемчужин», прочерченными ли-

ниями и наклонными рядами отпечатков «отступающей лопаточки»;

- *керамика со следами оттисков «рубчатой лопаточки»* (5 сосудов), которые украшались как поясами «жемчужин» с отпечатками палочки с прямым концом, так и прочерченными горизонтальными рядами широкой лопаточки и углообразными вдавлениями;

- *фрагменты венчиков двух сосудов со следами отпечатков «сетки-плетенки»* орнаментированы пояском округлых, конических отверстий, соединенных горизонтальной прочерченной линией.

3. Группа состоит из фрагментов трех сосудов с приостренным внешне симметричным венчиком в профиле (рис. 3). Все они относятся к одной подгруппе *штриховой керамики* и орнаментированы горизонтальным пояском «жемчужин» с косыми насечками по внешнему бортику венчика.

4. Группа представлена обломками семи сосудов открытой и закрытой формы с приостренным внутренне ассиметричным венчиком (рис. 3), преимущественно изготовлены сосуды методом выколачивания и украшались пояском «жемчужин» в сочетании с рядами округлых вдавлений и насечек, а так же наклонными линиями отпечатков «отступающей лопаточки». Один сосуд орнаментирован пояском конических отверстий и тремя рядами угловых оттисков.

Гладкостенная керамика (один сосуд) имеет поясок округлых вдавлений с шестью парными рядами отпечатков палочки с выпуклым концом.

5. Группа фрагментов венчиков пяти сосудов с грибовидным венчиком (рис. 3) разбиваются на три подгруппы (штриховую, гладкостенную и сетчатую):

- *штриховая керамика* орнаментирована двумя поясами «жемчужин»;

- *гладкостенная* представлена двумя сосудами: а) с пояском округлых вдавлений в сочетании с наклонными оттисками трехзубого штампа и горизонтальными рядами округлых вдавлений; б) с отпечатками «отступающей лопаточки» в виде горизонтальной, вертикальной линии, а также в виде вертикального зигзага;

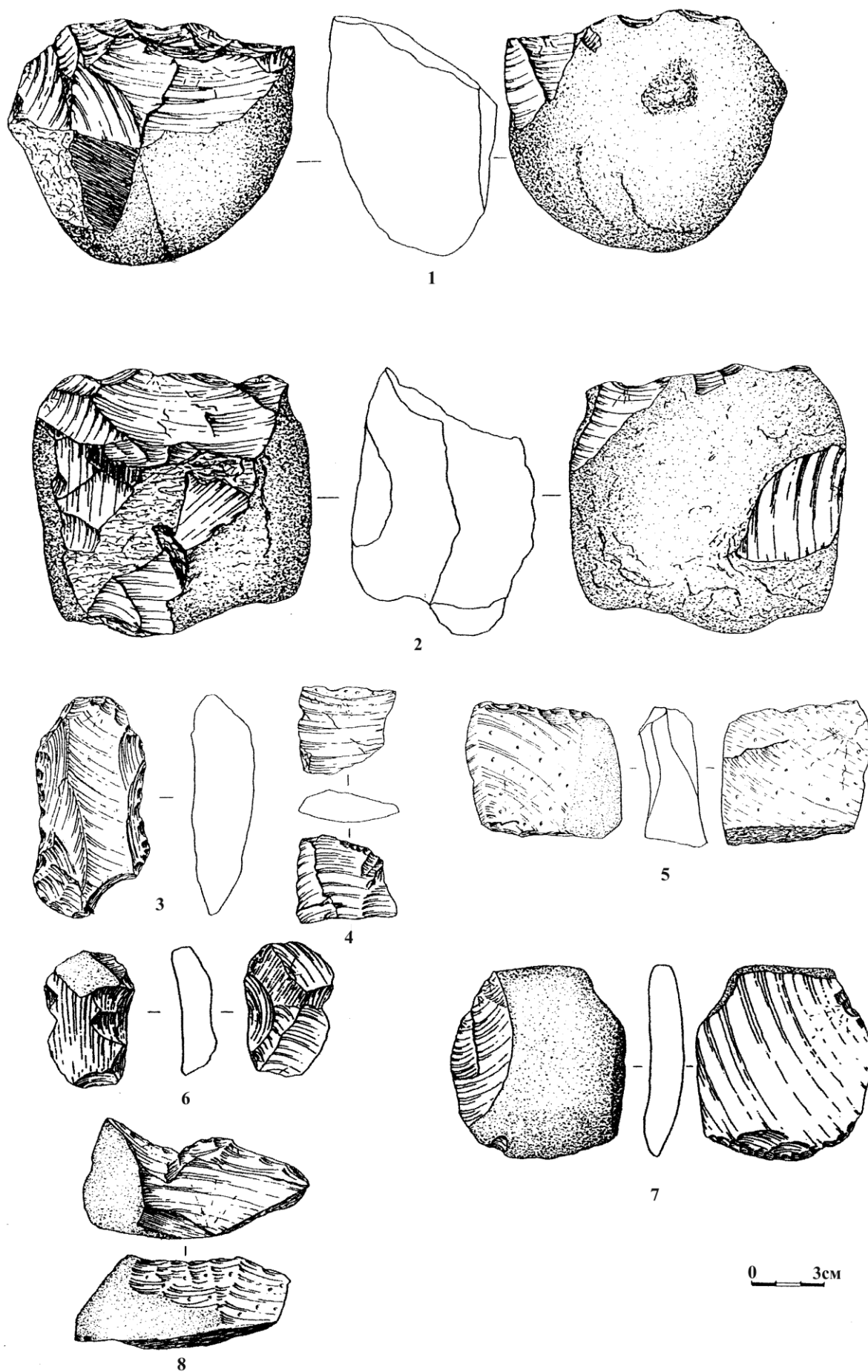

Рис. 2. Куйтунский район. Каменный инвентарь

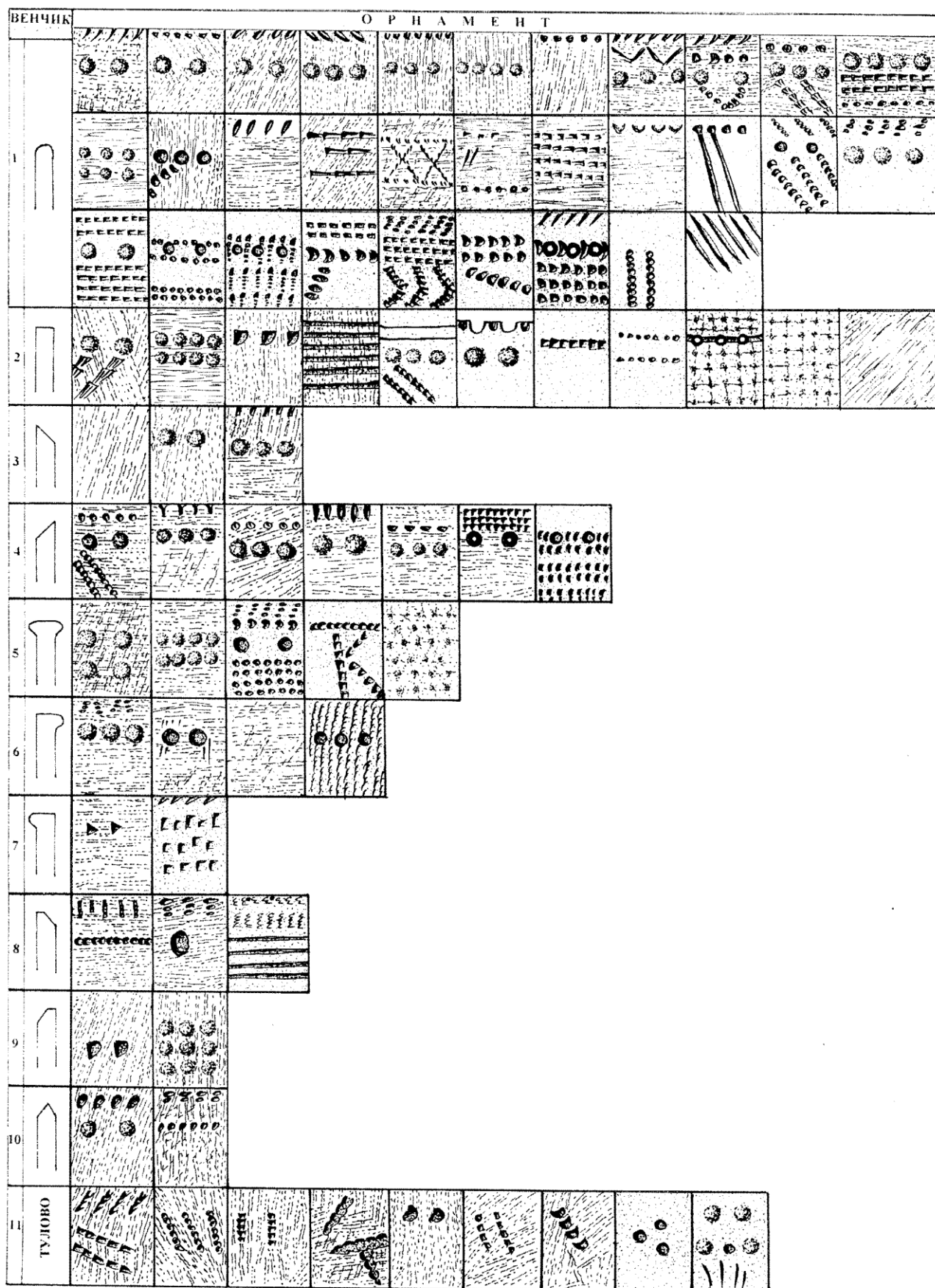

Рис. 3. Таблица сочетаний орнамента, техники изготовления и форм венчиков керамического материала

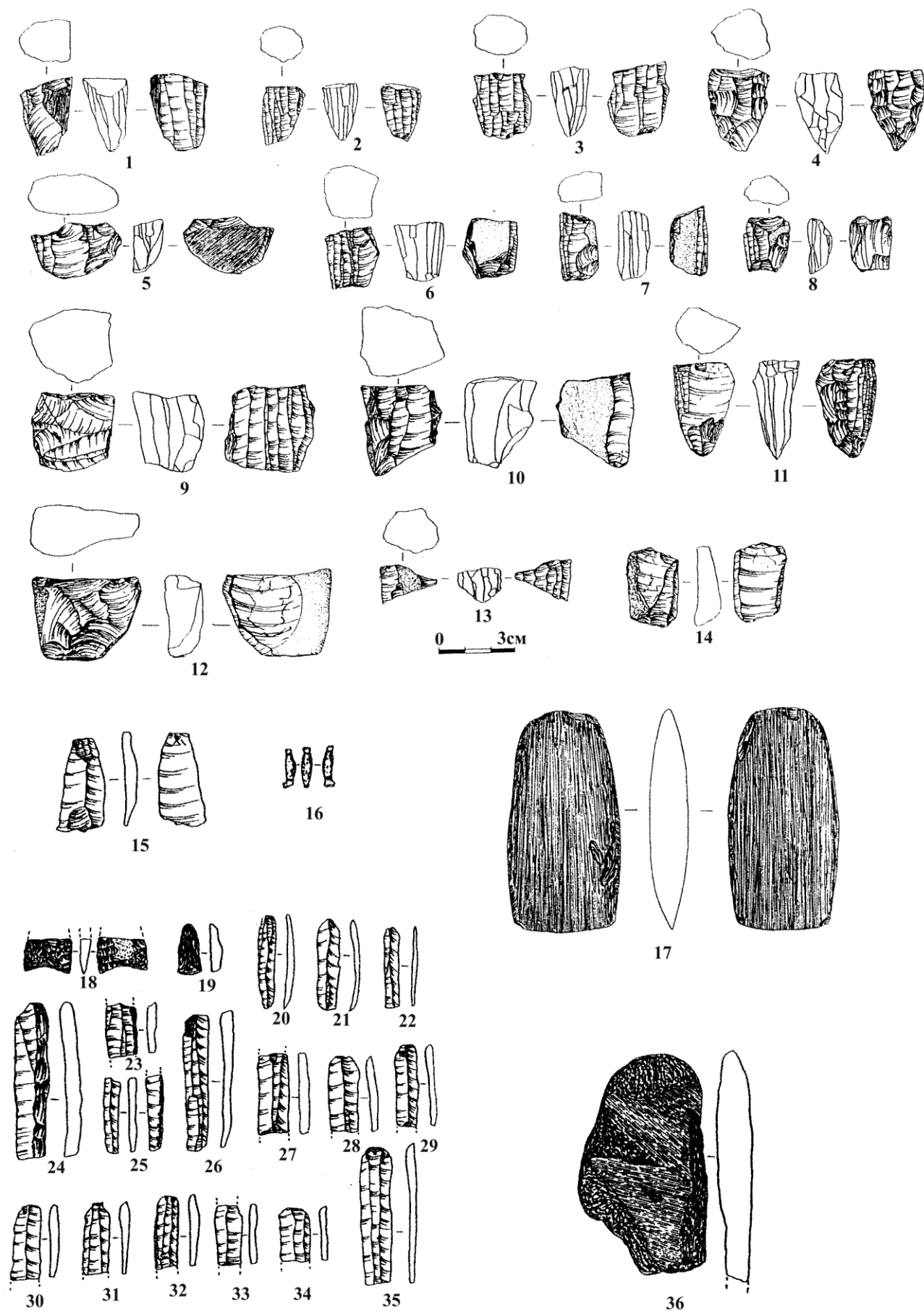

Рис. 4. Куйтунский район. Каменный инвентарь

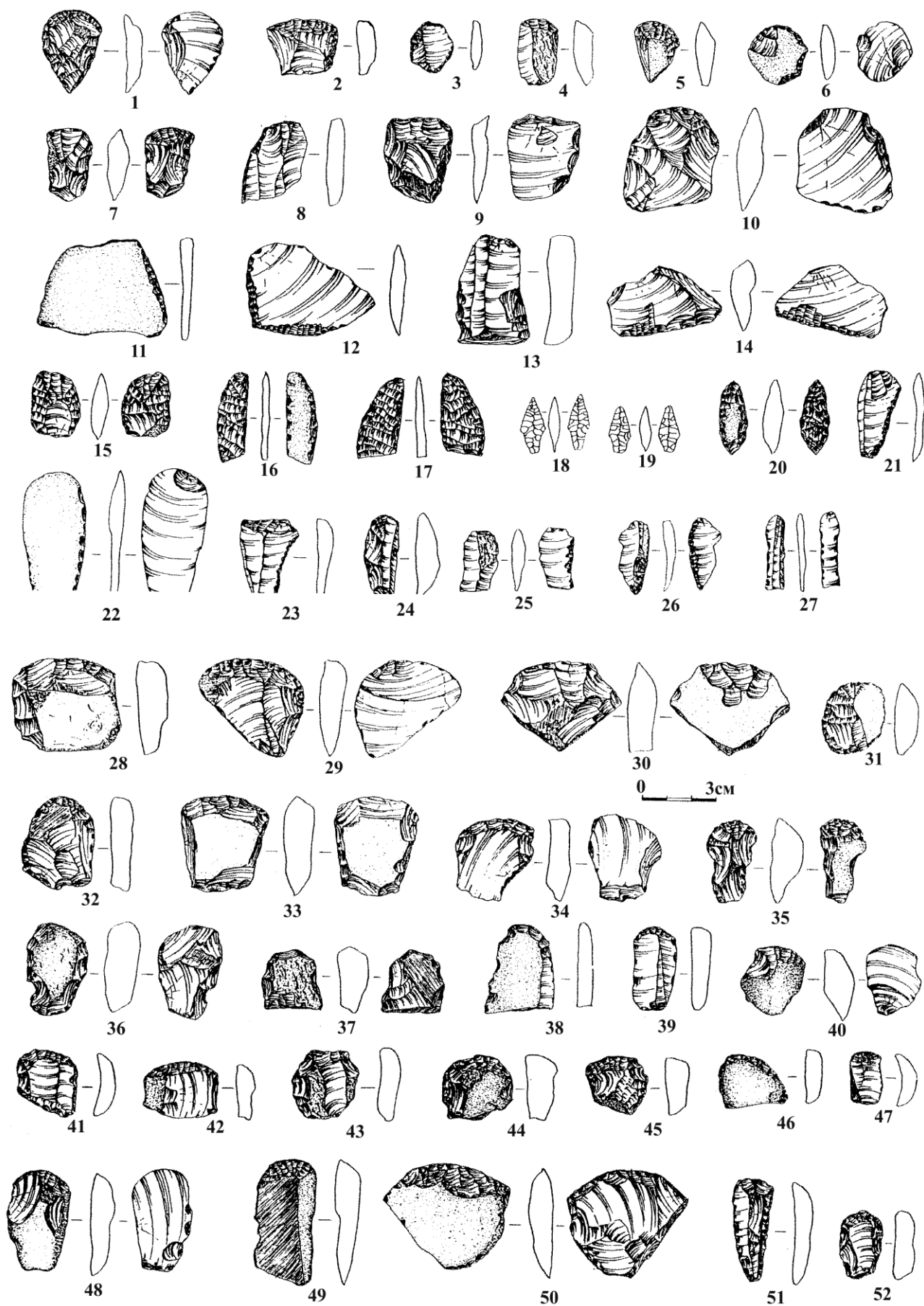

Рис. 5. Куйтунский район. Каменный инвентарь

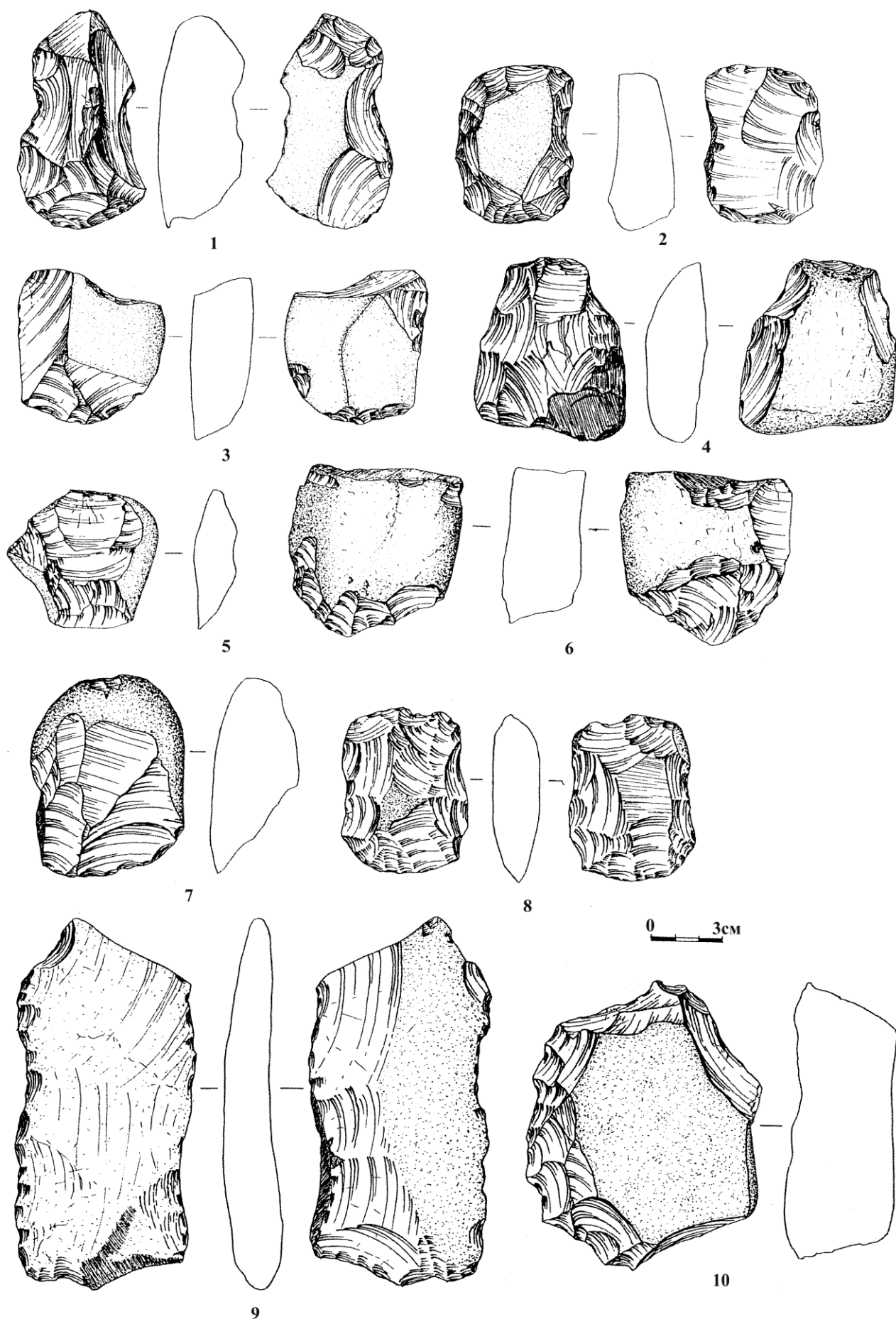

Рис. 6. Куйтунский район. Каменный инвентарь

- последняя подгруппа представлена фрагментами сосуда с оттисками «сетки-плетенки» без орнамента.

6. Группа имеет фрагменты глиняных сосудов (4) с грибовидным внешне симметричным венчиком (рис. 3) и разбивается на две подгруппы (штриховая и шнуровая керамика):

- *штриховая керамика* орнаментирована поясками «жемчужин» и округлых вдавлений с оттисками зубчатого штампа под венчиком;

- *шнуровая керамика* представлена одним сосудом открытой формы, орнаментированным горизонтальным пояском округлых ямок. Отпечатки витого шнура в верхней части сосуда отчетливые, на тулове затерты.

7. Группа фрагментов грибовидных внутренне ассиметричных венчиков (рис. 3) от двух сосудов, относящихся к штриховой и гладкостенной подгруппам:

- *штриховая* — орнаментирована не глубокими, треугольными вдавлениями в виде горизонтальной линии;

- *гладкостенная* керамика украшена наклонными насечками под венчиком и горизонтальными рядами оттисков «отступающей лопаточки».

8. Группа состоит из фрагментов глиняных сосудов, венчики которых имеют скошенную внешне симметричную форму (рис. 3) и делятся на две подгруппы по технике изготовления:

- *штриховая* (два сосуда) орнаментирована оттисками зубчатого штампа под венчиком, на тулове горизонтальная линия отпечатков «отступающей лопаточки» и пояска округлых вдавлений;

- *гладкостенная* — орнаментирована оттисками зубчатого штампа под венчиком, тулово — горизонтальными прочерченными линиями.

9. Группа представлена (рис. 3) фрагментами скошенных внешне ассиметричных венчиков от двух сосудов открытой формы, внешняя поверхность которых имеет следы отпечатков «рубчатой лопаточки» и украшена простым по композиции орнаментом в виде трех поясков «жемчужин» и пояском подтреугольных вдавлений.

10. Группа имеет обломки венчиков сосудов (2) открытой и закрытой формы (рис. 3). Венчики в профиле острой формы, внешняя поверхность сосудов орнаментирована пояском «жемчужин», отпечатками зубчатого штампа под венчиком, горизонтальными рядами округлых ямок. Все фрагменты керамики относятся к подгруппе штриховой.

Группа фрагменты керамики тулова сосудов (10) разбиваются на две подгруппы: штриховую и гладкостенную (рис. 3):

- *штриховая керамика* орнаментировалась наклонными отпечатками зубчатого штампа, рядами оттисков «отступающей лопаточки» и не глубокими, округлыми вдавлениями.

- *подгруппа гладкостенной керамики* представлена фрагментами от двух сосудов, украшенных горизонтальными поясками небольших округлых ямок и «жемчужин».

Анализируя керамический материал, можно сделать ряд выводов. Большинство глиняных сосудов (77) изготавливались в технике выколачивания лопаткой со штриховой или гладкой поверхностью, а так же лопаточкой, обмотанной нитями — шнурами. Орнамент нанесен в непрерывно-накольчатой, прерывисто-накольчатой, и прочерченной технике нанесения орнамента.

Три сосуда изготовлены при помощи «сетки-плетенки» с хорошо различимыми узелками.

Каменный инвентарь подразделяется на следующие группы:

Нуклеусы и их заготовки (14 экз.). Все они представлены классической формой призматического нуклеуса: монофронтальные, полифронтальные, с замкнутым по периметру площадки фронтом, одноплощадочные с выраженным килем, с подработанными дистальными концами, с сохранившимися галечными корками (рис. 4.1–14).

Скребки (35 экз.) представлены: простыми, комбинированными и фигурными видами, которые изготавливались на пластинчатых сколах и призматических пластинах, а так же и на отщепах, имеют выпуклое симметричное и ассиметричное

лезвие, подработанное мелкой, разнофасеточной, крутой или приостряющейся ретушью. Основным материалом изготовления скребков служил кремь, микрокварцит, в отдельных случаях халцедон (рис. 5.1–13, 28–52).

Наконечники стрел и их обломки (4 экз.) представлены двумя небольшими по размерам черешковыми наконечниками (рис. 5.18, 19), одним листовидным (рис. 5.20) и обломком (насад) с вогнутым асимметричным основанием (рис. 4.18).

Пластины (212 экз.) представлены дистальными, медиальными и проксимальными сегментами двух трехгранных призматических пластин, пластин с бессистемной огранкой, а так же пластинами с ретушью утилизации (рис. 5.21–27), (рис. 4.20–35).

Единичные каменные изделия. Концевые вкладыши, обработанные сплошной стелющейся ретушью – 2 экз. (рис. 4.19), отщепы и пластины с подработанным режущим краем или лезвием – 8 экз. (рис. 5.8, 12; рис. 5.20–24, 26), шлифованное тесло, эллипсовидное в профиле подпрямоугольной формы, лезвие слегка выпуклое симметричное (рис. 4.17), шлифованное тесло (лезвие обломано) подпрямоугольной формы из светлого нефрита (рис. 4.36), каменное изделие из микрокварцита подпрямоугольной формы с негативами крупных и мелких сколов, кварцитовая галька (грузило) с желобом для закрепления и ретушированным лезвием, два бифаса округлой и грубо подпрямоугольной формы, скребла на отщепах и кварцитовых гальках с прямым или выпуклым лезвием – 5 экз. (рис. 6.10; рис. 7.2, 3, 5, 7–10), рыболовный стерженек небольших размеров, изготовленный из агальматолита (рис. 4.16), зафиксировано отщепов из кремня, микрокварцита и халцедона 1505 экз.

На основании изучения приемов изготовления и орнаментации керамического материала, сопоставления с материалами памятников Приангарья, многообразия каменного инвентаря стоянок Катыгирова 3, Усть-Зама 2, Большой Байбаб данные культурные остатки можно датировать эпохой неолита – бронзовым веком (IV–II тыс. до н. э.).

Железный век (в материалах местонахождений Катыгирова 1, 2. Юхново, Зама-сор, Усть-Зама 2) представлен, в основном, керамическим материалом (300 экз.), преобладают сосуды с овальными венчиками в сечении, единичны случаи, когда венчики имеют приостренную, грибовидную и прямую форму. Большинство сосудов профилированы и внешняя поверхность орнаментировалась горизонтальными или вертикальными рядами налепных валиков в сочетании с ногтевыми вдавлениями и пальцевыми защипами. Имеются сосуды, украшенные косыми, узкими насечками с поясками «жемчужин» и округлых вдавлений (рис. 8.15–19, 21–25, 27–31, 34, 35).

Имеются обломки поддонов сосудов, орнаментированные вертикальными, треугольными налепными валиками и косыми насечками (рис. 8.20, 26, 32, 33), которые сближаются с сосудами на поддонах железного времени байкальских стоянок, для которых характерны накладные орнаменты, пальцевые защипы и ногтевые вдавления и датируются они V–III вв. до н. э. [Свинин, 1976]. Аналогичная керамика фиксировалась в верховьях Ангары, а также в поздних плиточных могилах Забайкалья, где она относится к V–II вв. до н. э. [Диков, 1958]. Особенностью керамического материала данного периода является наличие сосудов с «ушками» для подвешивания. «Ушки» имеют подпрямоугольную форму, украшались с одной стороны налепными треугольными валиками, косыми, узкими насечками, ногтевыми вдавлениями и все зафиксированные «ушки» имеют округлые отверстия (рис. 8.1–14). Сосуды данного облика имеются в материалах памятников Прибайкалья в серовское время, но в нашем случае сосуды с «ушками» аналогичные по конфигурации серовским, отличающиеся от последних насечками и приемами орнаментации. Наряду с ними появляются новые, хорошо изготовленные «ушки», характеризующиеся усложненной формой, орнаментацией, тщательностью отделки, которые встречаются в позднем бронзовом веке стоянок Среднего Приангарья [Васильевский, 1978].

Каменный инвентарь состоит из отщепов, различных сегментов призматических

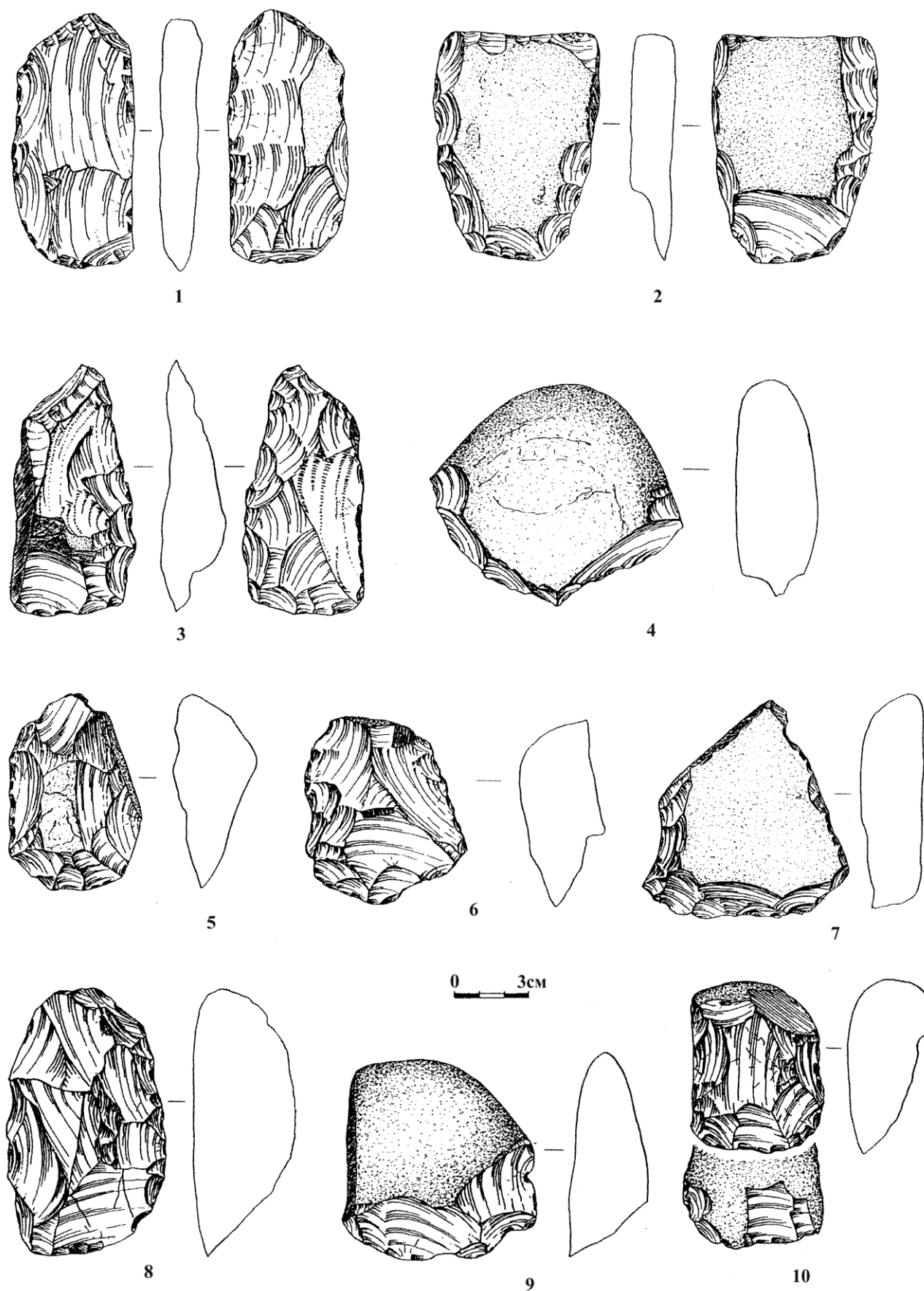

Рис. 7. Куйтунский район. Каменный инвентарь

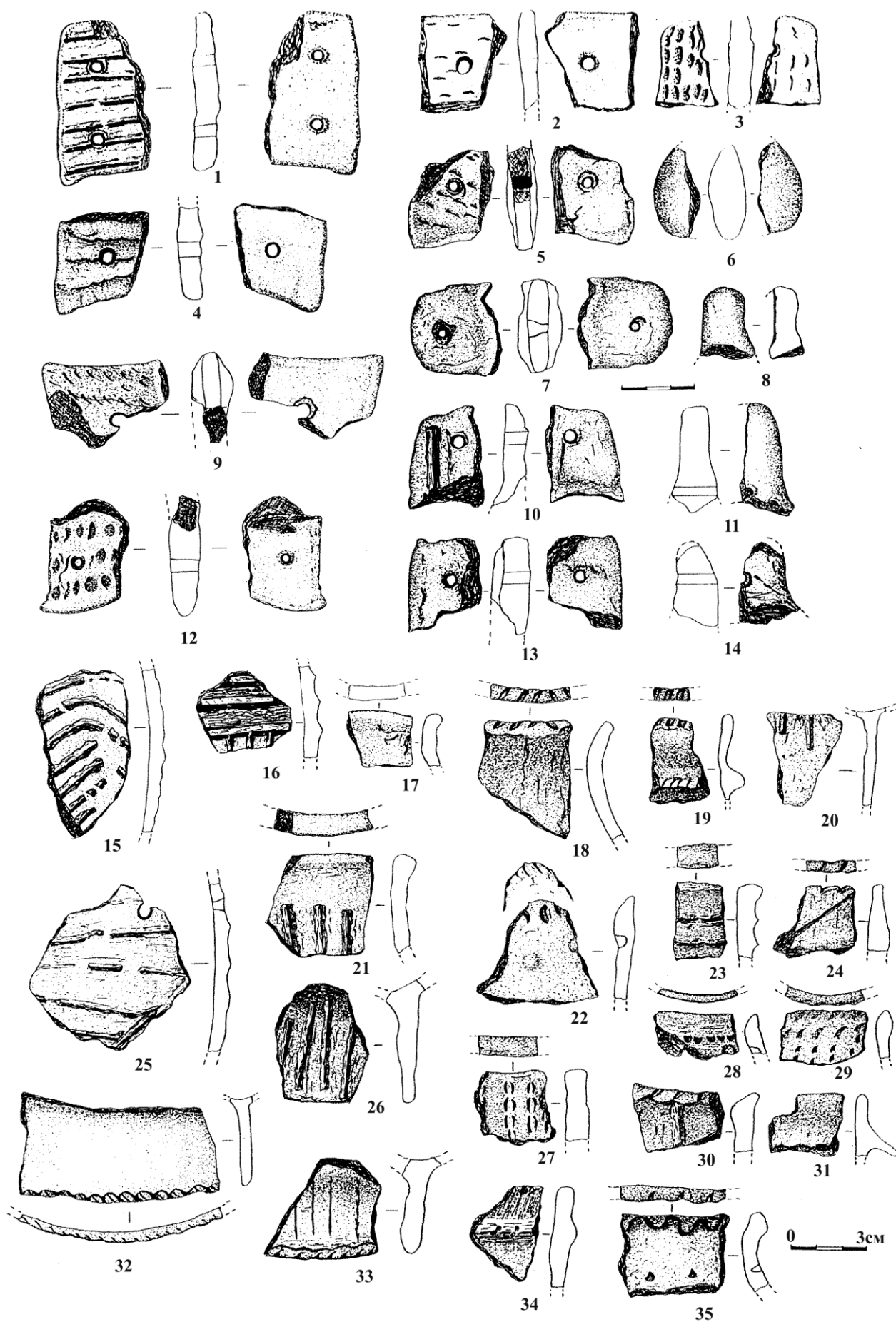

Рис. 8. Куйтунский район. Керамический материал

пластин. Данный археологический материал был зафиксирован на местонахождениях Катыригова 1, 2, Юхново, Замасор, Усть-Зама 2 и датируется 1 тыс. до н. э. – 1 тыс. н. э.

Эпоха средневековья представлена двумя погребениями, получившими название Материк по наименованию местности, в который были обнаружены на поверхности 2–3-метровые остатки релок, причленяющихся к левобережной 10–20-метровой террасе реки Оки (Братское водохранилище). Более подробное описание погребений и анализ сопроводительного материала опубликованы в статье В.С. Николаева, С.А. Дзюбас и В.В. Белоненко в 2002 году.

В заключение хочется отметить, что в данной работе рассмотрен, сопоставлен и предварительно интерпретирован археологический материал с памятников открытого и закрытого типа. В связи с этим встают новые задачи для исследователей на территории Куйтунского района: продолжить разведочные маршруты по выявлению археологических памятников, особенно по притокам р. Оки; проведение раскопочных работ на археологических объектах с сохранившимся культуросодержащим горизонтом.

Статья поступила 22. 01. 2015 г.

Библиографический список

1. Полесских М.Р. Отчет о полевых археологических исследованиях в Иркутской области в 1949 году // ОПИ ИА РФ, Р-1.
2. Анцифиров И.В. Куйтунский район (историко-географические очерки) : рукопись. Иркутск, 1991.
3. Васильевский Р.С. Археологические исследования на Средней Ангаре (некоторые предварительные результаты работ Ангаро-Илимской экспедиции 1967–1974 гг.) // Древние культуры Приангарья. Новосибирск, 1978. С. 131–150.
4. Дзюбас С.А. Отчет о полевых археологических исследованиях в Иркутской области летом 1985 года // Архив ИА АН РФ, Р-1.
5. Абдулов Т.А. Отчет о предварительном археологическом обследовании территории, испрашиваемой под размещение песчанного карьера и подъездной автодороги в Куйтунском районе Иркутской области летом 1989 года. Иркутск, 1989 // Архив ЦСН № 187. С. 32.
6. Дзюбас С.А. Отчет о предварительном археологическом обследовании территории, испрашиваемой под размещение глиняного карьера и поселка малоэтажной застройки в районе с. Барлук. Иркутск, 1992 // Архив ЦСН № 214. С. 45.
7. Дзюбас С.А. Археологическая оценка территории (обоснование выделения территорий с особыми условиями использования) муниципального образования «Куйтунское городское поселение». Схема расположения объектов археологического наследия на территории Куйтунского городского поселения. Иркутск, 2011 // Архив ООО «РАРИТЕТ Ко» № 24.
8. Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958. 105 с.
9. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. МИА, М.-Л., 1949, № 9.
10. Николаев В.С., Дзюбас С.А., Белоненко В.В. Средневековые погребения по обряду кремации на территории Приангарья // Археологическое наследие Байкальской Сибири 2 (изучение – охрана – использование). Иркутск. 2002. С. 85–101.
11. Свинин В.В. Периодизация археологических памятников Байкала // Изв. ВСОРГО СССР. Иркутск, 1976. Т. 69. С. 167–179.

Список сокращений

ОГУ ЦСН – Областное государственное учреждение «Центр по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области»
 ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

ОКН – объект культурного наследия
 ОАН – объект археологического наследия
 Н. э. – нашей эры
 Л. н. – лет назад
 Вв. – веков
 Л. – лет

ПМ – Подъемный археологический
материал
М – масштаб, метр
С. – село, страница

Ст. – статья
Ч. – часть
Рис. – рисунок

Сведения об авторе

Дзюбас Сергей Аликович, директор ООО «Раритет», 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Шапошникова, 2, кв. 2, тел.: 89646505810, e-mail: raritet-92@mail.ru

Dzjubas Sergei Alikovich, director of ООО «Raritet», office 2, Shaposhnikova, 2, Irkutsk, 664025, Russia, tel.: 89646505810, e-mail: raritet-92@ mail.ru

УДК 903

СТОЯНКА КУРМА 24 НА ЗАПАДНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗЕРА БАЙКАЛ

© А.В. Харинский, А.В. Тетенькин, В.А. Харинский

Стоянка Курма 24, исследованная в 2013–2014 гг., является местонахождением смешанного типа с компрессионным культурным слоем. Она представлена артефактами, относящимися к разным археологическим периодам. Первая группа находок – изделия из камня – относится к периоду мезолита. Вторая – металлургические шлаки – датируется в пределах III в. до н. э. – начала XX в.

Ключевые слова: мезолит, железный век, Приольхонье, микронуклеусы, металлургический шлак.

SITE KURMA 24 ON THE WESTERN COAST OF LAKE BAIKAL

© A.V. Kharinsky, A.V. Tetenkin, V.A. Kharinsky

Site Kurma 24 studied in 2013–2014 is a site with mixed compressive cultural deposits. It consists of artifacts of different archaeological periods. First group of findings belongs to Mesolithic; second one because of metallurgic slag was addressed to III century B.C. – early XX century A.C.

Key words: Mesolithic, Iron Age, Ol'khon region, microcores, metallurgic slag.

Введение

В основу данной статьи положены результаты археологических работ 2014 года на местонахождении Курма 24 в Ольхонском районе Иркутской области на побережье Малого моря. Полученные материалы, как будет показано ниже, оценены как признаки эпохи мезолита и железного века. Маломорский район побережья Байкала археологически является одним из самых представительных, в том числе и в отношении памятников мезолитической культуры (Савельев, Свинин, 1990; Горюнова, 1991; Горюнова, Свинин, 1996). Прирост сведений о новых выявленных объектах в этом районе идет непрерывно. Ввод в научный оборот материала и первичная научная атрибуция его являются изначальной и неперменной задачей.

География стоянки

Стоянка Курма 24 находится на западном берегу озера Байкал (Ольхонский район Иркутской области), выделяемом в отдельный историко-географический район – Приольхонье (рис. 1). Территория Приольхонья входит в состав Байкальской рифто-

вой зоны, располагаясь вблизи с краевым швом между Сибирской платформой и Байкальской горноскладчатой областью, что обусловило неоднократное проявление разновозрастных геологических процессов (седиментогенеза, магматизма, метаморфизма, тектонической активизации и складкообразования). Образование разрывных нарушений района связано с движениями по краевому шву платформы и формированием Байкальского рифта. Западное побережье Байкала в районе пролива Малое море сложено глубоко метаморфизованными породами ольхонской серии, возраст формирования которой большинство специалистов относит к архею – раннему протерозою (Кочнев, 2007).

Особое значение в микрорельефе морфологических ландшафтов Приольхонья имеют рвы и микрограбены с субвертикальными скальными стенками – следы горизонтального поперечного растяжения фундамента Байкальского рифта. В степных ландшафтах Приольхонья эти малые морфотектонические формы – свидетельства расщеления приповерхностных частей литосферы. Западное побережье Среднего

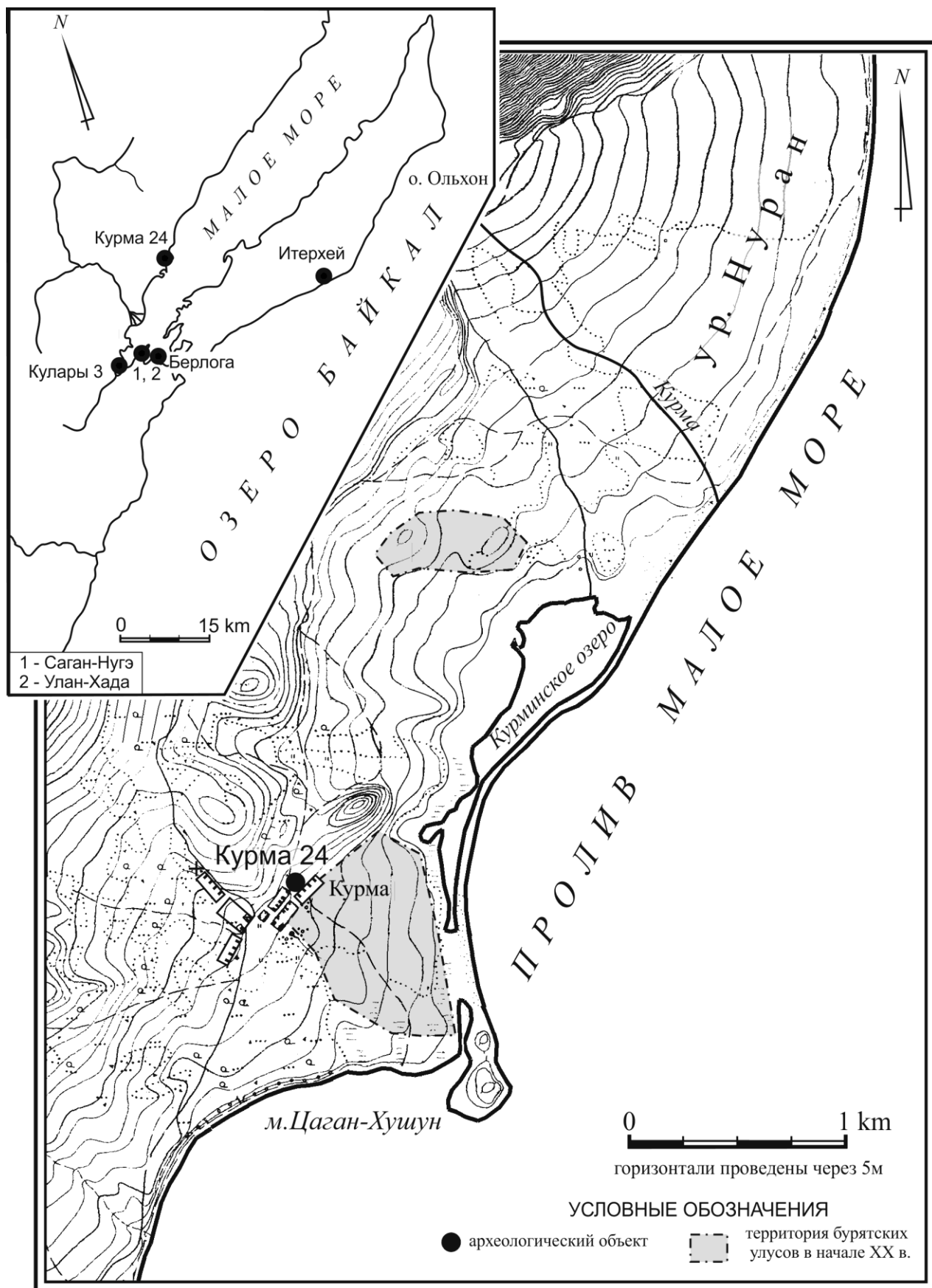

Рис. 1. Карта расположения стоянки Курма 24

Байкала преимущественно представлено ступенчатым низкогорным рельефом. Верхний ярус – это реликтовые участки древнего пенеплена в вершинном поясе рельефа. Основу следующего яруса составляют высокие придолинные педименты, а самый молодой и нижний субъярус – это днища речных долин и суходолов, а также замкнутые котловины с грядово-западинным микрорельефом и с существенной ролью в морфогенезе эоловых процессов (Уфимцев [и др.], 2010).

Подобные геоморфологические образования наблюдаются и в районе села Курма, на северо-восточной окраине которого располагается стоянка Курма 24 (рис. 2). К северо-востоку и северу от села локализуются две горы. Северная из них (высота 530,9 м) является педиментом Приморского хребта и обращена к нему северо-западной стороной. С юго-западной, восточной и северо-восточной сторон гора оканчивается пологими склонами высотой около 30 м. В северной части горы располагается лиственный перелесок. Северо-восточная гора – Курминская, высотой 517,7 м. Ее юго-восточный склон пологий, а северный и восточный – крутые. Вдоль горы проходят несколько параллельных гряд скальных выходов, ориентированных по линии юго-запад – северо-восток. Северная часть горы занята лиственным перелеском.

Большая часть села располагается на ровной площадке, имеющей юго-восточную экспозицию. На ней произрастают степные ассоциации растений и отдельные лиственницы. К западу и северо-западу от села находятся небольшие перелески. Вблизи села протекает несколько ручьев. Наиболее крупный из них находится к северу от села. Он течет с запада на восток, между двумя горами. Два других ручья выходят на поверхность земли только в дождливую погоду. Один из них протекает в юго-западной части села. Другой ручей берет начало от ключа на юго-восточной оконечности села и течет в юго-восточном направлении, в сторону Байкала. Территория по берегам ручьев заболочена и покрыта кочками.

К востоку от села локализуется участок каменистой степи. Он почти вплотную подходит к байкальскому берегу, от которого отделяется небольшой заболоченной полосой. Береговая полоса в районе поселка представлена мысом Цаган-Хушун и тянущейся к северо-востоку от него галечной косой – результатом прибойно-волновой деятельности озера Байкал. К северо-западу от косы располагается Курминское озеро, в северную часть которого впадает р. Курма. В средней части косы имеется небольшая протока, соединяющая озеро с Байкалом.

Поверхность земли в северо-восточной части поселка представлена делювиальными отложениями. В данное время они находятся под типчаково-полынно-разнотравной степью. Территория стоянки Курма 24 располагается в северо-восточной части с. Курма у юго-западного подножия Курминской горы (рис. 1, 2). Вдоль её юго-восточной границы проходит улица Курминская, а с юга на север пересекает проселочная дорога, следующая к турбазе «Серебряный источник» и далее до с. Зама. К востоку от стоянки находится часовня. Примыкающая к ней площадка огорожена с четырех сторон деревянной изгородью. К западу от стоянки располагается небольшой деревянный дом, а к северо-западу от неё бетонное основание кошары, построенной в советское время. Вдоль юго-восточного и западного краев стоянки проходят линии электропередач.

История исследования Курмы 24

К настоящему времени в окрестностях с. Курма известно 43 археологических объекта, различных по своей хронологии и функциональному назначению. Первые археологические исследования в окрестностях села Курма проводились в 1991 г. О.И. Горюновой во время осмотра территории, отводимой Бурятскому культурному центру для строительства туристической базы. В результате визуального осмотра местности выявлено два археологических объекта Курма 1 и Курма 2 (Горюнова, Свинин, 1997). На следующий год Иркутским государственным университетом предпринято обследование трассы строящейся автодороги «Сарма – Курма». В ок-

рестностях села Курма выявлено восемь археологических объектов (Харинский, 1993). Несколько археологических памятников в районе с. Курма открыты в 1995 г. О.И. Горюновой и П.Е. Шмыгуном во время разведки вдоль байкальского побережья от с. Курма до с. Зама (Горюнова, Свинин, 1997).

С 1998 г. археологические раскопки в окрестностях с. Курма проводятся совместной экспедицией Иркутского государственного технического университета (ИрГТУ) под руководством А.В. Харинского и детского археологического лагеря Центра детско-юношеского туризма и краеведения, возглавляемого М.Л. Бородиной. В 1998 г. сотрудником ИрГТУ Г.В. Туркиным во время работ в окрестностях с. Курма была выявлена стоянка, предварительно датированная X–VI тыс. до н. э. и названная Курма 24. Она располагалась в 0,05 км к северо-востоку от села, у юго-западного подножия горы с высотной отметкой 517,7 м. В колее проселочной дороги, огибающей гору с запада и севера, были собраны кремневые отщепы, пластины и скребок. Границы памятника были установлены предварительно, исходя из геоморфологических особенностей местности и площади распространения подъемного материала. Раскопочные работы на стоянке не проводились.

В 2010-х гг. в связи с расширением села Курма и электрификацией вновь построенных домов, над стоянкой Курма 24 нависла угроза разрушения. На её территории было установлено 6 опор ЛЭП, частично разрушивших культурный слой памятника. Для сохранения остальной части объекта археологического наследия необходимо было провести ряд мероприятий, в число которых входило и уточнение его границ. Установленные в 1998 г. границы стоянки Курма 24 имели предварительный характер и были определены исходя из геоморфологических особенностей местности и площади распространения подъемного материала.

В 2013 г. в районе памятника было заложено 4 тестирующих шурфа размером 2 x 2 м, к которым в 2014 г. прибавилось еще 11 шурфов (рис. 2). В ходе работ были

определены границы стоянки Курма 24 и намечены участки с наибольшей концентрацией археологического материала.

Западная часть памятника попала в зону эксплуатации линии электропередач, поэтому на ней необходимо было провести спасательные археологические раскопки. Для этой цели в 2014 г. был выбран участок с наибольшей концентрацией археологического материала, определенный в ходе шурфовочных работ. Два разведочных шурфа (№ 6 и 11), заложенных в западной части памятника, были развернуты в раскопы. Общая площадь земли, вскрытая на памятнике в 2013 и 2014 гг., составила 82 кв. м.

Результаты полевых работ

Судя по расположению артефактов, обнаруженных на стоянке в предыдущие годы, наибольшее количество археологического материала концентрируется преимущественно вдоль дороги, идущей из с. Курма к турбазе «Серебряный источник».

В шурфах и в раскопах 2013–2014 гг. выявлена единая стратиграфическая ситуация. В частности, в районе раскопа 3 она выглядит следующим образом (рис. 3.1):

№ слоя	Сверху вниз	Мощность в м
1	Дерн (темно-серая супесь)	0,03–0,04
2	Темно-серая супесь с камнями и пятнами плотного черного суглинка, из основания слоя заложена серия криогенных трещин мощностью до 30 см	0,18–0,22
3	Плотный черный суглинок с камнями делювиального происхождения	0,00–0,30
4	Желтые делювиальные суглинки с камнями	вскрыт до 0,05

Из 4 шурфов, заложенных на восточной периферии стоянки в 2013 г., археологический материал зафиксирован только в самом западном из них – шурфе № 2. Он представлен кремневым отщепом без следов обработки. Находка обнаружена в

центральной части шурфа на глубине 10 см,
в слое серой супеси (слой 2).

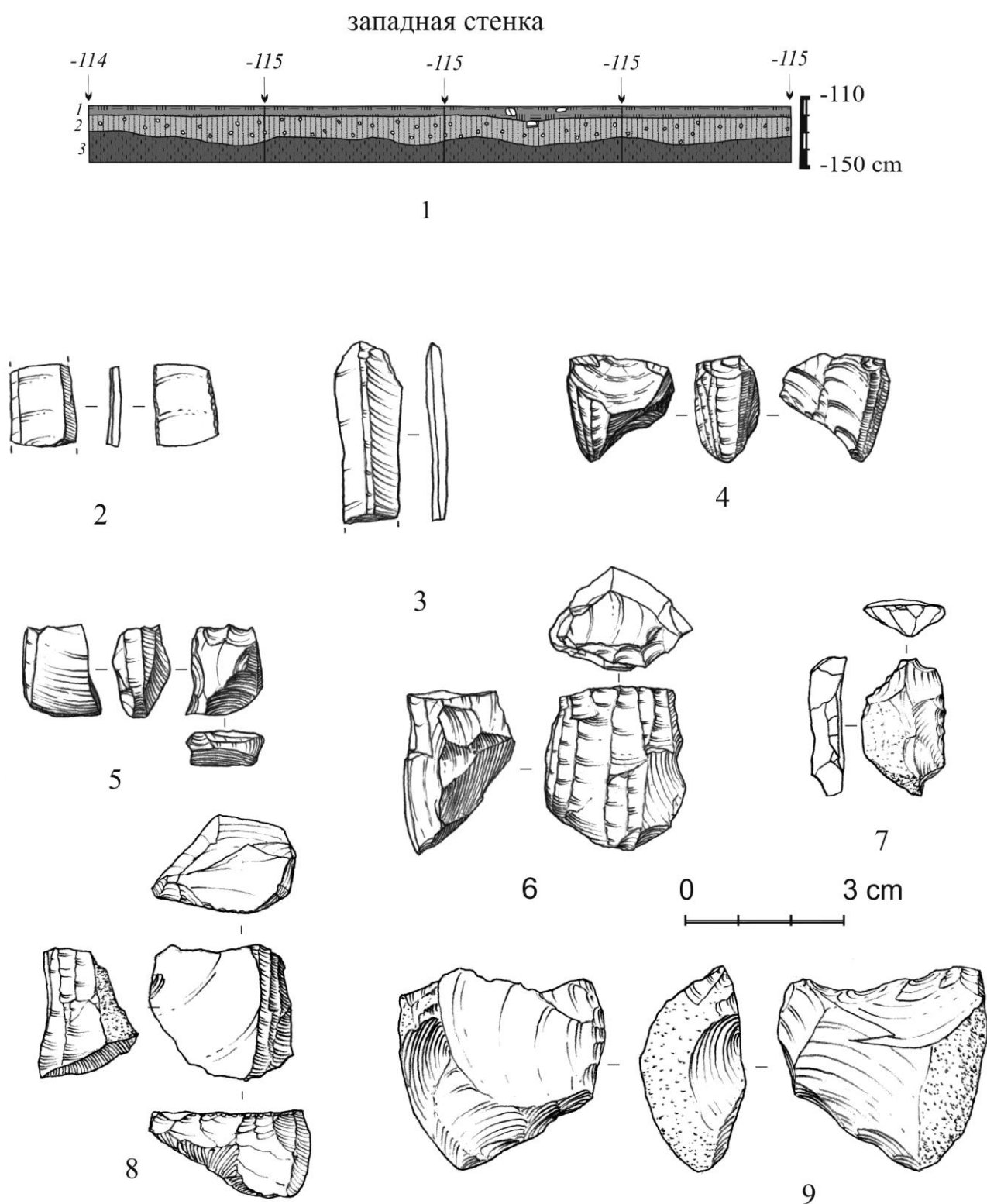

Рис. 3. Курма 24: 1 – стратиграфический разрез раскопа 3; 2 – медиальный сегмент пластины с краевой ретушью; 3 – пластина; 4–6, 8 – микронуклеусы; 7 – скребок; 9 – преформа клиновидного нуклеуса

Из 11 шурфов, заложенных в районе стоянки в 2014 г., находки были зафиксированы только в 4-х (рис. 2). В шурфе № 10 они были представлены двумя фрагментами костей животных. На них не было отмечено следов человеческого воздействия, поэтому вполне вероятно, что они не имеют отношения к культуровмещающему слою памятника. В шурфе № 8 обнаружено два кварцитовых и один кремневый отщеп. Наличие в этой части памятника единичных артефактов свидетельствует о том, что в районе улицы Курминская проходит южная периферия стоянки Курма 24. В результате работ выяснилось, что культуровмещающий слой стоянки находился на глубине 6–12 см. Он переотложен и подвергся значительной компрессии.

В шурфах № 6 и 11, расположенных в западной части стоянки, были обнаружены каменные орудия и отщепы. И хотя культуровмещающий слой, зафиксированный в этих шурфах, имел черты компрессии и был представлен всего несколькими артефактами, тем не менее, он входил в границы основной территории археологического объекта и представлял научную ценность. Локализация шурфов № 6 и 10 вблизи линии электропередач вызывала опасение за дальнейшую сохранность погребенных культурных остатков. В связи с этим было принято решение провести в западной части стоянки спасательные археологические работы.

Раскоп № 1 разбит на месте шурфа № 6. К его северной и южной стенкам были сделаны прирезки размером 1 x 2 м, ориентированные длинными сторонами по линии запад–восток. Обнаружено 11 артефактов, залегающих на глубине 4–10 см от современной поверхности земли в слое серой супеси с камнями. Находки представлены 1 заготовкой нуклеуса (рис. 3.9), 1 микро-нуклеусом (рис. 3.8), 5 кремневыми отщепами и 5 железными шлаками. На площади раскопа велась единая нумерация находок. Артефакты, относящиеся к различным эпохам, залегали на одном уровне. При этом в западной части раскопа 2 железных шлака залегали даже глубже, чем каменные отщепы.

Раскоп № 2 был прирезан с западной стороны к раскопу № 1. Такое решение было принято в связи с тем, что в западной части раскопа № 1 отмечалась самая большая концентрация археологических находок из всех, вскрытых на памятниках земляных площадей. В раскопе обнаружено 32 железных шлака, 9 кремневых отщепов, 1 кремневая пластина (рис. 3.2) и 1 нуклеус (рис. 3.6). Как и в раскопе № 1, находки располагались на глубине 4–10 см от современной поверхности земли в слое серой супеси с камнями. Артефакты, относящиеся к различным историческим эпохам, залегали на одном уровне. Куски шлака локализовались в одном слое с кремневыми отщепами. Наибольшая концентрация шлаков отмечается в северо-западной части раскопа. Обнаруженные находки преимущественно концентрировались в его восточной и центральной части.

Раскоп № 3 разбит на месте шурфа № 11, к которому с севера была сделана прирезка размером 1 x 2 метра, ориентированная длинными сторонами по линии запад–восток. В раскопе найдено 2 микро-нуклеуса (рис. 3.4, 5) и 3 кремневых отщепов. Артефакты располагались на глубине 4–8 см от современной поверхности земли в слое серой супеси с камнями.

Материалы местонахождения Курма 24 содержат два основных компонента: это артефакты из аргиллита и окремнелых пород и металлургические шлаки. Показательно отсутствие на вскрытой площади керамики. Единственными технико-типологически выразительными предметами коллекции каменных культурных остатков являются микропластинчатые нуклеусы. Их найдено три экземпляра. Два нуклеуса торцовые и один призматический.

Призматический микро-нуклеус (рис. 3.6) имеет фронт по широкой выпуклой поверхности нуклеуса. Контрфронт имеет пирамидальную форму. Площадка оформлялась сколами по периметру. Фронт несет негативы заломов пластинчатых снятий по всей ширине. Была также неудачная попытка перенести скалывание на правое ребро.

Один из торцовых нуклеусов (рис. 3.4) имеет сильно скошенную ударную пло-

щадку, перекрывающую негативы от снятия микропластин на левом краю фронта. Фронт и нуклеус производят впечатление крайней сработанности. Дистальная часть сведена в конец. Гребень круто скошен и невыразителен. Одна латераль сохранилась в виде двух широких негативов оформления. Вторая латераль практически отсутствует: грани скошенной ударной площадки и негативов оформления кия имеют общие ребра.

Второй торцовый микронуклеус изготовлен из отщепы (рис. 3.5). Он двухфронтальный и двухплощадочный. Одна площадка оформлена асимметрично-поперечно негативами с одной из латералей. Торцовый фронт имеет два негатива микропластинчатых снятий. Вторая ударная площадка расположена перпендикулярно первой, являясь как бы контрфронт-гребнем для первого фронта. Она также оформлена с одной стороны тремя негативами. С этой второй ударной площадки произведены два микропластинчатых снятия, также перпендикулярных первому фронту. После этого в проксимальной части второго фронта поперек был нанесен короткий чешуйчатый негатив.

Еще один микропластинчатый нуклеус является торцовой призматической формой (рис. 3.8). Ударная площадка образована боковым сколом и латерально скошена. Преформой нуклеуса стал не слишком выразительный скребок высокой формы. Его рабочий край приходится на дистальный конец и гребень контрфронта нуклеуса.

В коллекции есть также одна преформа клиновидного нуклеуса (рис. 3.9). Она изготовлена из галечного отщепы и имеет бифасиальное оформление латералей, скошенную с одной латерали на другую ударную площадку и линию киль-гребень, обработанную краевой ретушью. Фронтальный торец имеет один раковистый поперечный негатив и галечную, в целом, поверхность. Поверхности предмета закатаны.

Один фрагмент микропластины представляет собой медиальный сегмент с мелкой краевой ретушью на обоих продольных краях по вентральному фасу (рис. 3.2). Учитывая это, сегмент можно охарактери-

зовать как вкладыш. Другая микропластина, обнаруженная в колее проселочной дороги, является проксимально-медиальным сегментом, дистальный конец ее отсутствует (рис. 3.1).

В подъемном материале есть также концевой-боковой скребок из кремневого отщепы (рис. 3.7). Концевое лезвие (головка скребка) дислоцировано на проксимальном конце удлиненной отщеповой преформы.

Обсуждение

Принимая во внимание отсутствие керамики, следует признать торцовые псевдоклиновидные и призматические микронуклеусы вполне типичными для байкальского среднего – позднего – финального мезолита (Горюнова, Новиков, 2000). Эталонными памятниками Приольхонья, демонстрирующими археологическую культуру на разных хронологических этапах раннего голоцена, являются Берлога (VII – нижний, средний, верхний к. г.), Саган-Нугэ (X–IX–VIII к. г.), Итерхей (IX–VIII к. г.), Кулары III (VI–V–IV к. г.), Улан-Хада (XI к. г.). Для них как раз характерны торцовые псевдоклиновидные микронуклеусы в сочетании с призматическими микропластинчатыми нуклеусами той формы, которая получила широкое распространение в последующую неолитическую эпоху. Учитывая отсутствие керамики, наиболее вероятен именно мезолитический возраст комплекса Курма 24.

Побережье Малого Моря озера Байкал – археологически наиболее богатый и наиболее изученный район, он содержит и наибольшее число комплексов донеолитического времени (Савельев, Свинин, 1990; Горюнова, 1991; Горюнова, Свинин, 1996). Благодаря изучению опорных многослойных объектов Берлога, Итерхей, Саган-Нугэ и др. О.И. Горюновой, А.Г. Новиковым, Г.А. Воробьевой разработана культурно-хронологическая модель развития мезолита Приольхонья (Горюнова, 1991; Горюнова, Новиков, 2000; Горюнова, Воробьева, 1986, 1998; Воробьева, Горюнова, 1997). Еще раньше, в 1960–1970-х гг. Г.И. Медведевым разрабатывалась концепция байкальской позднемезолитической культуры (Медведев, 1971; Георгиевский,

Медведев, 1980). С другой стороны, массовой является ситуация компрессии культурных остатков различных эпох, вмещенных в маломощные покровные подпочвенные отложения. Местонахождение Курма 24 – одно из них. Единственной возможностью их культурно-хронологической атрибуции является типологический анализ и корреляция с руководящими типами разработанной районной археологической (культурно-хронологической модели).

Железные шлаки, найденные в шурфах и раскопах Курмы 24, сложно соотнести с каким-либо временным периодом. Находка следов металлургии железа в окрестностях с. Курмы достаточно частое явление. На некоторых из местонахождений зафиксированы и остатки металлургических горнов. На территории двух металлургических центров Курминское озеро 1 и Курма 28 проводились раскопки, в результате которых выяснилось, что на протяжении более чем двух тысяч лет в районе современной Курмы осуществлялось производство железа (Харинский, Снопков, 2002; Харинский [и др.], 2012; Харинский [и др.], 2013). Одним из основных источников руды в этом районе являлся магнетит, содержащийся в почве. Особенно велика его концентрация у подножия Приморского хребта. Большое количество магнетита в верхнем слое почвы позволяет рассматривать его как магнетитовый песок с относительно мелким раз-

мером зерен, который является одним из потенциальных источников рудного концентрата для получения железа древними металлургами (Снопков [и др.], 2012). Производство сыродутного железа продолжалось в районе современного с. Курма и в XVIII – начале XX вв. н. э. В это время здесь располагалось два бурятских улуса (рис. 1). На их территории и вблизи с ней фиксируется большое количество находок, связанных с металлургией железа. В связи с этим, обнаруженные в Курме 24 железные шлаки можно датировать в широком хронологическом диапазоне от III в. до н. э. до начала XX в.

Заключение

Стоянка Курма 24, исследованная в 2013–2014 гг., является местонахождением смешанного типа с компрессионным культурным слоем. На основании немногочисленных технико-типологических признаков микропластинчатого расщепления, изделия из камня, обнаруженные на стоянке, могут быть отнесены к мезолитическому времени. Металлургические шлаки, залегающие с ними на одном уровне, датируются в широком хронологическом диапазоне, охватывающем два последних тысячелетия.

Статья поступила 14. 02. 2015 г.

Библиографический список

1. Воробьева Г.А., Горюнова О.И. Ранний – средний голоцен Приольхонья (в свете новых данных) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997. Т. 3. С. 179–183.
2. Георгиевский А.М., Медведев Г.И. Мезолитическая стоянка Царь-Девница // Мезолит Верхнего Приангарья. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1980. Вып. 2 : Памятники Иркутского района. С. 103–115.
3. Горюнова О.И. Мезолитические памятники Ольхонского района (к археологической карте Иркутской области) // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск, 1991. С. 62–70, 200–204.
4. Горюнова О.И., Воробьева Г.А. Особенности природной обстановки и материальная культура Приольхонья в голоцене // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск, 1986. С. 40–54.
5. Горюнова О.И., Воробьева Г.А. Ранний голоцен побережья оз. Байкал: археология и природная обстановка // Главнейшие итоги в изучении четвертичного периода и основные направления исследований в XXI веке. СПб, 1998. С. 256.
6. Горюнова О.И., Свинин В.В. Археология Ольхонского района. Материковый участок: от мыса Елохин до мыса Улан. Иркутск, 1996. Ч. 2. 213 с.
7. Горюнова О.И., Новиков А.Г. Бескерамические комплексы Приольхонья (оз.

- Байкал) // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей : Международ. науч. семинар, апрель 22–28, 2000. Материалы докл. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2000. С. 51–57.
8. Кочнев А.П. Ольхонский кристаллический комплекс. Проблемы геологии и минерализации Приольхонья. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2007. 252 с.
9. Медведев Г.И. Мезолитический комплекс стоянки «Царь-Девичья» // Учен. зап. / ВСОГО СССР, Иркут. обл. музей краеведения. 1971. Вып. 4. Ч. 1: Вопросы истории Сибири. С. 30–44.
10. Савельев Н.А., Свинин В.В. К истории изучения каменного века побережья Байкала // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: К XIII Конгрессу ИНКВА (КНР, 1991) / отв. ред. Г.И. Медведев, Н.А. Савельев, В.В. Свинин. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. С. 111–118.
11. Снопков С.В., Матасова Г., Казанский А.Ю., Харинский А.В., Кожевников Н.О. Источники руды для производства железа в древности: Курминский археологический участок // Известия Лаборатории древних технологий: Сб. науч. трудов / под ред. А.В. Харинского. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2012. Вып. 9. С. 10–30.
12. Уфимцев Г.Ф., Сквитина Т. М., Филинов И. А., Щетников А. А. Особенности рельефа Приольхонья // География и природные ресурсы. 2010. № 4. С. 56–62.
13. Харинский А.В. Отчет о проведении полевых археологических исследований на западном побережье озера Байкал летом 1992 г. (Ольхонский район Иркутской области и Северобайкальский район Бурятии). Иркутск, 1993. Архив ИА РАН. Л.184.
14. Харинский А.В., Кожевников Н.О., Снопков С.В. Металлургические центры западного побережья озера Байкал I тыс. н.э. История и культура средневековых народов степной Евразии : материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей / отв. ред. А.А.Тишкин. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 65–68.
15. Харинский А.В., Снопков С.В. Производство железа населением Приольхонья в елгинское время // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2004. Вып. 2. С. 167–187.
16. Харинский А.В., Снопков С.В., Казанский А.Ю., Матасова Г.Г., Кожевников Н.О., Аmano Т. Металлургический центр Курма 28 (Приольхонье) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии : сб. науч. ст. / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 117–120.

Список сокращений

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет

ИРНИТУ – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Сведения об авторах

Харинский Артур Викторович, доктор исторических наук, профессор, руководитель Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИРНИТУ, Иркутский научный исследовательский технический университет, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, тел.: 89149002144, e-mail: kharinsky@mail.ru

Kharinsky Artur Victorovich, doctor of science, professor, director of the Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Subsistence of People of the Northern Asia, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontova St., Irkutsk, 664074, Russia, tel.: 89149002144, e-mail: kharinsky@mail.ru

Тетенькин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИРНИТУ, Иркутский научный исследовательский технический университет, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, тел.: 89086633571, e-mail: altet@list.ru

Teten'kin Aleksei Vladimirovich, PhD, associate professor, stuff of the Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Subsistence of People of the Northern Asia, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontova St., Irkutsk, 664074, Russia, tel. : 89086633571, e-mail: al-tet@list.ru

Харинский Владислав Артурович, магистрант, Иркутский научный исследовательский технический университет, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, тел.: 89149021703, e-mail: xram1991@inbox.ru

Kharinsky Vladislav Arturovich, master of Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontova St., Irkutsk, 664074, Russia, tel.: 89149021703, e-mail: xram1991@inbox.ru

УДК 902

О ПИСАНИЦЕ СИНСКАЯ НА СРЕДНЕЙ ЛЕНЕ: ПРОБЛЕМА ВЕРИФИКАЦИИ «ЧЕРНЫХ РИСУНКОВ»

© А.Д. Степанов

Писаница Синская, исследованная в далеком 1944 г. А.П. Окладниковым, привлекает внимание так называемыми «черными рисунками», которые у современных исследователей вызывают недоумение тем, что они почему-то не были описаны А.П. Окладниковым как расположенные у села Синское, в связи с чем предположили, что А.П. Окладников в который раз ошибся, расположив их на других писаницах. Проведенный сравнительный анализ наскальных изображений позволил установить, что ошибки А.П. Окладникова здесь нет и «черные рисунки» являются копиями из его книги.

Ключевые слова: писаница Синская, писаница Мохсоголлох-Хая, Синский фриз, «черные рисунки», писаница, рисунки, изображения, скалы.

PETROGLYPHIC DRAWING SITE SINSKAYA ON MIDDLE LENA RIVER: PROBLEM OF VERIFICATION OF «BLACK DRAWINGS»

© A.D. Stepanov

Petroglyph drawing site Sinskaya initially was studied by A.P. Okladnikov in 1944. This site is interesting because of its «black drawings» uncertainly documented for modern researchers. Given analysis of these pictures allows to deduce that A.P. Okladnikov was right and «black drawings» are copies from his monograph.

Key words: Petroglyph drawing site Sinskaya, Petroglyph drawing site Mohsogolokh-Khaya, Sinskaya friso, «black drawings», petroglyphs, drawings, picture, rocks.

Введение

Писаница Синская (Синское по А.П. Окладникову) располагается в устье р. Синяя, на скалах правого берега, под самым селом Синск (рис. 1). Писаница считается известной достаточно давно. Как будто бы в начале 1920-х годов ее посещал Г.В. Ксенофонов. Тем не менее в его редкой ныне публикации «Изображения на скалах р. Лены в пределах Якутского округа» (Ксенофонов, 1927), как и в отчете А.А. Саввина, исследовавшего р. Синюю (1940), описание писаницы как расположенной в устье р. Синяя, под селом Синское, не найдено. Описание одной из групп синских рисунков локализуется Г.В. Ксенофоновым на писанице Мохсоголлох-Хая.

Существует проблема «черных рисунков», которые не упоминаются в исследованиях А.П. Окладникова как рисунки пи-

саницы у с. Синское. Тем не менее, они считаются древними и даже ставятся на госохрану как объект археологического наследия.

Описание и анализ писаниц

Следует полагать, что впервые писаницу исследовал все-таки А.П. Окладников, видимо, в 1944 г. (Окладников, Запорожская, 1972, с. 44, табл. 77–79). Правда, здесь А.П. Окладников во второй группе рисунков дает, очевидно, ошибочно, другую писаницу, расположенную у бывшей ныне деревни Петровская (Окладников, Запорожская, 1972, рис. 79, 1,2).

А.П. Окладников обнаружил в действительности три группы рисунков, описываемых им как первая группа «под церковью».

В первой из трех групп, получившей название «Синский фриз» (Окладников,

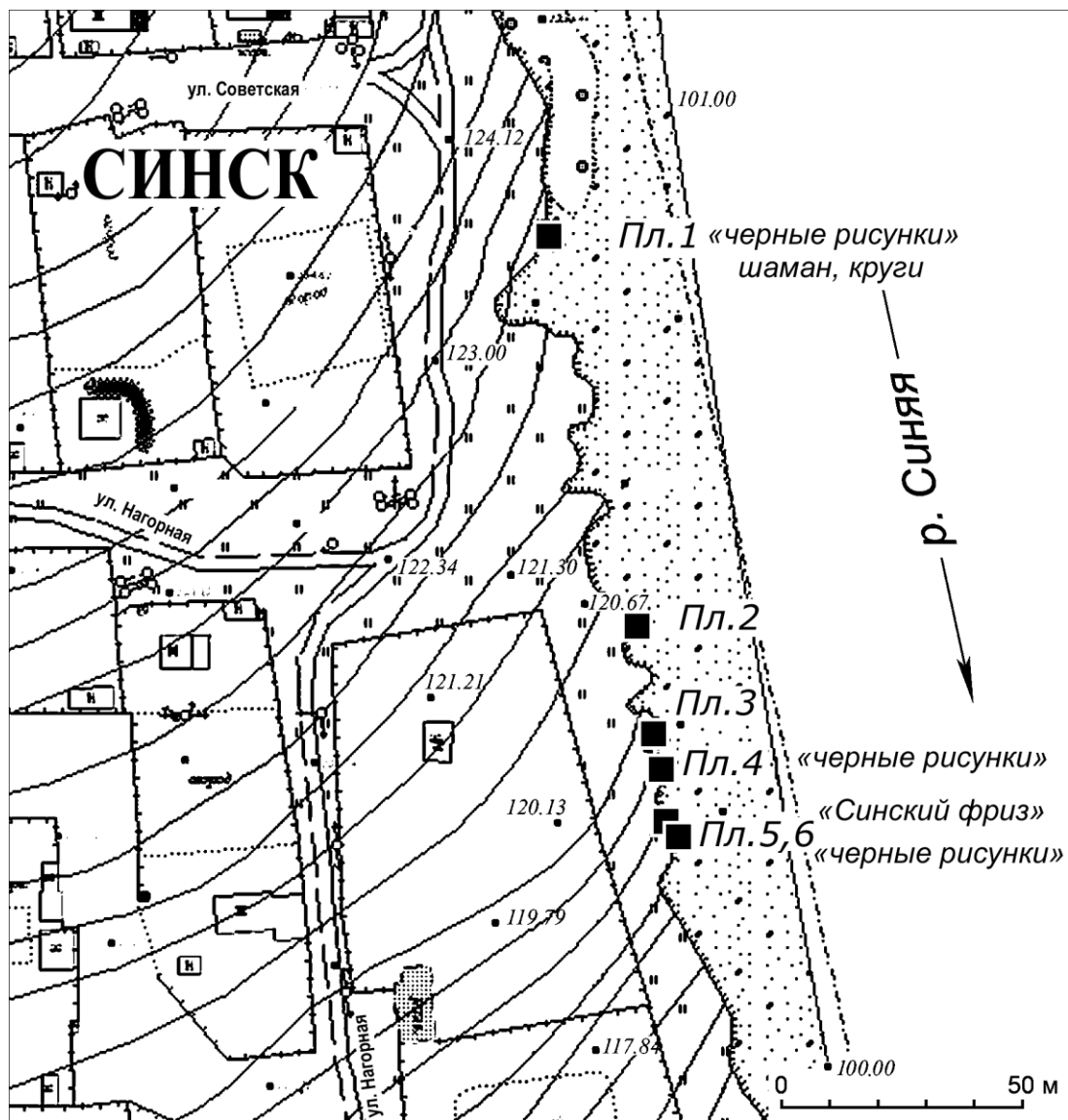

Рис. 1. Топоплан писаницы Синская

1955, с. 163, рис. 53; Кочмар, 2002, с. 34), описывается группа рисунков «в большинстве малиново-красного цвета», большей частью антропоморфного содержания и выделяющейся фигурой лося (Окладников, Запорожская, 1972, с. 44, рис. 77). Тематически их трудно объединить в единую композицию. Скорее, это наложенные друг на друга различные группы рисунков на разные темы, нарисованные в разное время (т. е. не единовременные), из которых выделяются охота на лося, фигуры, возможно, шаманов, трехпалые человечки и т. д. (Окладников, 1955, с. 163–164).

Далее описывается рис. 2, состоящий из загадочного изображения или фрагмента, отдаленно напоминающий личину или лестницу (Окладников, Запорожская, 1972,

с. 44, рис. 78, 1). И на третьем рисунке выделяются изображения из 13 вертикальных длинных и коротких «палочек» на «отдельно стоящем выступе» (Окладников, Запорожская, 1972, с. 44, рис. 78, 2).

Все эти рисунки нанесены красителем красного цвета различных оттенков. Следует обратить внимание на то, что других изображений в этой местности в 1944 г. найдено не было. Скальные выступы под самим селом протянулись небольшой прерывистой грядой не более чем на 550 м. Скалы открытые и хорошо просматриваются с их подножия, с реки. Была обнаружена даже наиболее плохо сохранившаяся и едва просматриваемая группа рисунков с «палочками», расположенная на высоте 8 м.

Повторно на писаницу исследователи пришли только в 1993 г. (Кочмар, 1993). Затем в 2000 г. на писанице побывал П.С. Кнуренко, в ходе разведки на участке от с. Синск до урочища Петровского обнаруживший тогда 5 плоскостей (за исключением группы с «палочками») (Кнуренко, 2000; 2002). В 2001 г. Н.Н. Кочмар вновь обращается к этим писаницам и обнаруживает уже 6 групп рисунков (найдена, наконец, группа с «палочками»), распределенных им по плоскостям (Кочмар, 2002; Алексеев, Кочмар, 2003).

В своих последних публикациях Н.Н. Кочмар пытается проанализировать непонятную ситуацию с возникшей «путаницей» на писаницах Синская, предполагая, что А.П. Окладников совершил ошибку, соотнеся рисунки, выполненные черным красителем, с другими писаницами (Кочмар, 2002, с. 108–110). Как уже отмечалось, такие эпизоды с ошибками в книге А.П. Окладникова и В.Д. Запорожской (1972) присутствуют, но надо все же заметить, что их на самом деле немного.

Итак, в 1993 и 2000-х гг. были обнаружены группы «черных рисунков» – изображения, нарисованные черным красителем и по каким-то причинам не описанные А.П. Окладниковым. Первая такая группа (плоскость I по Н.Н. Кочмару) с 17 рисунками располагается у северной окраины с. Синск, примерно в 2 км выше устья р. Синяя (координаты в системе WGS-84: N61°07'59,10" E126°51'02,37") (рис. 1). Плоскость обращена на 135° юго-запада. Здесь длинная скальная гряда, идущая сверху реки, ограничивается разломом с осыпью, по которой проложена тропа в село. Внизу скалы выступает блок, образующий довольно обширную площадку, с которой удобно подойти к рисункам (рис. 2). Рисунки, изображающие, видимо, шаманский ритуал, нанесены черным красителем (рис. 3). Центральное место занимают солярный круг (или бубен–?), изображенный в виде овала с крестом, и фигура шамана в одежде со свисающей бахромой и головным убором с четырьмя рогами–?, вокруг стоят фигуры людей с круглыми головами. Под всей этой композицией располагается солярный круг с крестом, изображенный в

контурном стиле (Кнуренко, 2002, рис. 4; Алексеев, Кочмар, 2003, рис. 6).

Следует отметить, что рисунки этой плоскости, только выполненные «малиновой, яркой и довольно густой краской...», и «... овальный рисунок бубна и человечек под ним, выполненные в иной стилистической манере, более ранней, архаической, оранжевого тона...», отмечаются А.П. Окладниковым на писанице Мохсоголлох-Хая, расположенной у с. Покровское (совр. г. Покровск), на скалах под пос. Мохсоголлох (Окладников, 1955, с. 377, рис. 97, 1; Окладников, Запорожская, 1972, с. 69–70, табл. 167, 1).

Эти же рисунки описывает и Г.В. Ксенофонтов, как расположенные на скалах Мохсоголлох-Хая Кутуруга «в 9 верстах от д. Бестяхской» (Ксенофонтов, 1927, с. 66, табл. VII) (рис. 4). Закljučая описание всех изображений, выявленных на тот момент в ходе своих полевых исследований, Г.В. Ксенофонтов пишет, что «все рисунки, за исключением одного (рис. 17), сделаны красной краской, по-видимому, охрой...» (Ксенофонтов, 1927, с. 66) (рис. 17 относятся к граффити с писаницы Часовня).

В этом случае, думается, не случайно на синском изображении нижний круг с крестом выполнен в контурной манере, чтобы передать отличия в однотонном цвете (потому что в оригинале он, как описывает А.П. Окладников, «оранжевого» или «желтого» цвета, т. е. отличается по цвету от других рисунков этой группы) (Окладников, 1955, с. 377, рис. 97, 1; Окладников, Запорожская, 1972, с. 70).

Похоже, что кто-то в период между исследованиями А.П. Окладникова в 1940-х годах и посещением писаницы в 1993 г. Н.Н. Кочмаром нарисовал или точнее перекопировал писаницу Мохсоголлох-Хая на синские скалы. Причем копия этих рисунков более всего сближается с рисунками из книги А.П. Окладникова (Окладников, 1955, рис. 97, 1), чем с публикацией Г.В. Ксенофонтова (Ксенофонтов, 1927, табл. VII).

Вторая, едва заметная группа рисунков с «палочками», повторно обнаруженная Н.Н. Кочмаром последней (плоскость II) (после ее открытия А.П. Окладниковым

(Окладников, Запорожская, рис. 78, 2)), располагается в 107 м ниже по реке от первой группы на отколовшемся скальном массиве высотой 9 м, отделенном от скальной гряды узкой расщелиной-разломом. Плоскость обращена на 120° юго-востока (координаты: N61°07'55,86" E126°51'04,06") (рис. 1). Обнаружено только 9 коротких и длинных черточек, нанесенных красной охрой, против 13 у А.П. Окладникова. Пятна едва просматриваются, сливаясь с бурыми подтеками, и находятся в верхней части скалы в 8 м от ее подошвы (рис. 5).

Плоскость III с рисунками удалена от плоскости II на 35 м вниз по течению (координаты: N61°07'54,70" E126°51'04,57"). Располагается на скальном выступе высотой 11 м (рис. 1; 6). Плоскость обращена на 105° юго-востока. Рисунки, нанесенные красной и темно-красной охрой, располагаются на высоте 6,5 м от низа скалы (рис. 7). У А.П. Окладникова изображения даются как рис. 2 первой группы (Окладников, Запорожская, 1972, с. 44, табл. 78, 1).

Плоскость IV располагается на том же скальном массиве, что и плоскость III, на боковой стороне, обращенной вниз по течению, на высоте 1,5 м от низа скалы (координаты: N61°07'54,45" E126°51'04,60") (рис. 1; 6). Плоскость обращена на 165° юго-востока. Рисунки представлены тремя личинообразными изображениями, нарисованные черным красителем (Кнуренко, 2002, рис. 6; Алексеев, Кочмар, 2003, рис. 9; 10) (рис. 8).

Здесь можно так же, как и в первом случае, вполне утвердительно сказать, что эти рисунки являются копиями изображений просто взятых из первого тома трехтомной работы А.П. Окладникова «История Якутской АССР» (1955, с. 82, рис. 19, 1,2,3), где А.П. Окладников дает сборные изображения из различных памятников для иллюстрации своих мыслей по поводу жилищ (рис. 9).

Пятая плоскость с 13 рисунками удалена на 7,5 м вниз по течению от плоскости IV, располагается на боковой стороне скального выступа, обращенной вверх по течению, на высоте 7,5 м от низа скалы. Плоскость обращена на 75° северо-востока. Под плоскостью находится неширокий

скальный уступ, с которого можно подойти к рисункам V и VI плоскостей. Изображения представлены зооморфными, антропоморфными и прочими фигурами, расположенными очень близко друг к другу (Окладников, Запорожская, с. 44, табл. 77; Алексеев, Кочмар, 2003, рис. 11). Эта плоскость, наиболее крупная из всех, размером 1 x 3,5 м, считается основным изображением на писанице, получившим название «Синский фриз» (координаты: N61°07'54,20" E126°51'04,82") (рис. 1; 6; 10).

Шестая плоскость с 25 рисунками находится чуть ниже плоскости V (на блоке из нижележащего плитчатого слоя), слева в 0,6 м от нее. Плоскость обращена на 75° северо-востока. Рисунки, нанесенные черным красителем, представлены схематическими условными изображениями, ломаными и полукруглыми линиями, в том числе и зооморфными (Кнуренко, 2002, рис. 7; Алексеев, Кочмар, 2003, рис. 12) (рис. 1; 6; 11).

Аналогичные изображения имеются на писанице Часовня, которые были описаны еще Г.В. Ксенофоновым как рис. 7 (Ксенофонов, 1927, с. 65, табл. III), а позднее А.П. Окладниковым (Окладников, 1955, рис. 70, 3; Окладников, Запорожская, 1972, табл. 161, 2; 162, 1,2). VI плоскость в точности, с небольшими потерями и более мелким масштабом, повторяет рисунки писаницы Часовня, которые выполнены красной охрой (рис. 12). Ко всему прочему, рисунки этой VI плоскости перенесены, по всей видимости, из упомянутого уже первого тома А.П. Окладникова (1955, рис. 70, 3) (рис. 13), только в перевернутом виде («вверх ногами»).

Заключение

«Черные рисунки» очень хорошо заметны и наметанный глаз А.П. Окладникова вряд ли мог их пропустить. Надо полагать, их просто не было во время исследования Синских писаниц А.П. Окладниковым в 1940-х годах.

Писаница Мохсоголлох-Хая в настоящее время, к сожалению, так и не найдена. Автор статьи с 2012 по 2014 г. безуспешно пытается найти эти рисунки, наряду с пи-

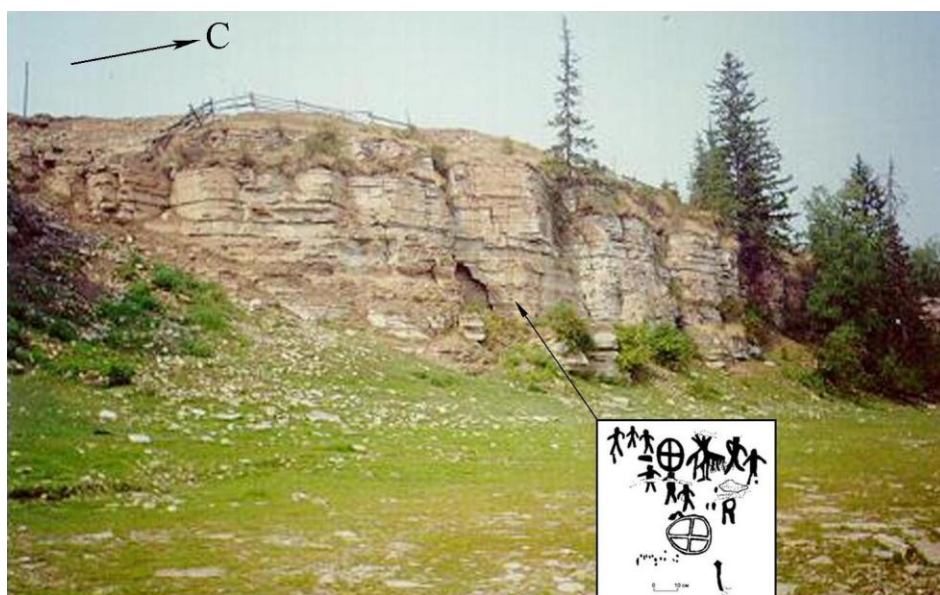

Рис. 2. Писаница Синская. Скала с рисунками I плоскости. Фото и прорисовки полевой съемки Н.Н. Кочмара, 2001 г.

Рис. 3. Фото «черных рисунков» первой группы (I плоскость). Фото автора статьи, 2013 г.

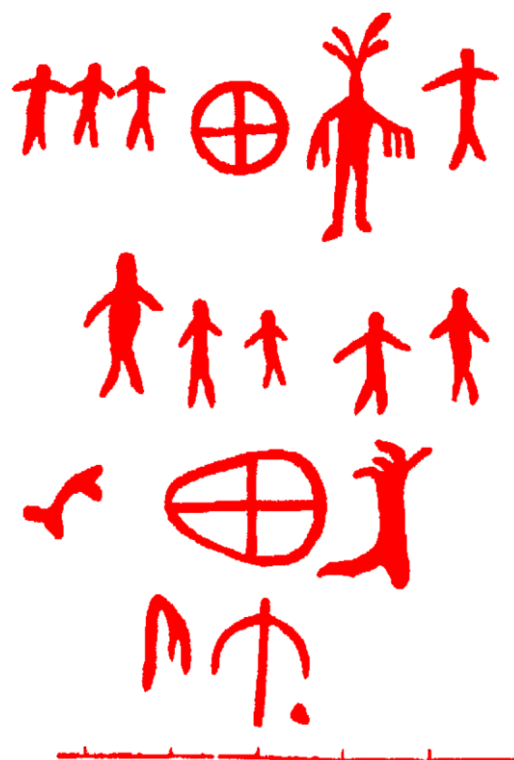

Рис. 4. Изображения на скалах Мохсо-голлох-Хая по Г.В. Ксенофонтову (1927, табл. VII)

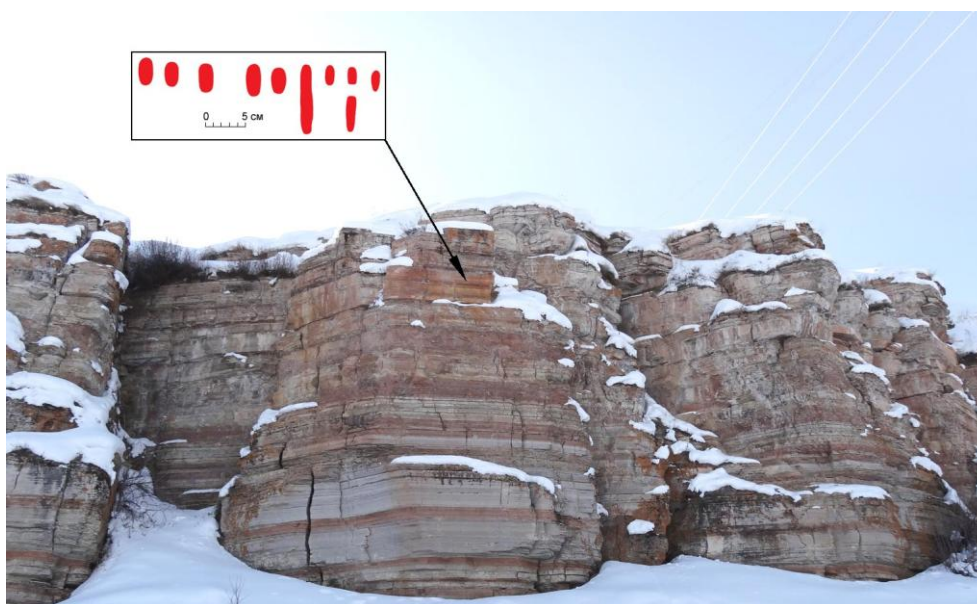

Рис. 5. Писаница Синская. Скала с рисунками II плоскости. Фото автора, 2013 г. Прорисовка автора 2001 г.

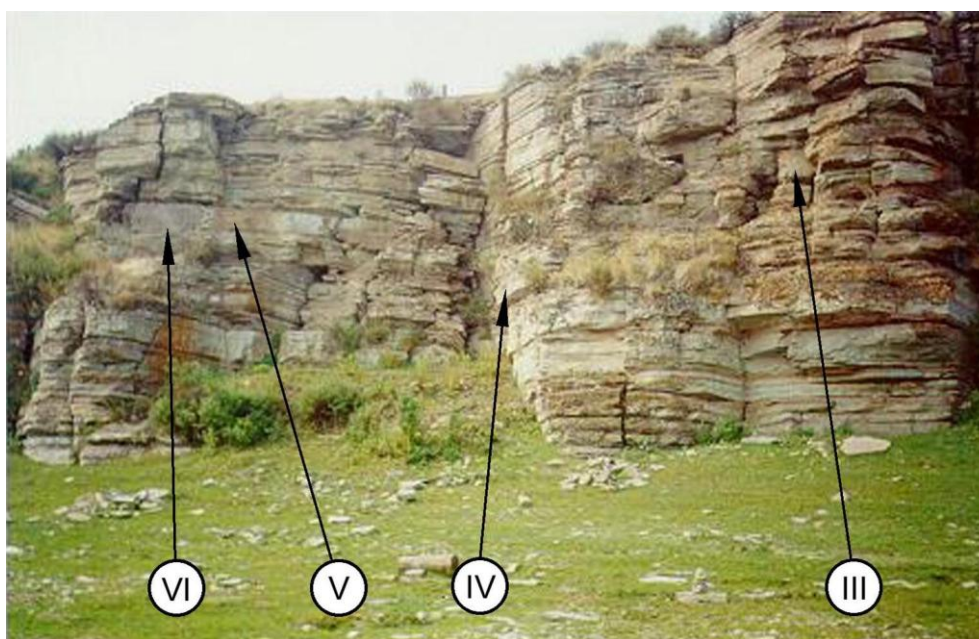

Рис. 6. Писаница Синская. Скала с рисунками III–VI плоскостей. Фото и прорисовки Н.Н. Кочмара, 2001 г.

*Рис. 7. Рисунки III плоскости. Фото автора.
Апрель 2013 г.*

*Рис. 8. Рисунки IV плоскости. Фото автора.
Апрель 2013 г.*

Рис. 9. Рисунки из книги А.П. Окладникова (1955, рис. 19, 1,2,3, на с. 82)

Рис. 10. «Синский фриз» (V плоскость) – основные изображения Синской писаницы. Полевая съемка Н.Н. Кочмара 2001 г.

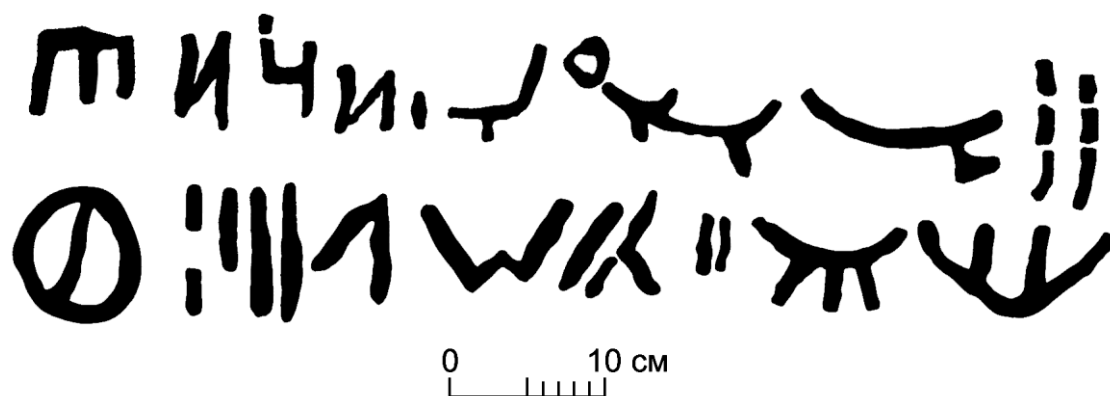

Рис. 11. Рисунки VI плоскости. Полевая съемка Н.Н. Кочмара 2001 г.

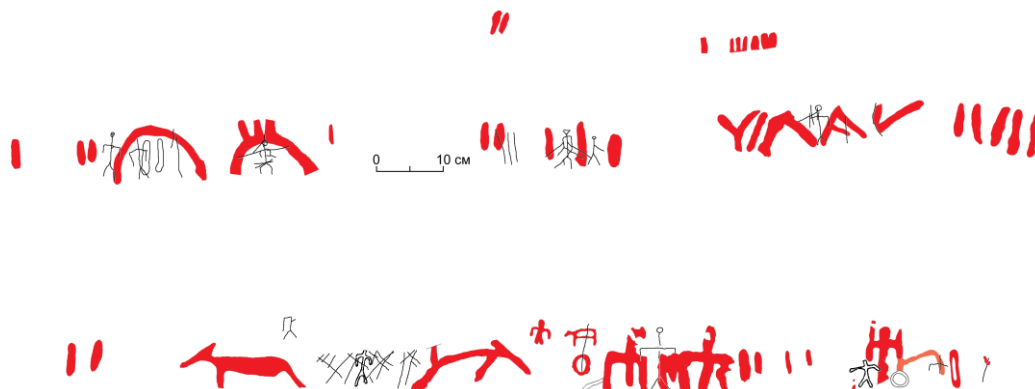

Рис. 12. Рисунки с писаницы Часовня. Полевая съемка Н.Н. Кочмара 2002 г.

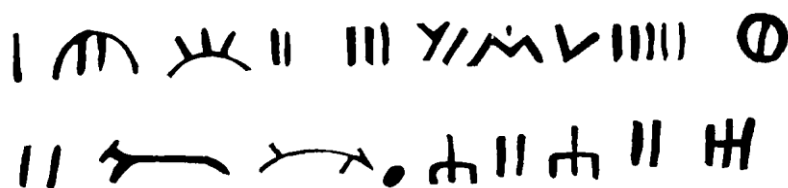

Рис. 13. Рисунки с писаницы Часовня по А.П. Окладникову (1955, рис. 70, 3, на с. 208)

саницей Бестях. Дело в том, что в районе предполагаемой локализации писаниц располагаются Мохсоголлохский цементный завод с отгрузочным портом и карьером на берегу Лены, которые со времен исследований А.П. Окладникова значительно расширились, особенно карьер. Вполне возможно, что писаницы погибли. Но все же хочется надеяться на лучшее.

Возможно, «черные рисунки» были нанесены каким-то местным энтузиастом или даже краеведом во второй половине 1950-х годов или позднее, решившим таким образом популяризировать древнее наскальное искусство, о чем может свидетельствовать весьма аккуратное исполнение рисунков, можно сказать, с большой любовью, и достаточно точно скопированные в основном из первого тома А.П.

Окладникова «История Якутской АССР», вышедшего в 1955 г.

Определенные мысли вызывает так же и тот факт, что на писаницах Синская присутствуют копии пока так и не найденных писаниц Мохсоголлох-Хая и, возможно, Бестях. Именно в 1950-е годы происходит рост промышленного производства в пос. Мохсоголлох, где располагаются два мощных строительных предприятия – Бестяхский завод ЖБИ и Мохсоголлохский цементный завод.

Несмотря на возможные положительные тенденции при оформлении «черных рисунков» и полувекую давность, следует подчеркнуть, что к объектам археологического наследия они не имеют никакого отношения.

Статья поступила 14. 12. 2014 г.

Библиографический список

1. Алексеев А.Н., Кочмар Н.Н. Повторные исследования писаниц Средней Лены // Известия Международной академии наук Высшей школы, 2003. № 1 (23). С. 101–122.
2. Кнуренко П.С. Отчет о работе Среднеленского отряда археологической экспедиции ЯГУ на писаницах Средней Лены в полевой сезон 2000 года. Якутск: ЯГУ, 2000. Рукопись. Архив Отдела полевых исследований Института археологии РАН. 245 с.
3. Кнуренко П.С. Изучение писаниц Средней Лены в полевой сезон 2000 г. // Археология. РУ [сайт] – Открытая библиотека. Публикации on-line / П.С. Кнуренко (текст, илл.), А. Трепетов, В.Е. Еременко, 2002 (оформление). URL: <http://www.archaeology.ru/ONLINE/Knurenko/knurenko.html> (дата обращения: 08.12.2014 г.).
4. Ксенофонтов Г.В. Изображения на скалах р. Лена в пределах Якутского округа // Бурятияведение. Верхнеудинск, 1927. Вып. 3, 4. С. 67–70.
5. Кочмар Н.Н. Писаницы реки Синяя // Археологические открытия 1993 года. 1994. С. 171–172.
6. Кочмар Н.Н. Изучение древних святыщ в бассейне Средней Лены // Наука и техника в Якутии, 2002. № 1 (2). С. 32–36.
7. Окладников А.П. История Якутской АССР. В 3-х т. Т. I : Якутия до присоединения к русскому государству. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 432 с.
8. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Средней Лены. Л.: Наука, 1972. 271 с.
9. Саввин А.А. Материалы к изучению ленских писаниц. Якутск, 1940. Рукопись. Архив Якутского научного центра СО РАН. Ф. 4. Оп. 12, ед. 14–16.

Сведения об авторе

Степанов Александр Дмитриевич, зам. директора МАЭИВШ СВФУ, 677000, Россия, г. Якутск, СВФУ, КФЕН, ул. Кулаковского, 48, тел.: +7 (4112) 49-68-41, e-mail: a.d.step@yandex.ru

Stepanov Alexander Dmitrievich, vice-director of MAEIVSH SVFU, 677000, Russia, Yakutsk, SVFU, KFEN, ul. Kulakovskogo, 48, tel.: +7 (4112) 49-68-41, e-mail: a.d.step@yandex.ru

УДК 94 (571.5)

КУЛТУКСКИЙ ОСТРОГ. ФАКТЫ И ГИПОТЕЗЫ

© С.В. Снопков

Статья посвящена изучению обстоятельств возникновения Култукского острога во время похода в Забайкалье отряда Ивана Похабова. На основании комплекса косвенных данных изложена гипотеза о судьбе одного из первых поселений русских на Байкале.

Ключевые слова: Култукский острог, Иван Похабов, освоение, Прибайкалье, русские землепроходцы.

KULTUKSKII OSTROG. DATA AND HYPOTHESES

© S.V. Snopkov

This article is devoted to study of the origin of Kultuuskii Ostrog (wooden fortress) during a trip of a Russian Kosack troop lead by Ivan Pokhabov to Transbaikalia. Based on several indirect data author proposes the hypothesis of the fate of one of the earliest Russian settlements on Baikal Lake.

Key words: Kultuuskii Ostrog, Ivan Pokhabov, Cisbaikalia, Russian Pioneers.

Верхоленский острог, который явился опорным пунктом движения к Байкалу, был основан в 1641 году. Первыми русскими землепроходцами, достигшими берегов Байкала, были казаки отряда Курбата Иванова. В 1643 г. отряд вышел на западный берег озера в районе пролива Малое море, переправился на остров Ольхон. Часть его под предводительством Семёна Скорохода прошла берегом Байкала до Верхней Ангары.

В 1644 году на берега южного Байкала вышел отряд казаков и «служилых людей» боярского сына Ивана Похабова. Из Енисейска отряд Похабова поднялся по Ангаре до Байкала, переправился на восточный берег озера и совершил рейд вверх по реке Селенге. Вслед за Похабовым в 1645 г. из Енисейска на Байкал отправился отряд под руководством Василия Колесникова. Казаки дошли до истока Ангары, а затем, двигаясь на север, добрались до Верхней Ангары и основали Верхне-Ангарский острог. Весной 1647 г. начинается новый поход Ивана Похабова на Байкал и в Забайкалье. Для перезимовки отряд Похабова на берегу Байкала строит «Култуцкий острог». В 1648 году через Байкал уходит в Забайкалье отряд Ивана Галкина. В 1652 году в За-

байкалье совершают походы отряды Ивана Похабова и Петра Бекетова.

Результатом походов казацких отрядов стало обращение в подданство российского царя прибайкальских племен тунгусов и бурят, установление дипломатических связей с монгольскими князьями и создание укрепленных острогов на территории Прибайкалья, позволявших закрепиться на этой территории небольшим по численности отрядам землепроходцев. Так, в 1646 г. был построен Верхне-Ангарский острог, в 1647 г. – Култукский, в 1648 г. – Баргузинский, в 1661 г. – Иркутский, в 1665 году – Селенгинский. В конце XVII в. основаны Кабанский, Тункинский и ряд других острогов.

В списке этих укрепленных поселений Култукский острог является самым загадочным. Несмотря на то, что он был одним из первых укрепленных пунктов на берегу Байкала, его история неожиданно обрывается. Где же был построен Култукский острог и куда он исчез?

Где был построен Култукский острог?

О походах Ивана Похабова и строительстве Култукского острога рассказывается в многочисленных современных публикациях [18; 16; 3]. В этих публикациях история Култукского острога описана следующим образом. Казаки-землепроходцы, возглавляемые боярским сыном Иваном Похабовым, осенью 1647 года переправились на восточный берег Байкала, имея цель найти серебряную руду и собрать ясак в государеву казну. После неудачного похода по долинам рек Селенга и Уда казаки направляются на юг Байкала, чтобы далее совершить поход в Тункинскую долину. На юго-западной оконечности Байкала в районе среднего течения современной реки Похабиhi казаки строят острожное поселение с целью перезимовки отряда. Отсюда русские начали свое знакомство с Тункинской долиной и проникли в Монголию. К концу XVII в., когда к Култуку прокладываются пути от Иркутского и Тункинского острогов, происходит перенос населенного пункта в долину реки Култучная и строительство нового острога, который просуществовал недолго. После подписания в 1727 г. Буринского мирного договора между Россией и Китаем острог прекратил свое существование.

Основными документами, на основании которых реконструируются эти исторические события, являются челобитные самого Ивана Похабова [13], где строительству острога посвящено лишь одно предложение: «...И мы холопы твои, идучи назад Селенгою рекою и Байкалом озером и на Байкале озере в Култуке я, холоп твой, поставил острог».

Загадочность Култукского острога заключается в том, что после ухода отряда Ивана Похабова острог бесследно исчезает. Тем более это странно потому, что острожное поселение Похабова должно было вмещать более 100 человек (включая пленников). Как правило, такие острожные поселения представляли собой несколько домов, соединенных тыном и образующих внутренний двор [6]. Култукский острог больше не появляется ни в документах, ни

на географических картах второй половины XVII–XVIII веков.

Через 28 лет после основания Култукского острога, в 1675 году, через Байкал проезжал российский посол в Китай Николае Милеску Спафарий. Его дневники являются первым подробным описанием южного Байкала. Во время своего путешествия российский посол скрупулезно записывал сведения о местах, которые он проезжал, описывал все крупные реки, заливы, зимовья, но вот про Култукский острог в дневниках нет ни слова!

11 сентября 1675 г. Спафарий записал в дневнике: «... из Байкала течет (Ангара) великой быстротой, а с тех высоких гор видать горы за Байкалом, ...и один край Байкала, который называют Култук ...», и далее «На самом Култуке есть река Култушная, и там пристанища есть, а Култуком называют самый край узкий Байкальского моря, где оно кончается. А от реки Култушной многое место впадает река Снежная, ... река Выдрянная, ... Перемная, ... Мышиха, ... Мантуриха, ... И по тем рекам по всем зимовья промышленные казаки, которые промышляют соборей» [17, с. 98–99]. Государственный острожек на юге Байкала отсутствует на картах Сибири 1678 и 1685 годов [1].

Анализ хронологии и обстоятельств походов Ивана Похабова по его донесениям в Сибирский приказ позволяет высказать сомнение в достоверности вышеизложенной гипотезы о местоположении Култукского острога.

В 1644 г. Иван Похабов с отрядом был направлен енисейским воеводой в Братский острог для сбора ясака и для «прииску новых земель». Собрав ясак и укрепив Братский острог, отряд пошел вверх по Ангаре. «... Он, Иван, вышел из Ангары реки на Байкал озеро и шел по Байкалу возле правую сторону и прошел Олгон остров ...» [13, с. 122], затем «... перешедши я, холоп твой, Байкало озеро и шел по Селенге реке в верх два дни ...» [13, с. 118]. Во время этого похода на реках Оса, Белая, Куда, Иркут, Селенга казаки нашли много «неясачных людей», которых заставляли платить ясак российскому царю. Чтобы добиться от бурят и тунгусов сдавать в рос-

сийскую казну «мягкую рухлядь», казаки захватили в заложники детей и женщин. Пришедшие за пленниками «иноземцы» сказали Похабову, что летом ясак дать нечем, и пообещали отдать его будущей зимой. Осенью отряд Похабова возвратился в Енисейский острог [13, с. 119, 122].

В 1646 г. Енисейскому воеводе из Братского острога пришло донесение о том, что буряты не хотят платить дань. Енисейский воевода направляет Ивана Похабова с отрядом в 96 человек навести порядок со сбором ясака в окрестностях Братского острога, а затем идти «*приискивать новые землицы и серебряные руды*», а также «*проехать Китайское государство*». Кроме того, Похабову было приказано встретиться на Байкале с отрядом боярского сына Василия Колесникова, отправившегося за Байкал в 1645 г. В случае необходимости, предписывалось идти к Колесникову на помощь. «*... В прошлом во 154 году, на Байкал озеро послали енисейского сына боярского Ивана Пахабова с служилыми и с охочими людьми, а в наказ ему Ивану написали: буде учнет что у него Василья доброе делатца (имеется в виду поиск серебряной руды), и ему Ивану велел я, холоп твой, к нему Василью в ход идти, и во всем ему помогать с великим раденьем, сколько милосердный богпомочи подаст, и запасом его Василья ссужать; а для хлебные скудости послано с ним Иваном атаману Василью Колесникову с товарищи, из твоих государевых из енисейских хлебных запасов, двести пуд муки ржаные*» [13, с. 82].

Летом 1646 г. казаки Похабова ставят острог на реке Осе и жесткими методами принуждают местное население платить ясак, а весной 1647 г., оставив в Осинском остроге 17 человек, Похабов отправился вверх по Ангаре, далее через Байкал на реки Селенгу и Уду. Поход длился три с половиной месяца. Возвращаясь из похода по Забайкалью, отряд Похабова «*идучи назад Селенгою рекою и Байкалом озером и на Байкале озере в Култук я, холоп твой, поставил острог ...*». Зимой 1647–1648 гг. из Култукского острога казаки совершают рейд – «*ходил войною на Иркут реку*» и собрал ясак. Отряд из 14 человек под командованием Федьки Говорина совершает вы-

лазку по Селенге и Уде, а небольшой отряд во главе с Похабовым – поход на лыжах «к монгольскому царю». В Енисейский острог Похабов вернулся с ясаком и монгольскими послами в июле 1648 г. [13, с. 119, 134].

Из текста челобитных невозможно точно географически локализовать место событий. Из сообщения Похабова неясно, в каком месте Байкальского побережья отряд остановился на зимовку, так как точные указания на местоположение острога отсутствуют. Возможно, Култукский острог и современный Култук связывает лишь схожесть названий, тем более что в XVII в. топоним «Култук» широко употреблялся в смысле «залив», «окончание». Юго-западная оконечность Байкала называлась «Нижний Култук», северо-восточная – «Верхний Култук», Баргузинский залив – «Баргузинский Култук». Култуком назывался залив Прорва, до сих пор здесь сохранилось название реки Култушная. Например, в отписке енисейского воеводы Федора Уварова сообщается: «*... Василей (Колесников), в прошлом во 154 году, на Байкале в Култук, не дошед до Верхние Ангары реки, на усть Тикона реки (Северный Байкал) ...*» [13, с. 80]. О том, что Култуком называется вся юго-западная часть озера, начиная от истока Ангары, писал Николай Спафарий [17, с. 102]. Култуком названа вся южная часть Байкала на картах Семена Ремезова (1701 г.) и Карла Риттера (1833 г.). Названия «Култушное зимовье», «река Похабиха», указанные на карте Ремезова не могут служить прямым доказательством пребывания здесь Ивана Похабова в 1647 г., так как карта составлялась намного позднее изучаемых событий [7].

В отсутствии прямых указаний на местоположение острога можно попытаться определить место зимовки отряда Похабова по косвенным данным:

1. Одним из наказов енисейского воеводы Ивану Похабову – было оказание помощи (в том числе и хлебными запасами) Василию Колесникову, «*проведовавшему*» серебряную руду в Забайкалье: «*... Ивану, с служилыми с охочими людьми велено идти на Байкал озеро и с атаманом с Василием Колесниковым велено свеситца будет серебро и серебряную руду атаман Василей*

Колесников сыщет и к нему, Ивану, пришлет весть, и ему с служилыми и с охочими людьми велено к атаману к Василью Колесникову идти в сход наскоро ...» [13, с. 137–138]. Не дождавшись людей Колесникова летом 1647 г. на Селенге, Похабов останавливается на зимовку на берегу Байкала. Логично предположить, что место для зимовки должно быть выбрано с учетом того, чтобы «идти в сход наскоро», и так чтобы его могли бы найти казаки из отряда Колесникова, идущие из Баргузинского острога. Если путь от истока Ангары через Байкал на Селенгу уже был известен и Похабову, и Колесникову, то южная оконечность Байкала была неизведанной. Уходить на юг Байкала Ивану Похабову не было никакого смысла. Острог нужно было строить на побережье Байкала недалеко от устья Селенги.

2. Важным обстоятельством является установление места, куда «*ходил войною на Иркут реку*» Похабов зимой 1647–48 гг. В челобитных самого Похабова отсутствуют указания на то, что казаки были в Тункинской долине. По нашему мнению, речь идет о зимнем рейде по территории долины нижнего течения Иркуты, там, где Похабов уже побывал летом 1644 г. и где ему был обещан ясак. О сборе ясака Похабовым по рекам Оса и Иркут в 1647 г. указывается и в летописи Антона Лосева [9, с. 138]. Кроме того, о наличии многочисленных юрт бурят в нижнем течении Иркуты указывается в различных документах [4, с. 274–305; 17, с. 100; 13, с. 118, 134–135; 15, с. 4]. На карте Семена Ремезова (1701 г.) показано, что Тункинская долина занята тунгусами, а кочевья «братских» людей находятся в районе Смоленщины и Баклашей. О том, что в нижнем течении Иркуты располагались многочисленные бурятские рода и лишь небольшая часть тунгусов, указывает Б.О. Долгих. По его мнению, Тункинскую и Торскую долины в это время занимали тунгусы, а буряты в Торской степи стали жить лишь после основания Тункинского острога в 1675 г. [4, с. 300].

Важной информацией из челобитных Похабова является указание на то, что им был захвачен в плен князец Нарей: «*На Байкале озере в Култуке за боем взял я, хо-*

лоп твой, иркуцково князца Нарей и из за того князца взял тебе, государю, с ясаку ...» [13, с. 136]; «*... На той де государеве службе на Байкале озере поймал он иркуцкого князца Нарей и посадил его в аманаты и из за того аманата государев ясак брал с ыркуцких мужиков сь его улусу, а иные де давали государю ясак и Тертеево улусу кои живут с ним вместе на той же реке Иркуте...*» [13, с. 138–139]; «*... ходил войною в зиме на Иркут реку на братцких людей и на тынгусов, которые тебе, государю, ясаку не давали и, божию милостию и твоим государевым счастьем, взял с бою иркуцкого князца Нарей ...»* [13, с. 134]. Известно, что улус Нарей располагался в среднем течении и до устья реки Иркут [10, с. 4–5].

Многочисленность бурятских стойбищ вблизи устья Иркуты, впоследствии ставшая одной из основных причин создания Иркутского острога, должна была привлечь внимание Похабова, озабоченного сбором богатого ясака. Если Похабов действительно собирался «ходить войною» не в Тункинскую долину, а в нижнее течение Иркуты, то выбор места строительства острога на южной оконечности Култука не логичен.

3. Зимой 1647–48 гг. небольшой отряд из дружины Похабова отправился вверх по реке Уде: «*... Иван отпустил на промысел служилых людей и наемщиков Федьку Говорина с товарищи 14 человек и для проводыванья ясачных людей, которые государю непокорны и ясаку с себя не платят и тот де Федька с товарищи шли нартами ис Култука до Погромны реки 12 дней и нашли на речке 4 юрты табунанавых киштымов и их к государьской милости призывали, чтобы они государю с себе ясак давали и они де киштымы ясаку с себя давать не учили и с служилыми людьми дрались и служилые де люди их киштымов погромили и ясырь поймали, а и к нему де Ивану тот погромной ясырь привели ...»* [13, с. 139].

Учитывая, что с нартами могли проходить не более 30–40 км в день, можно приблизительно определить расстояние, которое мог пройти отряд Федьки Говорина. Отряд за двенадцать дней мог пройти 350–500 км. Если Култуковский острог находился на Посольском мысу, то расстояние до вер-

ховьев Уды (река Погромная, правый приток Уды) составляет около 500 км, т. е. могло быть пройдено казаками. Если острог располагался на юго-западной оконечности озера, то необходимо было пройти около 750 км, что является невозможным для двенадцатидневного перехода, так как пришлось бы двигаться по снегу со скоростью более 60 км в день.

Таким образом, косвенные данные свидетельствуют в пользу того, что Култукский острог, вероятнее всего, был построен на восточном берегу Байкала неподалеку от устья реки Селенги.

Куда «пропал» Култукский острог?

Не менее важным является вопрос о судьбе Култукского острога. Куда исчезло острожное поселение, вмещающее сотню человек. Отсутствие более поздней информации об остроге может быть понятно, если предположить, что это исчезло не поселение, а лишь название острога. Не конкретное название Култукский (т. е. на берегу залива) было заменено каким-то другим. Единственным, часто посещаемым местом на восточном берегу южного Байкала, где подобное могло произойти, является район Посольского мыса и залива Прорва. Именно здесь останавливалось в 1650 г. русское посольство во главе с Ерофеем Заболоцким, на которое напали «бращие люди» и «побили до смерти» [9, с. 141]. Здесь, в 1652 г., была сооружена первая на байкальском побережье часовня.

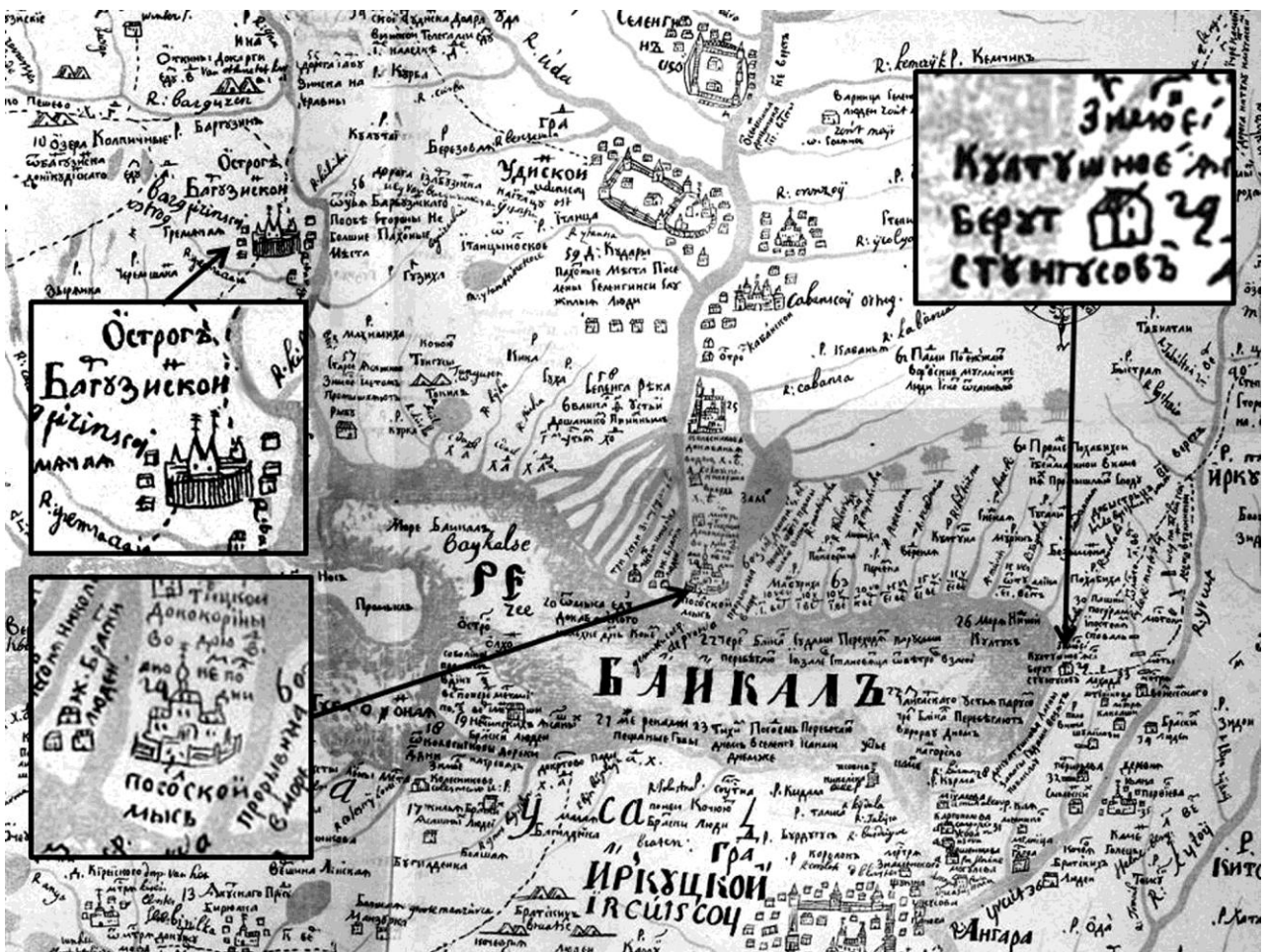
В зимовье на «*устье Прорвы реки*» в 1652–1653 гг. зимовал большой отряд сына боярского Петра Бекетова – «*со мной идет триста человек*». Место своей зимовки в своей челобитной Бекетов называет «*новым государевым зимовьем*» [13, с. 190]. Вопреки мнению А.В. Тиваненко [20], в донесении в Сибирский приказ Бекетов не сообщает, что этот «*государев новый острожек*» поставлен им. Из челобитной можно понять, что Петр Бекетов идет в уже существующее на берегу Байкала «государево зимовье». По пути на Байкал летом 1652 г. он отправляет из Братского острога отряд пятидесятника Ивана Максимова налегке на озеро Иргень через Баргузинский острог.

Отряду Максимова велено быстро добраться до озера, «*поделать струги добрые гребные*» и идти навстречу отряду Бекетова (по Хилку и Селенге), который будет ждать в «*новом государевом зимовье*» на Байкале. Иван Максимов приплыл на Байкал на двух стругах только на следующее лето – 6 июля 1653 г. Узнавая, почему Максимов не приплыл на Байкал летом 1652 г., Бекетов говорит: «*Для чего... ко мне не послал на встречу в новое государево зимовье на Байкал озеро, против своей наказной памяти...*», т. е. изначально существовала договоренность о встрече отряда на берегу Байкала в конкретном зимовье [13, с. 190].

Култукский острог на Посольском мысу

Проведенный анализ позволяет предположить, что осенью 1647 г. отряд Похабова, возвращаясь с Селенги, построил укрепленный острожек для перезимовки и ожидания посланцев из Баргузинского острога от Василия Колесникова не на юго-западной оконечности Байкала, а в районе Посольского мыса и залива Прорва. Это место является стратегически самым удобным на всем юго-восточном побережье Байкала. Здесь есть удобное «*морское пристанище*» – залив Прорва. Отсюда начинается сухопутная дорога вверх по Селенге. Отсюда казакам было удобно организовывать рейды вверх по Селенге и в Монголию. Отсюда зимой можно было быстро добраться до устья Иркутта. Интересно, что в своем описании Прибайкалья, Карл Риттер прямо сообщает о том, что Посольский монастырь находится «*при большом заливе... называемого Прорвой... Это обыкновенная якорная стоянка или гавань при переезде от Иркутска в Селенгинск, где еще до открытия устья Селенги, при заливе, обилующем рыбою, было построено русскими первое зимовье*»! [11, с. 84].

После ухода отряда Похабова острожное поселение становится центром освоения Забайкалья и используется отрядами «служилых людей», рыбо- и зверопромысловиками. Здесь строится часовня, а позднее и монастырь. Название «Култукское» для нового поселения не прижилось из-за географической неконкретности. Петр Бе-

Фрагмент «Чертежа земли Иркутского города» (С.Ремезов, 1701 г.). На выносках увеличенные изображения Култушиного зимовья, Баргузинского острога и Посольского монастыря

кетов называл его – «государевым зимовьем на устье Прорвы реки». После убийства бурятами посла Ерофея Заболоцкого мыс стал называться Посольским.

Возвращающийся из ссылки в 1662 г. протопоп Аввакум описывает на берегу Байкала вблизи Посольского побережья многочисленное население: «У моря русских людей наехала станица соболиная, рыбу промышляет...» [5, с. 45]. После строительства Селенгинского острога в 1665 г., ставшего основным центром юго-восточного Прибайкалья, поселение на берегу Байкала превратилось в перевалочный пункт на пути в Забайкалье.

В 1675 г. в районе Прорвы останавливался Спафарий, и в своих дневниках записал, что «...рыбы ловят бесчисленно много, и ежегодно приходят дощаники из Братского и Иркутского...» и далее возле Прорвы «есть Посольский мыс... И от того мыса есть дорога, которая идет сухим путем на конях до Селенгинских заимок и

до самого Селенгинского острога...» [17, с. 102]. В 1681 г. на этом месте был построен Посольский Спасо-Преображенский монастырь. Монастырь на Посольском мысу изображен на карте 1701 г. Семена Ремезова, и, возможно, поэтому на карте нет «государевых зимовьев», расположенных рядом. Согласно надписям на карте Ремезова, Посольский мыс является пунктом, через который идет основной путь в Забайкалье. В течение двух с половиной веков на Посольском мысу заканчивалась переправа через Байкал, и далее путешественники следовали «сухим» путем вверх по Селенге.

Возникновение поселения в районе современного Култука

Если Иван Похабов в 1647 году не был на юго-западной оконечности Байкала, то когда же здесь появилось первое поселение русских землепроходцев? По мнению члена Совета Главного управления Восточной Сибири И.С. Сельского, в Култук первыми

пришли казаки Ивана Похабова в 1652 г. «... С устья р. Иркута пошел вверх по ней, достиг до Култука, где основал зимовье на речке Похабихе». – Писал Сельский, при этом он указывал что, «... Иван Похабов в 1652 г. хотел проникнуть по реке Иркуту к Байкалу, но в начале своего предприятия встретил сопротивление от Тункинских и Китойских бурят...» [14, с. 545]. К сожалению, мнение Сельского не подтверждено архивными документами.

Вероятнее всего, первыми русскими, достигшими юго-западной оконечности Байкала, были казаки Якова Похабова (основателя Иркутского острога), которые в сентябре 1660 г. отправились на поиски беглых бурят и совершили двухмесячный поход от Иркутского острога вверх по Иркуту, в Тункинскую долину и далее в Монголию [22, с. 4; 4, с. 297–298]. Возможно, с этим походом связано появление позднего названия реки Похабихи. Неизвестно, были ли во время этого похода построено зимовье на юго-западной оконечности Байкала, но уже в 1675 году Н.М. Спафарий в дневниках делает запись: «... на самом Култуке есть река Култушная ...» и на этой реке зимовье «промышленных казаков, которые промышляют соболей» [17, с. 98–99].

По сведениям Б.О. Долгих, «Култуцкое» казенное зимовье, в котором принимали ясак, было построено в 1694 г. [4, с. 300]. Это мнение разделял И.С. Сельский: «По занятии Култука казаками, здесь существовали только зимовья рыболовов; потом несколько позднее заселения Мотской деревни, и в Култуке сделано было казенное поселение ...» [14, с. 546].

В начале XVIII века в Култуцком зимовье на «государевой» службе находилось 20 казаков [2, с. 219]. В челобитной иркутских конных казаков царю Петру Алексеевичу 1698 г. Култук указывается в одном ряду с известными укрепленными опорными пунктами Прибайкалья: Тункинским, Бельским и Баргузинским острогами [21].

«Култуцкое» казенное зимовье использовалось для сбора ясака и играло роль пограничного сторожевого поста вблизи российско-китайской границы. Култук являлся промежуточным пунктом на пути из Тункинского острога в Иркутск. На карте Се-

мена Ремезова (1701 г.) Култушное зимовье показано узловым пунктом, от которого идут две дороги: одна – на Моты, другая – в Тункинскую долину, и указывается здесь «берут ясак с тунгусов». В архивах сохранились сведения о регистрации уплаты ясака и первых списках тунгусов-кумкагиров, сделанных в Култуке в 1694–1696 гг. [4, с. 274–305]. После подписания 20 августа 1727 г. Буринского мирного договора и установления линии российско-китайской границы значение Култука, как сторожевого поста, было утрачено.

Интересным вопросом является появление названия «Похабиха» одной из рек южного берега Байкала. Впервые это название появляется на карте Семена Ремезова (1701 г.), на которой показано, что Култушное зимовье (z. Pohaba) находится на левом берегу реки Похабихи. По положению дорог и указанию безлесных участков в долине реки («Пашины по горам и степям споваль»), ясно, что Похабихой на карте названа современная река Култучная. В XVIII веке Похабихой уже называлась другая река – современная река Талая. Это хорошо видно на детальной карте Байкала 1806 г. Позднее это название закрепилось за современной рекой Похабихой.

По-видимому, названия реки и зимовья, связанные с именем Похабова, появились после строительства казенного зимовья. Сегодня сложно сказать имя кого из Похабовых – Ивана или Якова, пытались увековечить казаки. Алексей Мартос в 1825 г. писал: «...Похабихи, которую называют в честь того Похабова, который построил острог Иркутский...» [8, с. 34].

Деревня в Култуке появилась позднее, по-видимому, в 40-х годах XVIII века. Во время поездки до Окинского караула в 1870 году этнограф П.А. Ровинский познакомился с документами Тункинской волости. Ссылаясь на них, Ровинский сообщал, что в 1744 г. в Култук, Тибельти, Шимки и Гуджиры поселили 21 семью казаков. На следующий год (1745 г.) было поручено солдату Максиму Тишинскому осмотреть «жительство военно-поселыщников». Он рапортовал Тункинскому коменданту Зелейщикову, что «в Култуцком поселении у трех семей дома до потолка построены и

с сеньями, а на остальное строение лес вывезен...» [12, с. 45–46].

Выводы

1. Строительство Иваном Похабовым осенью 1647 года острога на юго-западной оконечности Байкала не имеет документального подтверждения и противоречит многочисленным фактам.

2. Обстоятельства экспедиции Похабова косвенно указывают на то, что место зимовки отряда располагалось на восточном побережье Байкала, южнее устья Селенги. Наиболее вероятным, стратегически вы-

годным местом расположения острога являлся Посольский мыс и залив Прорва.

3. «Государево зимовье», построенное Похабовым возле Прорвы, стало одним из опорных пунктов освоения Забайкалья. Название «Култуцкий» для этого пункта не прижилось из-за географической неконкретности и было замещено другим – «Посольский».

4. Первый населенный пункт на юго-западной оконечности Байкала – «казенное зимовье» – было основано в 1694 году.

Статья поступила 01. 06. 2014 г.

Библиографический список

1. Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-западной Америке. XVII–XVIII века / под ред. А.В. Ефимова. М. : 1964.
2. Васильев А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита, 1916.
3. Демин В.Г. Родовое гнездо // Вост.-Сиб. Правда. 1997. 12 июля, 2 августа, 9 августа, 16 августа, 23 августа, 30 августа, 6 сентября.
4. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М. : Изд-во АН СССР, 1960.
5. Житие протопопа Аваакума. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979.
6. Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М. : Искусство, 1988.
7. Крестенко И.А. Култуцкий острог // Сборник исследовательских работ Всероссийского конкурса юношеских исследовательских работ имени В.И. Вернадского. М. : Народное образование, 2002.
8. Мартос А.И. Письма о Восточной Сибири. М., 1827.
9. Обозрение разных происшествий, до истории и древностей касающихся, в Иркутской губернии и в сопредельных оной странах бывших, сообразно предписанию г-на главного губерний начальника сочиненное губернским землемером, надворным советником, императорского Санкт-Петербургского Вольного экономического общества членом Антоном Лосевым в городе Иркутске в 1812-м году // Летопись города Иркутска XVII–XIX вв. / сост. и научн. ред. Н.В. Куликаускене. Иркутск, 1996.
10. Резун Д. По поводу даты основания Иркутска // Земля Иркутская. 1994. № 1.
11. Риттер Карл. Землеведение Азии. Т. 5. Восточная Сибирь: озеро Байкал и прибайкальские страны, Забайкалье и степь Гоби / под ред. П.П. Семенова. СПб., 1879.
12. Ровинский П.А. Поездка на Тунку и на Оку до Окинского караула // Записки Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Иркутск, 1871. Т. 1.
13. Сборник документов по истории Бурятии. XVII в. / под ред. Г.Н. Румянцева. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1.
14. Сельский И.С. Путь от Култука по направлению в Тункинский край // Записки Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Иркутск, 1889.
15. Серебренников И.И. Иркутская губерния в изображении «Чертежной книги Сибири» Семёна Ремезова. Иркутск : Тип. «Т-ва М.И.Окуневъ и К^о», 1913.
16. Силантьев В.П. Култуцкий острог // Газ. «Славное море». 1995. 21 июня.
17. Спафарий Н.М. Сибирь и Китай. Кишинев : Гос. изд-во «Карта молдовеняскэ», 1960.
18. Тиваненко А.В. Вокруг Байкала. Улан-Удэ : Бурятское книжное изд-во, 1979.
19. Тиваненко А.В. Где же был Култуцкий острог? // Ленинское знамя, от 4.12.1970.
20. Тиваненко А.В. Острог Усть-Прорва // Ленинское знамя. 1971. 16 февраля.

21. ЦГАДА, ф. 214 ст. 1379. л. 33. Челобитная иркутских, конных казаков Т. Евсевьева, П. Шулыгина, А. Ошаровского.

22. Шахеров В.П. Форпост в Прибайкалье // Земля Иркутская. 2001. № 16.

Сведения об авторе

Снопков Сергей Викторович, кандидат геолого-минералогических наук, заместитель директора по учебно-методической работе Центра развития дополнительного образования Иркутской области, 664007, Россия, г. Иркутск, ул. Красноказачья, 9, тел.: 89025793254, e-mail: snopkov_serg@mail.ru

Snopkov Sergei Viktorovich, PhD, Vice-Director of the Center of Development of Additional Education in Irkutskaya Oblast', 664007, Russia, Irkutsk, ul. Krasnokazachya, 9, tel.: 89025793254, e-mail: snopkov_serg@mail.ru

УДК 94 (47)

АЛЕКСЕЙ ЕРМОЛАЕВИЧ ЭВЕРТ – ЗАБЫТЫЙ ГЕНЕРАЛ ЗАБЫТОЙ ВОЙНЫ

© К.А. Залесский

Статья рассматривает жизненный путь участника трех войн и одного из крупнейших военачальников 1914–1917 гг. Алексея Ермолаевича Эверта. В хронологической последовательности изложены основные вехи его офицерской, а затем и генеральской карьеры. Показано как формировались тактические и стратегические взгляды, как складывался полководческий стиль.

Ключевые слова: биография, офицер, генерал, Первая мировая война, военачальник, военное строительство, боевые действия, армия, фронт, стратегические операции.

ALEKSEI ERMOLOVICH EVERT – FORGOTTEN GENERAL OF THE FORGOTTEN WAR

© К.А. Zalesky

The paper describes life path of Aleksei Ermolovich Evert as a veteran of three wars and one of the greatest military officials in 1914–1917. Author outlines in chronological manner the main events of Evert's military career as well as the development of his tactical and strategic principles and commander style.

Key words: biography, army officer, general, World War I, commander, military development, warfare, army, front, strategic operations.

Генерал от инфантерии Алексей Ермолаевич Эверт относится к той плеяде военачальников Первой мировой войны, кто не то чтобы полностью неизвестен – все-таки положение главнокомандующего армиями фронта обязывает, – но, в лучшем случае, отнесен к «ничего из себя не представляющим». Этим Эверт изначально попадает в ту категорию генералов Великой войны, которых положено знать лишь специалистам. Причем изначально заложен постулат в полной бездарности генерала, которому еще и «посчастливилось» иметь «немецкую фамилию». Советский официоз – Большая Советская Энциклопедия (БСЭ), хотя и поместил краткую биографическую справку Эверта, тем не менее, одной фразой подвел однозначный и не подлежащий обсуждению итог довольно долгой карьере генерала: «Отсутствие у Э[верта] таланта военачальника и его крайняя нерешительность особенно выявились во время наступления фронта летом 1916 на виленском направ-

лении и в районе Барановичей» [2]. При том же, что единственный военачальник Первой мировой, которому советская историография в определенные периоды своего существования позволяла именоваться полководцем – генерал Алексей Алексеевич Брусилов – крайне не жаловал Эверта, посмертная судьба последнего была предreshена. Назвав действия Эверта «преступными» и объявив, что «за подобную нерешительность Эверт был бы немедленно смещен и соответствующим образом заменен» [3, с. 232, 235], Брусилов вполне сознательно подписывал Эверту приговор: придать забвению.

Однако надо признать, что генерал Эверт был крупным, ярким и, главное, достойным представителем русского генералитета, выделявшимся на общем фоне. Стоит скорее согласиться не с Брусиловым и БСЭ, а с автором, наверное, единственной пока обширной и серьезной статьи об М.В. Эверте – Оськиным в том, что генерал

Рис. 1. А.Е. Эверт

«не отличался выдающимися победами, но и не терпел крупных поражений. Он был упорен и гибок в обороне, но весьма нерешителен в наступлении» [25, с. 30]. «В генерале Эверте, как ни в ком другом из русских полководцев, наблюдается раздвоение наполеоновской формулы квадрата ума и воли. Ум Эверта вряд ли можно оценить ниже ума других русских полководцев» [25, с. 50].

Начало военной карьеры

Алексей Ермолаевич Эверт родился 20 февраля¹ 1857 г. в Верейском уезде Московской губернии в семье офицера и потомственного дворянина Ермолая Ивановича Эверта. Хотя точное место рождения его не указывается, можно с определенной долей вероятности предполагать, что он появился на свет в селе Смолинское одноименной волости. Именно через 12 лет (14 апреля 1869 г.) там скончался его отец [32, с. 980]. Фамилия Эвертов (Ewerth) имеет немецкое происхождение, она и в наши дни встречается в Германии, однако каких-либо точных сведений об истории предков Алексея Ермолаевича нет, по крайней мере,

можно утверждать, что к родовому дворянству они отношения не имеют. Это был давно обрусевший (и, естественно, принявший православие) служилый дворянский род. Семья земельной собственности и какого-либо другого серьезного движимого и недвижимого имущества не имела, а жила преимущественно на жалование. Таким образом, дальнейшая судьба Алексея была предreshена – ему была уготована военная карьера. Тем более, военным стал и его брат Аполлон, который был старше Алексея на 12 лет – он родился 25 февраля 1845 г.²

Будущий генерал учился в размещавшейся в Лефортово 1-й Московской военной гимназии³, а по ее окончании 30 августа 1874 г. был зачислен в 3-е Александровское военное училище в Москве и с этого момента уже официально считался состоящим на военной службе. Во время учебы Эверт проявил выдающиеся способности, а также явные задатки командира, в связи с чем к моменту окончания училища занимал на своем курсе должность фельдфебеля⁴. Он блестяще сдал выпускные эк-

² Аполлон Ермолаевич Эверт окончил 1-ю Московскую гимназию и Московское пехотное юнкерское училище, начав службу в офицерских чинах в 1867 г. подпоручиком. После 2,5 лет командования 42-м пехотным Якутским полком он 30 марта 1898 г. был произведен в генерал-майоры и назначен начальником 1-й Закаспийской стрелковой бригады. С 23 июня 1900 г. он состоял начальником 6-й Туркестанской, с 24 октября 1902 г. – 1-й Финляндской стрелковых бригад, а 10 августа 1904 г. назначен командующим 42-й пехотной дивизией (6 декабря 1904 г. с присвоением звания генерал-лейтенанта он был утвержден в должности начальника дивизии). Последним местом его службы стал пост начальника 13-й пехотной дивизии, который он занял 8 февраля 1906 г. (См.: Список генерала по старшинству: Составлен по 1 июля 1906. СПб.: Военная типография, 1906. С. 413). 4 мая 1907 г. генерал-лейтенант Аполлон Эверт был уволен от службы с мундиром и пенсией, а 13 августа 1911 г. скончался. Двое его сыновей – Николай и Георгий – были полковниками.

³ Практически во всех биографиях Эверта указывается, что он окончил 1-й Московский кадетский корпус, что неверно: корпус в 1864 по 1882 гг. именовался 1-й Московской военной гимназией.

⁴ Всего на курсе, кроме Эверта, состояло трое фельдфебелей – Николай Козловский, Михаил Зоценко 1-й и Николай Комаров 2-й (будущий генерал от инфантерии).

¹ Все даты в статье до 1917 г. включительно приводятся по старому стилю. В календарях – новый стиль.

Рис. 2. Александровское военное училище

Рис. 3. Казармы лейб-гвардии Волынского полка в Варшаве

замены первым на всем курсе из 136 человек, был, естественно, причислен к 1-му разряду окончивших (таковых на курсе был 41 человек), а его имя занесено на мраморные доски училища⁵. Как первый на курсе Эверт мог выбирать место службы, и он остановился на дислоцированном в Варшаве лейб-гвардии Волынском полку. Таким образом, 10 августа 1876 г. он был выпущен подпоручиком по армейской пехоте с прикомандированием к этой воинской части, после чего, в соответствии с существующей традицией, через год, 17 августа 1877 г., он был официально переведен в гвардию с переименованием в прапорщики, а уже 30 августа произведен в подпоручики гвардии.

7 августа 1877 г. лейб-гвардии Волынский полк в составе Российской гвардии выступил на фронт – шла Русско-турецкая война. Месяц заняла переброска на театр военных действий. 6 сентября полк перешел Дунай и двинулся к Плевне: ему предстояло произвести демонстрацию и отвлечь силы противника, наседавшие на Горный Дубняк. 12 октября полк принял свой первый в ту войну бой, взяв деревню Трнина, однако Эверт в этом бою участия не принимал как и в последующие месяцы во время осады Плевны и переходе в составе отряда генерала И.В. Гурко через Балканы (13–18 ноября 1877 г.). Наиболее тяжелым для лейб-гвардии Волынского полка стал бой при Ташкисене, состоявшийся 19 декабря. В нем, наконец, принял участие подпоручик Эверт. В этот день полк, пробившись сквозь глубокий снег, под шквальным огнем противника занял Директивную гору, фактически решив исход сражения; потери были большими, в т. ч. ранение в шею получил и командир полка генерал-майор М.Ф. Миркович. Эверт показал себя в этом бою храбрым офицером, и его заслуги были отмечены первой боевой наградой – Аннинским оружием (т. е. орденом Св. Анны 4-й степени, носившимся на эфесе холодного оружия, украшенного также надписью «За храбрость»), которое он получил в 1878 г.

Рис. 4. И.В. Гурко

Затем Эверт принял участие в боях под Филиппополем (3–5 января 1878 г.) и закончил кампанию уже в Турции. В следующем, 1879 году, его успехи во время войны были отмечены еще одной наградой – орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала для Алексея Эверта школой жизни, во время которой он, собственно, и сложился как боевой офицер. В результате он, как и абсолютное большинство высших командиров русской армии, во время Первой мировой войны оказался человеком, воспитанным в военных традициях эпохи, к 10-м гг. XX в. уже окончательно ушедшей в прошлое. Во многом именно поэтому командный состав русской армии, как, впрочем, и других армий ведущих мировых держав, оказался не готов к «войне нового типа», какими оказались Первая мировая, и, в какой-то степени, Русско-японская войны. Через 35 лет Эверт, как и другие старшие русские генералы, будет изо всех сил стараться приспособиться к новой для него войне: в чем-то удачно, в чем-то нет, но

⁵ Кроме него, на доски были занесены имена окончивших 2-м и 3-м – Николая Козловского и Иосифа Липпомана.

груз традиций той далекой войны на Балканах будет всегда довлеть над русскими генералами, и они так никогда и не смогут полностью отказаться от опыта, приобретенного ими в младших офицерских чинах [13].

Мирные годы

По возвращении в Варшаву Эверт, как хорошо зарекомендовавший себя на службе и на поле боя офицер, постоянно занимающийся самообразованием, а также удовлетворявший теперь необходимому цензу (не менее 4 лет службы, в т. ч. два – в строю) получил разрешение сдавать экзамены в Николаевскую академию Генерального штаба, готовившую генштабистов для русской армии. После успешной сдачи экзаменов Эверт в 1879 г. был зачислен на 1-й курс академии. Он показал себя прекрасным специалистом и прилежным учеником и в октябре 1881 г. успешно окончил 2-й курс по 1-му разряду, после чего был направлен на дополнительный полугодовой курс. Его он также окончил по 1-му разряду и в соответствии с положением был 4 апреля 1882 г. произведен в штабс-капитаны, а затем получил и звание капитана, причем со старшинством с 24 ноября 1882 г.

В целом выпуск Академии 1881 г., в котором был 51 человек, дал довольно большое количество крупных военных деятелей. Так, например, среди них были начальник Главного штаба Н.П. Михневич, командующие 1-й армией П.К. фон Ренненкампф и А.И. Литвинов, неудачливый комендант Новогеоргиевской крепости Н.П. Бобырь, командующий войсками Гвардии В.А. Олохов и др. И вновь надо отметить, что поскольку с момента окончания Русско-турецкой войны прошло еще слишком мало времени, ее опыт и являлся наиболее свежим, становясь основой для подготовки молодых генштабистов. При этом система подготовки офицеров Генштаба в Российской империи (как и в других странах в то время) предусматривала, что в Академии учились молодые офицеры в звании не старше капитана армии. А позже старшие офицеры, не говоря уже о генералах, какой-либо переподготовки не проходили и уже должны были оттачивать свое

Рис. 5. П.К. фон Ренненкампф

Рис. 6. А.И. Литвинов

мастерство «на службе». Таким образом, когда выпускники Академии через 25–30 лет службы добирались до высших командных постов, полученные ими знания уже сильно устаревали и фактически относились к прошедшей эпохе военного искусства.

С апреля 1882 г. началась служба Эверта в Генштабе: сначала он был назначен состоять при штабе Московского военного округа, а 24 ноября того же года получил должность старшего адъютанта 3-й пехотной дивизии Московского военного округа, штаб которой находился в Калуге. 28 марта 1886 г. он был переведен в штаб Варшавского военного округа – в русской армии стремились назначать офицеров в те округа, служба в которых была у них за плечами, и здесь явно сыграла свою роль служба Эверта в лейб-гвардии Волынском полку. Перевод в этот окружной штаб был важным шагом в карьере офицера Генштаба, поскольку округ считался пограничным и его штаб отвечал за планирование военных действий на случай войны с Германией.

Сначала Эверт был назначен на должность офицера для поручений, на которой 13 апреля 1886 г. получил очередное звание подполковника, а годом раньше – в 1885 г., был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. 22 ноября 1886 г. Эверт стал старшим адъютантом, а 12 декабря 1888 г. – штаб-офицером для особых поручений при командующем войсками Варшавского военного округа. Одновременно, формально оставаясь на занимаемом посту, Эверт с 4 октября 1889 г. по 4 октября 1890 г. отбывал цензовое командование батальоном в дислоцированном в Варшаве 40-м пехотном Колыванском полку – по существующей в русской армии системе генштабист был обязан чередовать штабную службу со строевой, без чего было невозможно его дальнейшее повышение по службе. Подобная система, существовавшая также и в немецкой армии, была продумана и учитывала особенности службы Генштаба, однако на практике очень часто происходили серьезные сбои, в результате которых генштабист при очередном назначении пропускал тот или иной уровень командования. Например, Эверт никогда не командовал ротой (что обычно было необходимым условием для карьеры генштабиста), а позже пропустит еще и бригадно-дивизионный уровень.

В 1890 г. Эверт женился на Надежде (род. в 1869), дочери генерал-майора отдельного корпуса жандармов Игнатия Ми-

хайловича Познанского, начальника Нижегородского губернского жандармского управления. Надежда была известна как талантливая пианистка. В браке родилось шестеро детей: сыновья Игнатий, Борис, Владимир и дочери – Софья, Валентина, Вера.

Отбыв ценз командования батальоном, Эверт 30 августа 1891 г. был произведен в полковники, а 23 января 1893 г. принял начальство над штабом 10-й пехотной дивизии: дивизионный штаб располагался в Варшаве, как и штаб 2-й бригады, а штаб 1-й бригады находился в Лодзи⁶. Здесь Эверт прослужил шесть с половиной лет, после чего 6 октября 1899 г. вновь отправился в войска, на этот раз командиром располагавшегося в Киеве 130-го пехотного Херсонского Его Императорского Высочества (Е.И.В.) великого князя Андрея Владимировича полка.

Командование полком было также необходимым этапом для генштабистов, и, как правило, они здесь долго не задерживались – обычно «на ознакомление с руководством полком» отводился где-то год. Эверт руководил полком один год и два месяца, после чего 24 декабря 1900 г. был произведен в генерал-майоры и назначен начальником штаба 11-го армейского корпуса, размещавшегося в городе Ровно Волынской губернии (Киевский военный округ). 11 октября 1903 г. он был переведен в Варшаву на аналогичный пост в 5-й армейский корпус.

Мирные годы успешной службы Эверта были отмечены еще четырьмя орденами: Св. Станислава 2-й степени (1888 г.), Св. Анны 2-й степени (1895 г.), Св. Владимира 4-й (1899 г.) и Св. Владимира 3-й степеней (1903 г.).

Русско-японская война

В январе 1904 г. на Дальнем Востоке разразилась Русско-японская война. Нужда

⁶ В состав 1-й бригады дивизии входили 37-й пехотный Екатеринбургский Е.И.В. великого князя Алексея Александровича полк и 38-й Тобольский пехотный Е.И.В. великого князя Сергея Александровича полк; в составе 2-й бригады – 39-й пехотный Томский Е.И.В. Эрцгерцога Австрийского Людвига-Виктора полк и 40-й пехотный Колыванский полк.

в офицерах Генштаба, которые должны были укомплектовать новые штабы на театре военных действий, и, прежде всего, штаб командующего Маньчжурской армией генерала от инфантерии А.Н. Куропаткина, возникла практически сразу же. Однако Эверт, хотя и пользовался репутацией талантливого генштабиста и знающего человека, временно остался не у дел. Пока ему оставалось наблюдать, как из его округа отдельные части отправляются на фронт. Алексей Ермолаевич подал прошение об отправке в действующую армию, однако для генштабиста его уровня вакансий пока не представилось. Наконец, в октябре 1904 г., когда окончательно стало ясно, что

Рис. 7. А.Н. Куропаткин

эта война потребует напряжения всех сил и переброски на Дальний Восток дополнительных войск, произошло кардинальное реформирование всей системы командования русской действующей армии. Прежде всего, адмирал Е.И. Алексеев (являвшийся одновременно Наместником Е.И.В. на Дальнем Востоке) был заменен на посту главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами, действующими против Японии, на генерала А.Н. Куропаткина, а вместо одной Маньчжурской армии было сформировано три – 1-я, 2-я и 3-я. С одной стороны, возникла необходимость укомплектования новых армейских штабов, с другой – нового штаба главнокомандующего, поскольку Куропаткин не собирался пользоваться услугами старого «полевого штаба Наместника».

Хотя основу нового штаба главнокомандующего и составил личный состав штаба старой Маньчжурской армии, в нем все же освободилось несколько вакансий. Так, генерал-квартирмейстер В.И. Харкевич, получивший к этому времени звание генерал-лейтенанта, ушел на повышение, возглавив штаб 1-й Маньчжурской армии. Таким образом, 28 октября 1904 г. пост генерал-квартирмейстера нового штаба главнокомандующего занял срочно вытребованный из Польши генерал-майор Эверт, который стал заместителем начальника штаба генерал-лейтенанта В.В. Сахарова⁷ и ближайшим помощником А.Н. Куропаткина, прежде всего, в области оперативного планирования. Служивший под началом Эверта на должности обер-офицера для делопроизводства и поручений его управления, в те годы капитан граф А.А. Игнатьев уделил начальнику несколько строк в своих мемуарах: *«Высокий стройный брюнет с тщательно подстриженной бородкой, в широких шароварах с красными лампасами, в мягких сапогах с большими шпорами. Он в церкви истово крестился, перед обедом выпивал рюмку водки и ни на минуту не*

⁷ Во время Первой мировой войны и Сахаров, и Куропаткин будут занимать посты, равные Эверту – главнокомандующих армиями фронта (Сахаров формально в ранге «заместителя Августейшего главнокомандующего»).

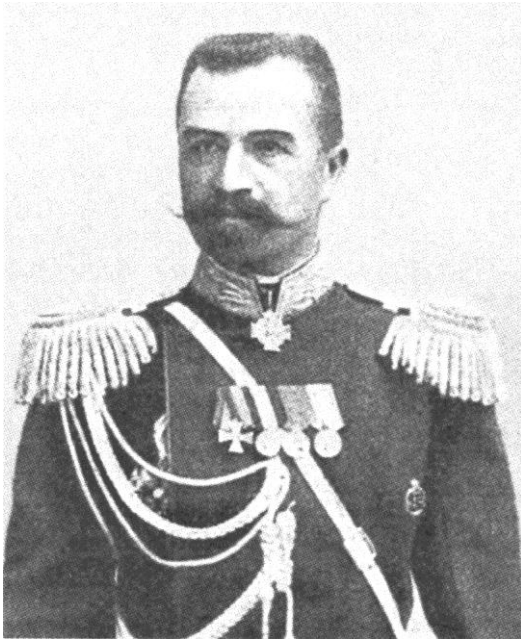

Рис. 8. В.В. Сахаров

терял подобающего генералу величия» [14, с. 218–219].

С одной стороны, служба во время Русско-японской войны позволила Эверту получить колоссальный и бесценный опыт руководства крупными воинскими соединениями во время «войны нового типа», что в будущем должно было обеспечить ему быструю адаптацию во время новой войны. И подобный опыт Эверт действительно получил, а позже с успехом его использовал. Однако эта его служба имела и другие последствия. К тому времени А.Н. Куропаткин считался одним из лучших, если не лучшим, и талантливейших военачальников русской армии – почему он и был назначен на Дальний Восток прямо с поста военного министра. Очевидец событий Русско-японской войны, будущий генерал М.А. Свечин так описывал А.Н. Куропаткина: *«Высокообразованный, знающий военное дело, трудоспособный и храбрый... он имел большой боевой опыт... Не только вопросы оперативной части, но и все что касалось – продовольствия, снабжения огнестрельными припасами, одеждой, постройкой полевых укреплений, устройства госпиталей для раненых и прочее – составляли его постоянную заботу»* [33, с. 71–72]. Эверт же, пройдя школу под началом А.Н. Куропаткина, стал его достойным учеником и последователем, как

тактика и стратега. Со всеми положительными качествами и недостатками. Многие пытались понять, в чем «корень зла». Тот же М.А. Свечин писал о Куропаткине: *«Ему нельзя отказать и в правильных оперативных распоряжениях, но полководцу необходима и «ВОЛЯ», для проведения своих оперативных планов в исполнение. В этом и состоял главный недостаток Куропаткина: – он принимал правильное решение своим «УМОМ», но не хватало силы воли (решимости), провести их в боях в исполнение. Лишь в полном сочетании и гармонии, двух необходимых качества – «УМА и ВОЛИ» – как учит нас военная история – зависит успех полководца. У Куропаткина первого было достаточно, а вторая отсутствовала. В этом и заключались все его неудачи»* [33, с. 71–72]. Причем эти слова можно практически полностью отнести и к Эверту.

Однако вышеприведенное мнение правильно лишь частично: маловероятно, чтобы два служивших вместе крупных военачальника обладали одними и теми же врожденными недостатками. Скорее, здесь речь идет о появлении новой – «куропаткинской школы» в военном искусстве, которая стала попыткой приспособиться к кардинально изменившимся условиям войны начала нового XX в. В условиях войны с Японией *«Куропаткин поставил себе целью, которую нельзя не признать правильной: лишь задерживать, не ввязываясь в упорные бои, дабы не рисковать своими частями, до прибытия подвозимых сил, пока мы не усилимся до перевеса в них»* [33, с. 74]. Фактически действия А.Н. Куропаткина были сродни тактике выдающегося русского полководца М.И. Кутузова – изматывание противника и забота о сохранении армии в ожидании момента, когда враг потеряет саму возможность вести военные действия, а соотношение сил в нашу пользу будет абсолютным. Такова же была и цель А.Н. Куропаткина: категорически не идти ни на какие риски, поскольку подвоз подкреплений из Европейской России чрезвычайно затруднен, и копить силы, чтобы добиться полного превосходства над японцами. Учитывая, что экономика Японии просто физически не могла выдержать затяж-

ной войны и через год – полтора войны действительно оказалась на пороге полного коллапса. Ради этого генерал был готов отступать и выходить из сражений, ведь и Кутузов оставил Москву, а тут речь идет лишь о каких-то полях гаоляна. Главным принципом действий генералов «куропаткинской школы» стала крылатая фраза, приписываемая М.И. Кутузову, которую он, якобы, сказал на Военном совете в Филях: *«Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех пор сохраним надежду благополучно довершить войну, но когда уничтожится армия, погибнут Москва и Россия»* [35, с. 163]. Формально подобная стратегия не просто имела право на существование, а и увенчалась полным успехом. К середине 1905 г. русская армия добилась полного превосходства над противником, пополнения японской армии были полностью исчерпаны: численность русских войск в Маньчжурии составила 445 тыс. человек против 337,5 тыс. у японцев [17, с. 305]. На Японию надвигался финансовый кризис, и лишь внутривойсковые проблемы в России заставили ее согласиться на мирные переговоры, начатые, кстати, по инициативе японской стороны. Сам А.Н. Куропаткин вполне разумно указывал: *«Вместе с истощением денежных средств, при упорном продолжении нами войны, мы скоро могли бы поставить Японию в необходимость искать почетного и выгодного для нас мира»* [16, с. 516].

Другой характерной особенностью этой школы стало вообще свойственное генштабистам чрезвычайно тщательное взвешивание всех обстоятельств до принятия решения, что приводило к затяжке времени и даже к нерешительности в действиях войск. При этом командующий всегда брал на себя главную ответственность за ход военных действий, в связи с чем считал необходимым лично вникать во все тонкости и нюансы, составляя для подчиненных множество ведомственных документов – инструкций, разборов, объяснений и т. д. Надо признать, что подобная склонность к мелочному регламентированию и, как следствие, сковывание инициативы подчиненных, негативно сказывалась на ходе во-

енных действий. Однако подобный недостаток не может привести к катастрофическим последствиям, а лишь затрудняет работу нижестоящих штабов.

В целом Эверт показал себя прекрасным штабистом, и во время войны полностью использовал представившуюся ему возможность приобрести ценный опыт, который позже с успехом использовал. Как пишет М.В. Оськин, *«...читая документы той эпохи, можно подумать, что Эверт являлся одним из лучших полководцев русской армии в 1914–1917 гг., столь подробны и толковы были его боевые наставления»* [25, с. 32].

О воинском профессионализме Эверта свидетельствует тот факт, что его деятельность была высоко оценена его начальником – генералом А.Н. Куропаткиным. Когда в марте 1905 г. в командовании на Дальнем Востоке была проведена рокировка, главнокомандующий (А.Н. Куропаткин) и командующий 1-й Маньчжурской армией (Н.П. Линевиц) поменялись местами, последний взял с собой и своего начальника штаба (В.И. Харкевича), а Эверт 24 марта занял освободившийся пост. Вскоре он был произведен в генерал-лейтенанты, причем старшинство ему исчислялось именно с последней даты. К этому моменту военные действия на суше начали постепенно затихать и принимать позиционный характер, каких-либо крупных столкновений уже не происходило.

Заслуги Эверта на штабной работе во время Русско-японской войны были высоко оценены командованием, и по результатам войны, он был награжден Золотым оружием с надписью «За храбрость» (Высочайший приказ от 18 июня 1906 г.), а также орденом Св. Станислава 1-й степени с мечами (Высочайший приказ от 28 февраля 1906 г.).

Перед войной

После окончания войны Эверт продолжал числиться на посту начальника штаба 1-й Маньчжурской армии. Пока ему подыскивали новое место службы, он занимался вопросами расформирования армии и переброски войск на места постоянной дислокации. Ему было сделано чрезвычайно

лестное предложение – занять пост генерал-квартирмейстера (фактически 1-го заместителя) в недавно созданном по типу германского Большого Генштаба Главном управлении Генерального штаба, которое на тот момент являлось самостоятельным органом, независимым от Военного министерства. Однако Алексей Ермолаевич предложение отклонил по личным соображениям – у него не сложились отношения с тогдашним начальником Генштаба генералом Ф.Ф. Палицыным.

Вскоре ему поступило еще одно заманчивое предложение. Как вспоминал тогдашний военный министр генерал А.Ф. Редигер: *«На место Поливанова нужно было выбрать нового начальника Главного штаба. Нужен был не только умный и знающий, но и твердый человек, который продолжал бы начатое Поливановым трудное дело очистки Главного штаба от неспособных и обленевшихся работников и упорядочивания его работы. О выборе такого лица я советовался с Поливановым, и мы остановились на генерал-лейтенанте Алексее Ермолаевиче Эверте; я его видел всего раз, но он произвел на меня самое лучшее впечатление; Поливанов тоже знал его очень мало, но всеобщий отзыв о нем из*

армии был отличный. Он был временно в Петербурге, я его вызвал к себе 17 апреля и при Поливанове предложил ему должность. Эверт отказывался, говоря, что его тянет в строй, он лишь мечтает о командовании дивизией [...]; кроме того, он опасался, что окажется не на высоте нового назначения» [28, с. 43]. На следующий день, 18 апреля 1906 г., состоялось назначение Эверта начальником Главного штаба. В его ведении находился большой круг вопросов, связанных, прежде всего, с личным составом русской армии. Ему пришлось взять на себя тяжелую миссию по «чистке рядов» – Русско-японская война показала, что значительное количество офицеров не годятся для современной войны, надо было их отправить в отставку, а на их место подобрать более подходящих. Параллельно он работал и над разработкой планов реорганизации организационной структуры армии.

Со своими обязанностями Эверт справлялся блестяще, однако у него все же не сложились отношения с доктринером А.Ф. Редигером, который несколько путаясь в своих оценках вспоминал: *«Эверт пробыл в должности два года. Он оказался безукоризненно честным и хорошим человеком с большим здоровым умом, но не вы-*

Рис. 9. А.Ф. Редигер

Рис. 10. Ф.Ф. Палицын

дающим⁸ся администратором; человек добрый, он Главного штаба не вычистил и не подтянул. Эверт был очень твердых убеждений, пожалуй, даже упрям, и высказывал их вполне откровенно, так что мы неоднократно жестоко спорили с ним. Я за это очень уважал его и любил, но все же было трудно работать с человеком, с которым по некоторым вопросам (особенно, по организационным) мы совершенно расходились во мнениях. Поэтому, когда он весной 1908 года заявил о своем желании получить корпус, я поспешил исполнить его желание» [28, с. 43]. За время службы в Главном штабе Эверт получил орден Св. Анны 1-й степени (1907 г.).

21 мая 1908 г. Эверт принял командование 13-м армейским корпусом и 10 апреля 1911 г. произведен в генералы от инфантерии со старшинством с того же дня; при этом он «проскочил» дивизионный уровень, т. е. опыта командования дивизией он не имел. Корпус входил в состав Московского военного округа, а его штаб размещался в Смоленске⁹. В корпус входили 1-я (штаб – Смоленск)⁹ и 36-я (Орёл)¹⁰ пехотные дивизии, а также 2-я отдельная кавалерийская бригада (Орёл)¹¹. В Смоленске Эверт провел четыре года и 19 июня 1912 г. был назначен командующим войсками Иркутского военного округа и войсковым наказным атаманом Забайкальского казачьего войска. 6 декабря 1912 г. он получил свою последнюю предвоенную награду – орден Св. Владимира 2-й степени. На территории округа размещались 2-й Сибирский армейский корпус (4-я и 5-я Сибирские стрелковые дивизии), штаб-квартира которого размещалась в Чите, и 3-й Сибирский армейский корпус (7-я и 8-я Сибир-

Рис. 11. А.Е. Эверт

ские стрелковые дивизии) со штабом в Иркутске.

Каких-либо важных событий за время руководство Эвертом округа не произошло: шла текущая работа по подготовке войск и поддержанию их боеспособности, отработка мобилизационных мероприятий, перемещение отдельных частей на новые места расквартирования [21, с. 138–147]. Единственной выходящей из разряда стандартных операций стала разработка в феврале – марте 1913 г. мер по противодействию вступлению китайских отрядов в Монголию, в которых планировалось задействовать казаков Забайкальского казачьего войска и несколько стрелковых батальонов, была даже предусмотрена мобилизация частей 5-й Сибирской стрелковой дивизии. В апреле – июле 1913 г. ряд частей был выдвинут в Улясутай и Кобдо, но, в т. ч. и по внешнеполитическим соображениям, какого-либо развития эта операция не получила, тем более, что действия русских войск отрезвляюще подействовали на китайцев, активность которых резко снизилась.

⁸ Начальниками штаба корпуса за время командования им Эверта являлись генерал-майор А.А. Угрюмов (6.6.1903–2.7.1910) и генерал-майор Е.Ф. Пестич (11.7.1910–19.11.1914).

⁹ Начальниками 1-й пехотной дивизии были генерал-лейтенант Д.П. Зуев (21.6.1907–16.6.1910) и генерал-лейтенант А.А. Угрюмов (2.7.1910–17.8.1914).

¹⁰ Начальником 36-й пехотной дивизии был генерал-лейтенант Н.А. Лашкевич (27.12.1906–23.4.1913).

¹¹ Начальниками 2-й отдельной кавалерийской бригады были генерал-майор В.А. Орановский (21.8.1907–11.7.1908) и генерал-майор П.А. Стахович (4.10.1908–27.11.1912).

Рис. 12. Здание штаба Иркутского военного округа

Командующий армией

Вечером 17 июля 1914 г. приказом Императора Николая II в Российской империи была объявлена всеобщая мобилизация, первым днем которой было назначено 18 июля. Этот приказ, естественно, касался и войск Иркутского военного округа (при частичной мобилизации эти мероприятия в округе не проводились). Указанные выше дивизии 2-го и 3-го Сибирских армейских корпусов пополнялись до штатов военного времени, после чего должны были быть отправлены на фронт. Также предусматривалось, что при мобилизации в округе должен быть развернут 6-й Сибирский армейский корпус в составе 12-й и 13-й Сибирских стрелковых дивизий. Мобилизационные мероприятия прошли успешно в соответствии с разработанными планами и войска были вовремя отправлены на фронт. «Последовательность отправки на фронт выглядела следующим образом: из района Иркутск – Ачинск в начале августа 1914 г. убыл 3-й Сибирский армейский корпус [30, л. 1], 11 сентября оттуда же – 12-я и 13-я Сибирские стрелковые дивизии [22, с. 158]. ... Из района Сретенск-Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ) в конце августа отправлен на театр войны 2-й Сибирский армейский корпус, в начале сентября – Забайкальская казачья бригада... . В сентябре... из Ир-

кутска – управление 6-го Сибирского армейского корпуса» [23, с. 267–268].

Существенным является вопрос: какое место было предусмотрено для Эверта в случае начала войны. Посты главнокомандующих фронтами и командующих армиями на австро-германском фронте были «зарезервированы» для командующих военными округами, расположенными в Европейской России, даже назначение командующего Туркестанским военным округом и Туркестанского генерал-губернатора генерала А.М. Самсонова командующим 2-й армией было скорее исключением, подтверждающим правила. Что касается Эверта, то «согласно расписанию высшего командования, он должен был командовать одним из Сибирских корпусов», как считает М.В. Оськин, «единственной вероятной вакансией мог стать 6-й Сибирский корпус, образуемый при мобилизации, так что, вероятнее всего, первоначально Эверт предназначался на эту должность» [25, с. 33]. Впрочем, всегда оставалась возможность временного оставления, до возникновения вакансии, генерала на его прежнем посту, поскольку назначение на корпус было бы для него серьезным понижением. На самом же деле, учитывая крупномасштабный характер грядущего конфликта, для Эверта изначально предусматривался более ответственный пост и, таким образом, воз-

можность его назначения на корпус (как и для командующего Приамурским военным округом генерала П.А. Лечицкого) была гипотетической.

Когда началась мобилизация, Эверт был вызван в Санкт-Петербург, поскольку он был одним из первых кандидатур на случай появления вакансии на пост командующего армией. Тем более что первая дополнительная армия, сверх семи, предусмотренных довоенными планами, – 8-я армия генерала А.А. Брусилова – была сформирована уже через девять дней (28 июля). 20 июля Эверт был принят Государем в Царском Селе; Император выказал свое благоволение к генералу, однако какого-либо назначения не состоялось ввиду отсутствия вакансий, но Эверту было предписано отправиться в Ставку вместе с великим князем Николаем Николаевичем и быть готовым к новому назначению. С этим дело не слишком затянулось, поскольку уже в 20-х числах августа было принято решение о формировании в районе Варшавы двух новых армий – 9-й и 10-й, возглавить которые должны были П.А. Лечицкий и Эверт, соответственно. В состав 10-й армии, которой предстояло развивать наступление на Берлин, вошел пока что один 22-й армейский корпус генерал-лейтенанта барона А.Ф. фон дер Бринкена, который находился в процессе переброски из Финляндии¹². 11 августа состоялось официальное назначение Эверта командующим армией, одновременно ее начальником штаба назначается генерал-лейтенант С.Д. Марков, который в 1912–1914 гг. был начальником штаба у Эверта в Иркутске.

Однако этой, еще не созданной армией, Эверт прокомандовал формально 22, а фактически два дня. Ситуация сложилась таким образом, что в ходе ожесточенных боев под Красником 10–12 августа 4-я русская армия генерала от инфантерии барона А.Е. Зальца, противостоявшая превосходящему ее почти в два раза противнику (109 тыс. человек и 352 орудия против 228 тыс. человек и 520 орудий), попала в тяжелую ситуацию: один за другим потерпели пора-

Рис. 13. Великий князь Николай Николаевич – Верховный главнокомандующий

жения 14-й, 16-й армейские и Гренадерский корпуса [1, с. 191]. Прибывший в срочном порядке в штаб Юго-Западного фронта (находившийся в Ровно) Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич 12 августа сместил 70-летнего барона А.Е. Зальца с поста командующего армией и приказал находившемуся под рукой Эверту принять на себя временное руководство ее войсками. При этом генерал С.Д. Марков остался формировать штаб 10-й армии, а Эверту «по наследству» от А.Е. Зальца достался начальник штаба генерал-лейтенант А.Е. Гутор (в 1918 г. перешедший на службу к большевикам).

Несмотря на то, что положение армии, потерявшей в предшествующих боях около

Рис. 14. С.Д. Марков

20 тыс. человек, было тяжелым, Эверт су-

¹² Также предполагалось включение в состав армии 18-го армейского корпуса генерала от кавалерии Н.Ф. фон Крузенштерна.

мел сплотить армию. *«Первый приказ А.Е. Эверта по армии со словами «отступления не допускаю» вышел 14 августа и произвел хорошее впечатление на войска, которые уже утром того же дня начали тяжелейшие бои за Люблин»* [1, с. 192]. Организованное генералом сопротивление наступающим частям австро-венгерской армии у Белжице–Туробина начало сказываться, хотя 16 августа армия и оказалась охваченной с обоих флангов. Как отмечал вообще скупой на похвалу генерал Н.Н. Головин, *«Распоряжения генерала Эверта делали 4-ю армию полностью готовой в ближайшие дни к переходу к активным действиям и, таким образом, сохраняли в его руках свободу действий для последующих дней. Командование армией ген. Эвертом в эти дни стоит много выше командования ген. Данкля¹³»* [6, с. 253].

17 августа авангард 18-го армейского корпуса принудил к отступлению австро-венгерскую группу Г. Куммера на Ходеле и положение под Люблином стабилизировалось, особенно после того, как сюда 19 августа прибыли части Гвардейского корпуса. Однако у Суходола положение оставалось тяжелым. 20 августа отряд генерала от артиллерии И.И. Мрозовского (Гренадерский корпус, 3-й Кавказский армейский, 18-й армейский корпуса) атаковал 10-й австро-венгерский корпус у Травников и прорвал фронт у Суходола. В тот же день 1-я гвардейская дивизия нанесла удар на Владислав и заставила отступить противника. В этот момент Эверт не стал развивать успех и отложил общее наступление на 22 августа, поскольку необходимо было дать войскам отдых и подтянуть подкрепления. 22 августа (именно в этот день Эверт был официально назначен командующим 4-й армией, а 10-ю армию вместо него возглавил генерал-лейтенант В.Е. Флуг) русские войска перешли в наступление и прорвали фронт противника.

Несмотря на то, что 23 августа часть войск 4-й армии была передана в 9-ю, Эверт 24-го перешел в общее наступление, тесня 1-ю австро-венгерскую армию. 26–27

августа под Тарнавкой силами гвардии при поддержке 3-го Кавказского армейского корпуса была разбита германская группа Р. фон Войрша. В ходе боев 25–27 августа 4-я армия захватила около 15 тыс. пленных и 55 орудий. 27 августа австро-венгерские войска начали отступление, и 4–5 сентября войска Эверта вышли на р. Сан, а 3-й Кавказский армейский корпус генерал-лейтенанта В.А. Ирмана взял Сеняву и 27 орудий. *«За отличия при отбитии атак неприятельских сил на город Люблин с 13 по 21 августа 1914 г.»* генерал от инфантерии Эверт был Высочайшим приказом 18 сентября 1914 г. награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

10 сентября 1914 г. великий князь Николай Николаевич приказал главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта генералу от артиллерии Н.И. Иванову *«переместить три корпуса Юго-Западного фронта к Ивангороду»* [4, с. 45]. В свою очередь, Иванов выделил для этих целей армию Эверта (Гренадерский корпус, 3-й Кавказский и 16-й армейский корпуса, а также Уральскую казачью дивизию; всего 96 400 штыков, 12 000 сабель, 605 орудий) для переброски. Войска начали выдвижение под Ивангород 11 сентября. 4-я армия перемещалась из центра Юго-Западного фронта на его северный фланг. Эверт *«... ставил перед ней задачу в случае развития удара немцами с северо-запада от Млавы на Нижний Нарев обеспечить правый фланг и тыл Юго-Западного фронта и оказать содействие отряду Ольховского в удержании Варшавы»* [15, с. 363].

В ходе Варшавско-Ивангородской операции (Ивангородская крепость находилась в оперативном подчинении Эверта) войска 4-й армии вначале под ударами немецких войск были отеснены на правый берег Вислы. 26 сентября Эверт начал переправу у Ивангорода и Ново-Александрии и 27-го переправился через Вислу. Однако дальше ситуация осложнилась, и 28 сентября он отвел свои войска обратно на правый берег. На левом берегу закрепились

¹³ Имеется в виду «победитель под Красником» командующий 1-й австро-венгерской армией генерал пехоты Виктор Данкль.

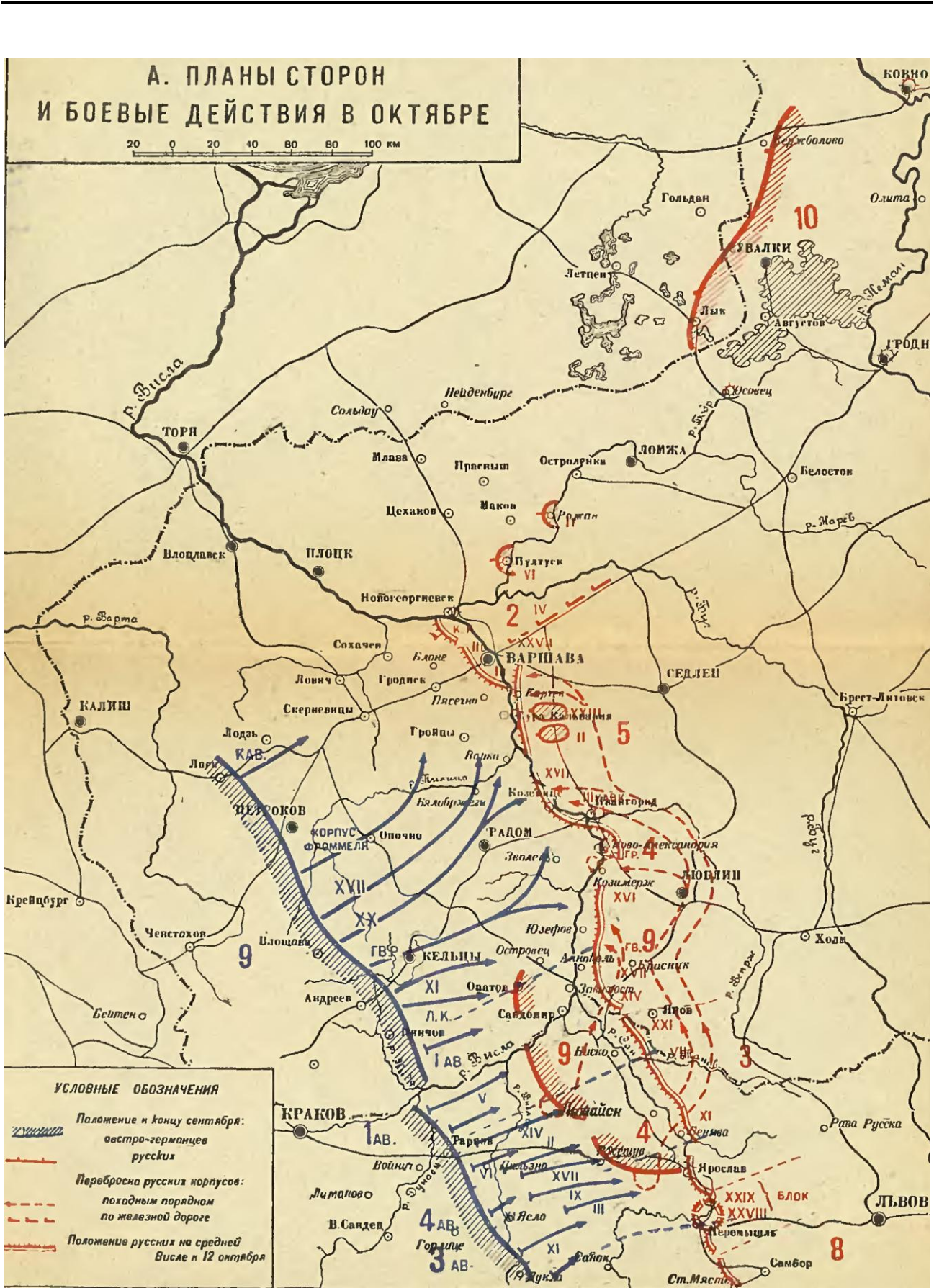

Рис. 15. Восточный фронт в октябре 1914 г.

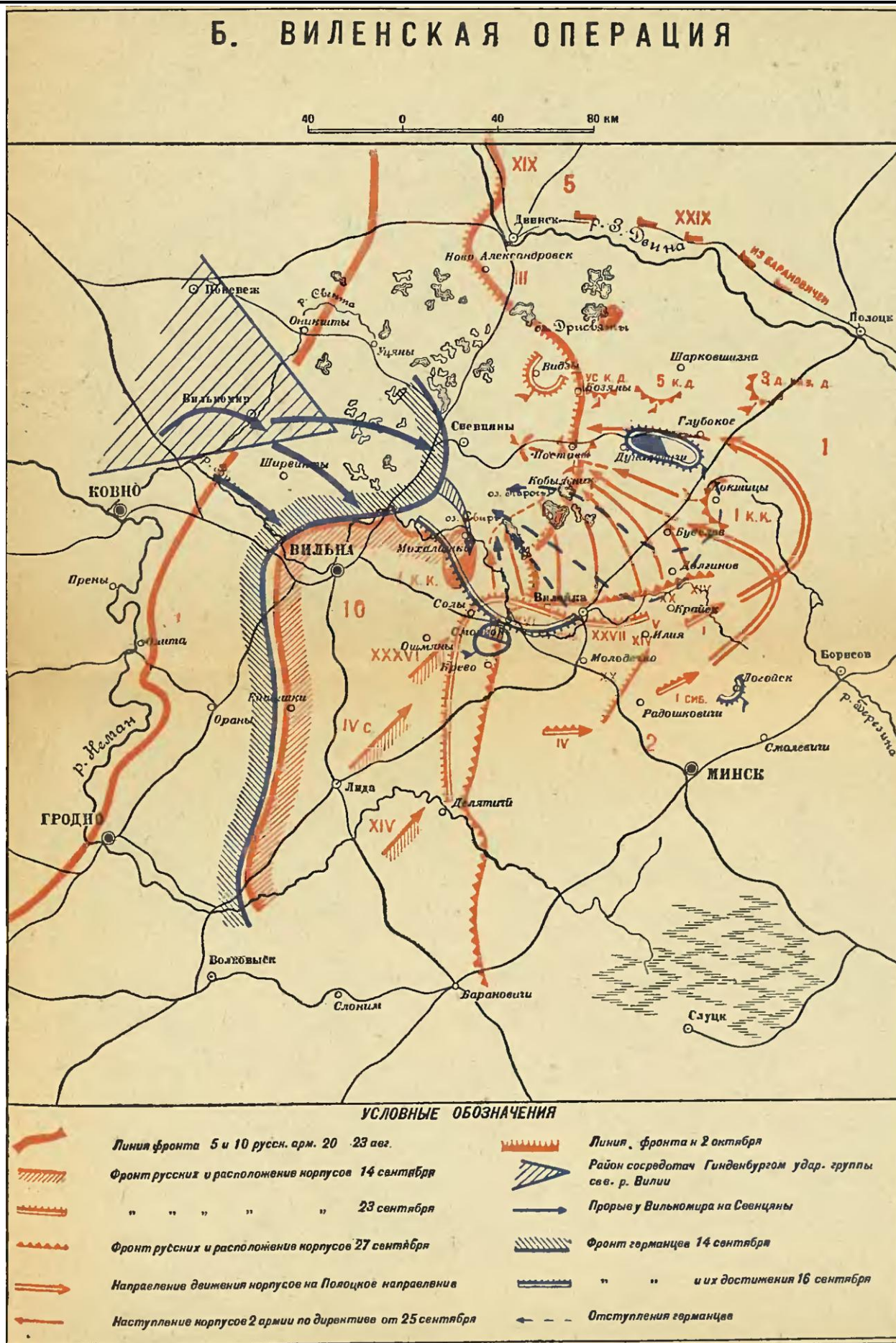

Рис. 16. Виленская операция в конце августа – начале сентября 1915 г.

лишь части 3-го Кавказского армейского корпуса, оборонявшие плацдарм в районе Козенице (севернее Ивангорода) в течение 15 дней. 28–29 сентября сюда же переброшен 17-й армейский корпус генерала от инфантерии П.П. Яковлева, который 30 сентября был передан из 5-й армии в состав 4-й. 8 октября русские войска взяли Козеницы.

Наконец, 10 октября при поддержке частей 9-й армии генерала от инфантерии П.А. Лечицкого 4-я армия неожиданно для противника нанесла удар от Козенице, начав наступление на Радом, тесня стоявшие перед ними войска 1-й австро-венгерской армии. *«Войскам пришлось наступать в лесистой местности, что затрудняло их продвижение и нередко приводило к потере управления ими со стороны командования. Несмотря на это, они с честью преодолели все трудности..., разгромили австрийцев и принудили их поспешно отступить на юг»* [15, с. 372]. 15 октября Радом был взят, и войска Эверта продолжили продвижение вперед, практически не встречая сопротивления. 20 октября Эверт двинул в обход левого фланга 1-й австро-венгерской армии генерала В. Данкля 3-й Кавказский армейский корпус, который взял Кельцы и принудил противника к отступлению.

На этом Варшавско-Иваногордское сражение завершилось: австро-германское командование было вынуждено свернуть боевые действия и отвести войска на исходные позиции, что означало полный провал их плана по разгрому русской армии. Значительный вклад в срыв планов германского командования внесла 4-я армия и ее командующий, еще раз доказавший, что является «крепким командиром», умеющим организовать упорное сопротивление, а затем – и контрнаступление.

29 октября австро-германские войска начали новую – Лодзинскую – операцию, целью которой был разгром всего русского фронта и уничтожение развернутой в районе Лодзи 2-й русской армии генерала от кавалерии С.М. Шейдемана. И вновь Эверт показал себя мастером обороны: он вступил в затяжной бой с превосходящими его по численности войсками 2-й австро-

венгерской армии генерала Э. Бём-Эрмоли и сковал ее, дав возможность частям 5-й армии деблокировать 2-ю русскую армию.

2 ноября 1914 г. Эверт начал наступление силами Гренадерского, 3-го Кавказского, 16-го, 17-го армейских корпусов в район Ченстохова, где встретил упорное сопротивление германской группы генерала Р. фон Войрша и 1-й австро-венгерской армии. После тяжелых боев 5 ноября он был вынужден отвести левый фланг. На следующий день, 6 ноября, Эверту удалось ликвидировать попытку обхода своего правого фланга частями 2-й австро-венгерской армии, но одновременно противник осуществил прорыв на стыке 4-й и 9-й русских армий – этот прорыв был ликвидирован уже Лечицким.

8 ноября войска Эверта разгромили 4-й австро-венгерский корпус, но после того, как главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал от инфантерии Н.В. Рузский отвел свои войска, наступление пришлось остановить.

В конце 1914 г. основные силы 4-й армии Эверта были отведены за Вислу, где они должны были восстановиться и получить пополнение, готовясь весной 1915 г. перейти в наступление с удерживаемых ею правобережных плацдармов. Однако ситуация на фронте в начале 1915 г. была очень тяжелой: *«...командование Восточного фронта (Гинденбург и Людендорф) требовало перенести главные усилия на Восток с целью, как выразился Гинденбург, «поставить на колени» Россию и этим успехом заставить и западные державы пойти на уступки», в связи с чем новый «германский план учитывал позиционную борьбу на Западе и маневренную на Востоке, ограничение действий на одном фронте и сокрушение противника на другом»* [34, с. 282]. Германское командование начало наращивать развернутую на Востоке группировку. 10 января 1915 г. Эверт получил сразу две высоких награды: ордена Белого Орла с мечами и Св. Александра Невского с мечами.

Основной удар в апреле 1915 г., так называемый Горлицкий прорыв, немцы нанесли не по армии Эверта, которая оказалась, таким образом, на вспомогательном направ-

лении. Однако ей также довелось участвовать в боях в междуречье Вислы и Дунайца. Этот участок фронта (вместе с 4-й армией) в мае 1915 г. был передан Северо-Западному фронту генерала от инфантерии М.В. Алексеева. К июню 1915 г. армия располагалась по левому берегу Вислы, опираясь на Ивангород, и имела в своем составе 36-й, 15-й, 25-й армейские и Гренадерский корпуса (3-й Кавказский армейский корпус был еще в феврале отправлен в район Ораны).

После начала наступления 11-й армии генерал-полковника А. фон Макензена (13 июня) в полосе между реками Вислой и Бугом левый фланг армии (Гренадерский и 25-й армейский корпуса) переведен на правый берег Вислы. 21 июня части 4-й австро-венгерской армии атаковали корпуса Эверта (15-й армейский корпус был передан ему из 3-й армии). В ходе Таневского сражения 21–24 июня австро-венгерские войска были отброшены, а затем Эверт нанес им крупное поражение при Уржендове. 6 июля Эверт получил приказ командования об отходе за Вислу. В тот же день германские войска Р. фон Войрша прорвали позиции, занимаемые Гренадерским корпусом, что вынудило Эверта ускорить отход.

Во время Люблин-Холмского сражения, продлившегося с 9 по 19 июля 1915 г.,

Эверту вновь пришлось действовать от обороны, что ему удавалось лучше всего. Его войска успешно сдерживали наступление 4-й австро-венгерской армии. 16 июля войска Р. фон Войрша форсировали Вислу у Сенно и сумели закрепиться на правом берегу. Все попытки Эверта ликвидировать силами 26-го и 16-го армейских корпусов прорыв потерпели крах и привели лишь к большим потерям. 8 августа германские войска нанесли поражение 16-му армейскому и Гренадерскому корпусам, и Эверт начал отводить части 4-й армии от Седлеца на Грабовец.

За время своего участия в боевых операциях 1914–1915 гг. Эверт заслужил репутацию одного из лучших командующих русскими армиями. Причем его отличало особое умение вести оборонительные действия, выдерживая удар и сковывая превосходящие его силы противника. Используемая им стратегия, сторонником которой он стал во время Русско-японской войны, была направлена, прежде всего, на «сбережение армии» путем ведения действий от обороны, сокращая до минимума крупномасштабные наступления. Подобные действия на фоне резкого усиления на фронте группировки противника, а также разразившегося тяжелейшего «снарядного голода» – кризиса военного снабжения, сделали Эверта особенно востребованным в середине 1915 г., когда произошла серьезная реорганизация высшего командования.

Свою оценку действий Эверта на посту командующего армией оставил герой войны, комендант крепости Ивангород генерал-майор А.В. фон Шварц, общавшийся с ним в августе 1914 г. и начале июля 1915 г. Он дал Эверту следующую характеристику: *«Он был высокого роста, с энергичным почти суровым лицом, и носил черную бороду... Он имел вид очень энергичного человека, но на самом деле таковым не был. Я не могу сказать, чтобы он был нерешительным, но в продолжение всего его командования 4-й армией он обнаружил большую растерянность и ни разу не принял такого решения, которое при умелом проведении дало бы громкий успех или нанесло бы удар при обратных обстоятельствах. Однажды он мне сказал: «Моя армия никогда не*

Рис. 18. А.В. фон Шварц

имели большего успеха, но никогда и не несли больших потерь».

Лично я считаю такую излишнюю осторожность недостатком для военного начальника, т. к. во многих случаях решительным ударом можно было нанести неприятелю неисчислимый вред. Но он не предпринимал ничего, принимая все меры для отражения наступления противника, теряя время, уступая неприятелю инициативу и окончательно упуская подходящий случай... Однако за всеми этими свойствами скрывалось доброе сердце» [37, с. 71]. (Надо иметь в виду, что во время общего отступления русской армии в июле 1915 г. Эверт сразу после того как в его подчинении оказалась Ивангородская крепость, отдал Шварцу приказ эвакуировать крепость, указав, «что на Вашу личную ответственность упадет захват неприятелем трофеев в крепости» [37, с. 70]. Шварц был крайне не доволен этим приказом, в связи с чем приведенная выше характеристика не совсем объективна и сделана под влиянием эмоций).

Главкомандующий фронтом

В августе 1915 г. в русской армии произошло несколько чрезвычайно серьезных перестановок в высшем командном составе, в результате чего на следующую ступень

своей карьеры поднялся и Эверт. Сначала 3 августа произошло разделение ставшего слишком крупным Северо-Западного фронта на два – Западный, во главе которого остался генерал от инфантерии М.В. Алексеев, и Северный, который получил выздоровевший бывший главнокомандующий армиями все того же Северо-Западного фронта генерал от инфантерии Н.В. Рузский. Еще более важным событием стала смена Верховного главнокомандующего и его штаба. Государь, наконец, принял решение лично занять этот пост: после ряда тяжелых и не слишком удачных сражений и отступления русской армии Николай II посчитал невозможным оставаться в стороне от военных действий и принял на себя в этих тяжелейших условиях всю ответственность за положение армии. 23 августа 1915 г. он возложил на себя звание Верховного главнокомандующего. В ходе подготовки к этому событию 20 августа Ставка была пе-

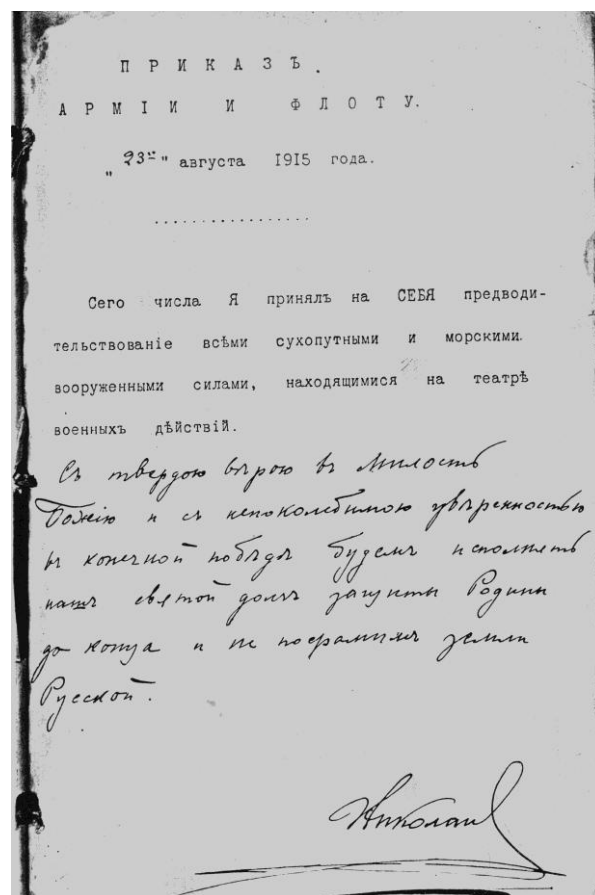

Рис. 19. Приказ императора Николая II о вступлении в должность Верховного главнокомандующего

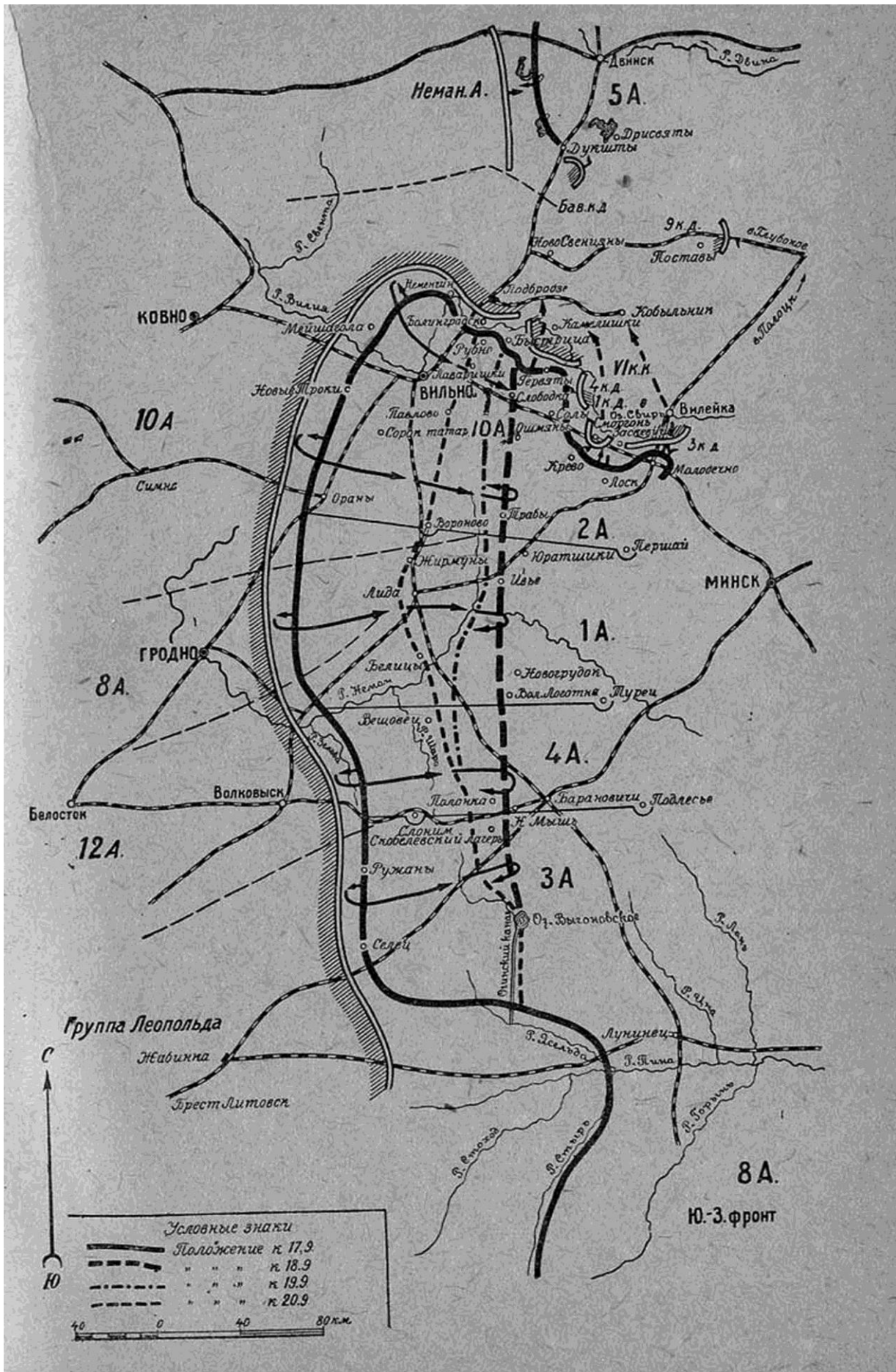

Рис. 20. Отход войск Западного фронта в сентябре 1915 г.

Рис. 21. Слева направо генералы: А.Ф. Рагоза, А.Е. Эверт, А.М. Драгомиров, А.Н. Куропаткин, М.Ф. Квецинский, 21 декабря 1915 г. на станции Погорельцы в ожидании императора Николая II

реведена из Барановичей в Могилёв, а 18 августа М.В. Алексеев назначен начальником штаба Верховного главнокомандующего. М.В. Оськин пишет, что при выборе нового начальника штаба «одним из кандидатов был выдвинут Эверт, которого в пику Алексееву, поддерживал Н.В. Рузский. По некоторым данным, кандидатура Эверта была отклонена из-за его немецкой фамилии, что в условиях развязанной Ставкой кампании шпиономании могло иметь самые негативные последствия во внутриполитическом отношении. Сам император Николай II решительно высказался в пользу Алексеева» [25, с. 39]. Существовал ли действительно вопрос о выборе между Эвертом и Алексеевым или же это были очередные интриги Рузского – сказать сложно. Однако стоит заметить, что по своим талантам Алексеев был значительно сильнее Эверта, а также уже имел опыт руководства фронтом в крайне тяжелых условиях. Поскольку в случае, когда пост Верховного главнокомандующего занимает глава государства, роль начальника его штаба резко

возрастает, выбор Государя не вызывает вопросов. Николай II всегда довольно высоко оценивал Эверта как военачальника, поэтому именно его поставил во главе Западного фронта, прикрывавшего пути к Москве. Определенную роль сыграл и тот факт, что Эверт знал данный театр военных действий, поскольку именно здесь уже сражались войска его 4-й армии. А, кроме того, на тот момент нужен был, прежде всего, генерал, умевший действовать в обороне, а здесь Эверт был одним из лучших. Таким образом, 20 августа 1915 г. состоялось назначение Эверта главнокомандующим армиями Западного фронта, в состав которого входили 1-я (командующий – генерал от кавалерии А.И. Литвинов), 2-я (генерал от инфантерии В.В. Смирнов), 3-я (генерал от инфантерии Л.В. Леш) и 4-я (генерал от инфантерии А.Ф. Рагоза) армии.

Во главе фронта Эверт придерживался все той же стратегии, которую он считал единственно правильной и гарантирующей не сиюминутный, а конечный успех. За это

Рис. 22. Император Николай II и А.Е.Эверт (слева) на смотре войск. Станция Вилейка 23 декабря 1915 г.

он подвергался критике практически во всех появившихся после окончания войны военно-теоретических работах. Так, генерал от инфантерии А.М. Зайончковский писал: *«Ни на одном из фронтов телеграф не работал так много, как у Эверта. Он самым старательным образом подготовлял все операции, вмешивался во все детали работ командующих армиями и корпусных командиров, но не решался атаковать. Очевидно, Наполеоновская равнодействующая у этого военачальника сильно уклонялась в сторону ума и в ущерб характера»* [11, с. 32].

Очередное наступление немцев, все еще надеявшихся в 1915 г. вывести Россию из войны, началось 26 августа на Виленском направлении, где был нанесен удар в стык 5-й и 10-й армий. 28 августа фронт был прорван – эта операция получила название Свенцянский прорыв, однако введя в бой вновь сформированную 2-ю армию, Эверт 2–3 сентября остановил продвижение противника. Затем была проведена успешная контратака, как обычно у Эверта с ограниченными целями, в ходе которой была разбита брошенная немцами в прорыв кавалерия. К 19 сентября русские войска закрепились на линии Дрисвяты –

Нарочь – Сморгонь – Пинск – Дубно – Тернополь, не допустив окружения – к чему стремился противник, и тем самым, лишив смысла все германское наступление. Достаточно высоко оценивая действия Эверта в этой операции, начальник кафедры военной истории Военной академии им. М.В. Фрунзе комбриг Н.Ф. Евсеев отмечал: *«Командующие фронтами, кроме Эверта, тратили непомерно много времени на домогательства и вымогательства сил для своих фронтов [...], причем их мотивы примерно одинаковы, мы назовем их местническими, центробежными, лишенными необходимого более широкого кругозора, точнее качеств, необходимых столь большим людям – командующим фронтами [...]». Прямую противоположность выказал командующий Западным фронтом Эверт, широко смотревший на события, не суживавший свою деятельность разграничительными линиями фронтов, по-деловому организуя действия подчиненных ему армий в интересах двух фронтов. Эверт для Северного фронта сделал больше, нежели Рузский»* [9, с. 232].

8 октября 1915 г. Эверт был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени по совокупности заслуг сразу за три сражения, два

из которых он провел будучи командующим армией: за то, что в наступление двумя корпусами нанес полное поражение австрийскому корпусу в мае 1915 г. под г. Опатовым; за наступление в июне 1915 г. двумя корпусами против австрийцев на Люблин; за то, что в сентябре 1915 г. провел искусный маневр и предотвратил прорыв неприятеля между Двинском и Сморгонью. 23 декабря 1915 г. Эверт был пожалован званием генерал-адъютанта – награда довольно редкая и показывавшая особое благоволение к нему императора Николая II.

Наиболее важным для карьеры Эверта стал 1916 год. Мало того, то, как он вел военные действия в этом году, стало для историков определяющим для оценки его полководческого таланта. И хотя основным объектом критики и нападок – и, как следствие, более известными – оказались его действия во время летнего наступления русской армии, история началась раньше, во время Нарочской операции 5–16 марта 1916 г.

В начале 1916 г. Эверт правильно оценил складывающуюся на фронтах ситуацию и 13 января направил М.В. Алексееву письмо, предлагавшее довольно решительные меры и меры по подготовки масштабного наступления. Эверт писал: *«Агентурные сведения, опросы пленных, отсутствие каких-либо новых германских частей не только на Западном и Северном фронтах, но даже и на Юго-западном, несмотря на предпринятое нами там недавно наступление, – все это, в связи с уводом значительной части германских войск с Балканского полуострова, указывает на полную вероятность развития германцами в ближайшем будущем наступательных действий на их Западном фронте. Если это случится, то мы даже в чисто узких, эгоистических интересах оставаться пассивными ни в коем случае не можем, дабы не дать германцам возможности разбить наших союзников и нас по частям. Мы обязаны начать наступление тотчас, как только определится германское наступление на французов, не теряя времени, со всей энергией и стремительностью [...]». Вполне вероятно, что германцы умышлен-*

но затянут подготовку своего наступления на 1–2 месяца, т. е. до того времени, когда на нашем фронте настанет распутица и серьезные операции будут невозможны в продолжение 6–8 недель, а может быть и далее.

Наше зимнее наступление, несомненно, нарушило бы в корне эти расчеты, если бы они имели место. Даже если бы внимание Германии было привлечено нами, то и в этом случае наше наступление даст больше, чем ожидание удара со стороны противника. Я принимаю все меры, чтобы подготовить армии Западного фронта к наступлению в ближайший зимний период» [27, с. 8].

11 февраля 1916 г. в Могилеве в Ставке Верховного главнокомандующего под председательством Государя состоялось совещание, в котором приняли участие все командующие фронтами. Главный удар должен быть на стыке Северного и Западного фронтов. Эверт был не в восторге от принятого решения, не желая втягиваться в заведомую авантюру. 16 февраля сообщил М.В. Алексееву: *«Полученные же мною сведения о районе, намеченном для наступления, показывают, что в весеннюю распутицу он или крайне тяжел, или вовсе негоден для военных действий: большие болотистые пространства становятся непроходимыми; многие озера, выходя из берегов, сливаются вместе в непрерывную цепь; почва растворяется настолько, что передвижение становится почти невозможным»* [27, с. 16].

19 февраля глава французской военной миссии в России генерал П. По направил М.В. Алексееву письмо, где настаивал: *«В предвидении развития, вполне в настоящее время вероятного, германских операций на нашем фронте и на основании постановлений совещания в Шантильи, я прошу, чтобы русская армия безотлагательно приступила к подготовке наступления, предусмотренного этим совещанием»* [20, с. 56].

3 марта была отдана Директива, предусматривавшая проведение уже обсужденного наступления.

Начавшаяся 5 марта Нарочская операция, которую проводила 2-я армия фронта (временно командующий генерал от

Рис. 23. Ставка в Могилеве. 12 февраля 1916 г. Военный совет с командующими фронтами, возглавляемый Государем Императором Николаем II

инфантерии А.Ф. Рагоза), в целом была не слишком удачной, и 17 марта Эверт отдал приказ: «Начатая 5 марта атака неприятельских позиций... не привела к решительным результатам, между тем наступившая теплая погода и обильные

осадки, выпавшие за последние дни, сильно заболотили значительную часть района расположения войск и до крайности затруднили дальнейшее развитие операции в общем объеме. Во исполнение повеления Государя Императора, приказываю: 1-й и

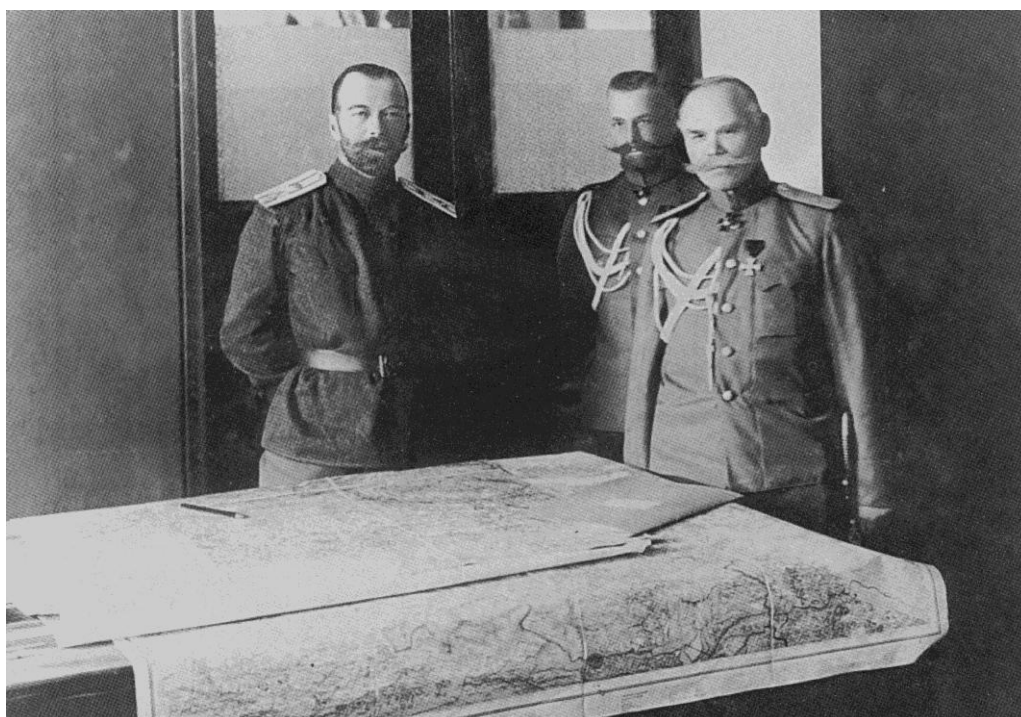

Рис. 24. Император Николай II и М.В. Алексеев в Ставке 12 февраля 1916 г.

2-й армиям прекратить наступление, прочно утвердиться в занимаемом положении, сохранять видимую готовность к продолжению боя, держать противника под угрозой атаки, а на участке между озерами Нарочь и Вишневское продолжать начатую операцию с целью овладения намеченными пунктами, нужными для прочного обеспечения отнятого у противника района» [27, с. 148]. Потери же русской армии были очень значительны для столь малых результатов. Автор единственной предметной работы по Нарочской операции Н.Е. Подорожный дает цифру наших потерь убитыми и ранеными в 1 018 офицеров и 77 427 солдат, что составило 30,3% к списочному составу 2-й армии на 5 марта. Особенно пострадала группа генерала от кавалерии М.М. Плешкова (1-й, 27-й, 1-й Сибирский армейские, 7-й кавалерийский корпуса), потери которой достигли 52,1% [27, с. 149].

Германское командование сняло некоторое количество войск с Западного фронта и под Верденом на некоторое время наступило затишье, что дало возможность французскому командованию подтянуть резерв и выправить критическую ситуацию. Таким образом, цель операции была достигнута, хотя потери, надо признать, были чрезмерными. Действия Эверта Подорожный оценивает достаточно трезво, однако, будучи советским историком, не старается выбирать выражений для характеристики «царского генерала»: *«Приведенные вначале его вполне разумные и дельные предложения и вдумчивая оценка обстановки показывают, что в незнании и непонимании порученного ему дела генерала Эверта обвинить нельзя. Это был по-своему незаурядный командующий армией и фронтом в царской армии... Нам кажется, что наряду с командиром, полководцем в Эверте мирно уживался чиновник. Эверт был разумным и дельным командующим только до тех пор, пока ему лично не угрожало ничего сверху. Но как только его личному благополучию грозила опасность, Эверт мгновенно из командира превращался в Молчалина, «чего изволите»* [27, с. 156]. Здесь трактовка действия Эверта несколько резка, думается, что дело не только в выпячиваемом авто-

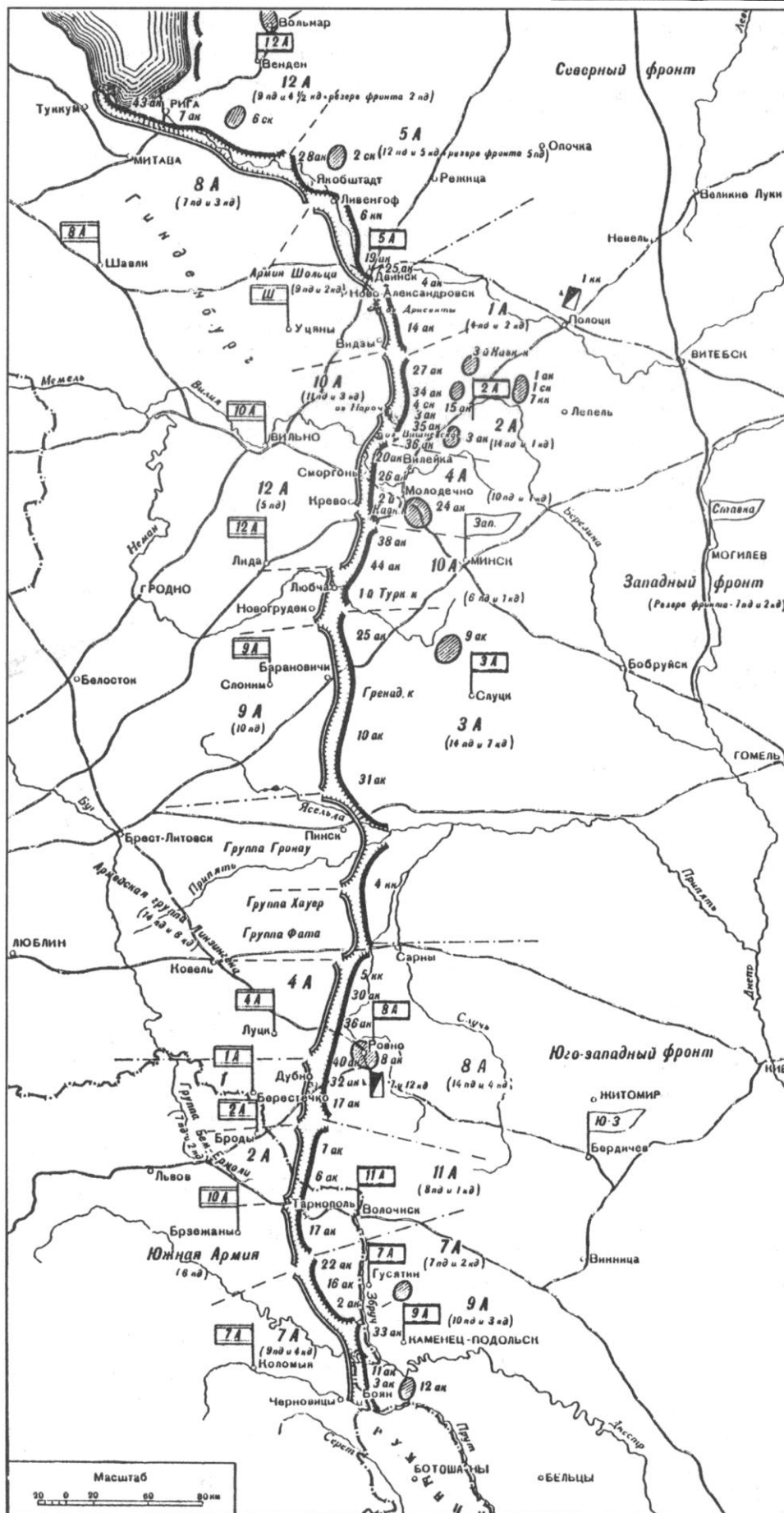
ром «карьеризме», а в постоянно подчеркиваемом Эвертом положении, которое, по его мнению, составляет основу военной службы: младший должен подчиняться старшему, а подчиненные штабы как можно точнее исполнять указания высших. Именно в этом он видел причины неудач Рагозы, и, в свою очередь, считал необходимым считаться с мнением Ставки, а не вступать с ней в бесконечные споры.

Летнее наступление 1916 г.

Эверт был уверен: Нарочская операция в полной мере показала – прорвать германские позиции, а затем перейти в широко-масштабное наступление с далеко идущими целями на данный момент времени невозможно. Имеющихся в распоряжении войск недостаточно, прежде всего, это касается артиллерии (особенно тяжелой), запасов боеприпасов, различных технических средств. Надо заметить, что к началу 1916 г. кризис военного снабжения еще не был преодолен – для этого потребовался практически весь 1916-й, к концу которого русская армия в смысле ее оснащения артиллерией и техническими средствами действительно перешла на новый качественный уровень. Эверт это прекрасно понимал, возможно, он не знал «высокой государственной политики», но военным профессионалом он был высоко квалифицированным. Без накопления сил все наступления, даже если они будут иметь успех, станут лишь бессмысленной тратой личного состава и вооружения без особых перспектив на конечную победу, считал он.

Как яркий представитель «куропаткинской школы» – тем более что его «учитель» неожиданно получил пост главнокомандующего армиями Северного фронта вместо вновь вовремя заболевшего Н.В. Рузского – Эверт считал необходимым уйти в глухую оборону и заняться накоплением сил: время играет на Россию, ресурсы противника стремительно иссякают, и в 1917 г. можно говорить о проведении операций, которые *«если и не приведут войну к полному окончанию, то, во всяком случае, предрешат с очевидностью ее исход»* [25, с. 49; 29, л. 25]. Растрата же войск лишь испортит все дело. Позиция Эверта была ясной, обосно-

ванной и логичной, тем более что ее под-
тверждал и опыт, накопленный англо-

Е. Эверт

французскими войсками на Западном фронте. В краткой форме стратегия Эверта заключалась в следующем: отказавшись от безрассудной растраты огромных сил русской армии в штурме хорошо подготовленных оборонительных позиций противника без поддержки тяжелой артиллерии, сосредоточиться на накоплении необходимых средств, а в кампанию следующего года перейти в решительное и скоординированное с Союзниками на других фронтах наступление, отразить которое Центральные державы будут просто не в состоянии. Таким образом, взять в 1916 г. паузу, а в 1917 г. победоносно завершить войну.

Эту точку зрения Эверт, при поддержке генерала от инфантерии А.Н. Куропаткина, последовательно отстаивал на состоявшемся 1 апреля 1916 г. в Ставке в Могилеве совещании. М.В. Алексеев озвучил амбициозный план, основные положения которого позже были изложены в директиве № 2017/806 от 11 апреля 1916 г. Она предусматривала переход в наступление и атаку германо-австрийских войск армиями всех трех фронтов. Главный удар должны были наносить войска Западного фронта из района Молодечно в направлении Ошмяны, Вильна. Северному фронту ставилась задача наступать из района Двинска на юго-запад, а Юго-Западному фронту главную атаку произвести войсками 8-й армии в общем направлении на Луцк [20, с. 81].

На самом совещании, как вспоминает участвовавший в нем А.А. Брусилов, сначала выступил А.Н. Куропаткин, *«который заявил, что на успех его фронта рассчитывать очень трудно и что, по его мнению, как это видно из предыдущих неудачных попыток к наступлению, прорыв фронта немцев совершенно невероятен, ибо их укрепленные полосы настолько развиты и сильно укреплены, что трудно предположить удачу; скорее, нужно полагать, мы понесем громадные безрезультатные потери [...]». Затем было представлено слово Эверту. Он, в свою очередь, сказал, что всецело присоединяется к мнению Куропаткина, в успех не верит и полагает, что лучше было бы продолжать держаться оборонительного образа действий до тех пор, пока мы не будем обла-*

дать тяжелой артиллерией, по крайней мере в том же размере, как наши противник, и не будем получать тяжелых снарядов в изобилии» [3, с. 209]. Мнение Эверта, как указывалось выше, было проигнорировано, несмотря на то, что именно ему было поручено наносить главный удар.

Получив дополнительные резервы и доведя численность 2-й и 4-й армий в Молодеченском районе до 480 тысяч человек, Эверт тем не менее затягивал подготовку к наступлению. С одной стороны, он всеми силами пытался накопить как можно больше вооружения, с другой, не верил в успех предстоящей операции и пытался отсрочить возможную катастрофу. К концу мая 1916 г. в состав Западного фронта входили 2-я (генерал от инфантерии В.В. Смирнов), 3-я (Л.В. Леш), 4-я (А.Ф. Рагоза), 10-я (Е.А. Радкевич) армии. Штаб фронта возглавлял генерал-лейтенант М.Ф. Квецинский.

В назначенное время 22 мая войска Юго-Западного фронта генерала от кавалерии А.А. Брусилова перешли в наступление и в первые же дни добились больших успехов, нанеся крупное поражение австро-венгерской армии. Исходя из успехов Юго-Западного фронта, Эверт решил изменить свои планы и вместо удара на Вильно нанести удар по Барановичам, куда был в срочном порядке переброшен штаб 4-й армии. В связи с изменением направления и необходимостью доработать планы Эверт добился отсрочки наступления до 31 мая. Затем Эверт, ссылаясь на неготовность своих войск, попросил об очередном переносе сроков начала наступления на 4 июня, но 3 июня по его ходатайству Ставка выпустила директиву, перенесла срок наступления на Барановичском направлении *«на 18 дней с соблюдением полной скрытности подготовки»*, т. е. до 21 июня.

Наступать должна была 4-я армия, в которой было сосредоточено 19,5 пехотных и 2 кавалерийские (2-я Туркестанская и Уральская казачьи) дивизии общей численностью в 325 тысяч человек, при 1324 пулеметах, 742 легких и 258 тяжелых орудиях [10, с. 554–555]. *«Главный удар русских наносился 9-м (командир – А.М. Драгомиров) и 25-м (Ю.Н. Данилов) армейскими*

корпусами на участке фольварк Дробыши – Заосье. Прочие войска – Гренадерский (Д.П. Парский), 10-й (А.И. Березовский) и 35-й (П.А. Парчевский) армейские, а также 3-й Сибирский (В.О. Трофимов) и 3-й Кавказский (В.А. Ирманов) армейские корпуса – наступали для обеспечения главного удара» [26, с. 274].

20–27 июня 4-я армия провела наступление на Барановичи и имела лишь небольшой локальный тактический успех. При этом потери русской армии составили 30 тыс. убитых, 47 тыс. раненых, 2 тыс. пленных, немцев – 8 тыс. убитых, 13 тыс. раненых, 4 тыс. пленных [24, с. 106]. Опа-

Рис. 27. Ю.Н. Данилов

сения и предсказания Эверта относительно наступления на его участке фронта полностью оправдались: войска Западного фронта были не готовы к масштабному прорыву германской обороны. Слушать Эверта не захотели, а А.А. Брусилов продолжал говорить о «преступных действиях» главнокомандующего армиями Западного фронта. 26 июня решением Ставки главный удар был передан Юго-Западному фронту, а Эверт получил задачу «удерживать» противника. В подобных операциях генерал был крупным специалистом, в связи с чем на завершающей стадии операции он, при минимальных потерях, сковал действия противника, не дав ему возможности снять с фронта силы для подкрепления на юге.

30 июля в состав фронта были переданы 3-я и Особая армии, действовавшие на Ковельском направлении. 3 августа Эверт издал директиву, назначив их наступление на 15 августа, однако позже перенес наступление на 23, а затем на 24 августа. 22 августа Эверт провел артподготовку, однако из-за нехватки тяжелой артиллерии ее результатами остался не доволен. Не желая бросать солдат на немецкие пулеметы, он отменил операцию, считая, что из-за осенней распутицы шансов на успех наступление не имеет. 27 августа Эверт провел лишь локальное беспокоящее наступление на Червищенском плацдарме. В сентябре Особая армия вернулась в состав Юго-Западного фронта, положение на Западном фронте стабилизировалось.

Крупный военный теоретик А.А. Свечин впоследствии так оценивал действия Эверта: «Надо сказать, что хотя Западный фронт и должен был нанести главный удар, но у главнокомандующего ген. Эверта в то время было такое же психологическое настроение, какое было впоследствии на Юго-Западном фронте, когда от него требовалась поддержка Румынского фронта. Под влиянием предыдущих неудач на своем фронте, учитывая опыт операций германцев на Французском фронте, Эверт не верил в успех. Поэтому он всячески отказывался от наступления и, придумывая для этого различные предлоги, с величайшей готовностью слал Юго-Западному фронту и резервы, и снаряды. Между тем этот фронт, в свою очередь, отказывался от всего, лишь бы было наступление на Западном фронте. Поэтому, когда Эверт сам заговорил, что вместо Виленского направления, в связи с успехами Юго-Западного фронта, было бы целесообразно развить наступление против Барановичей, то Ставка быстро согласилась и перевела центр наступления Юго-Западного фронта на Ковель» [19, с. 13–14].

У отечественной и зарубежной историографии традиционно на первый план выносятся «выдающийся полководец» А.А. Брусилов, а Эверта за действия летом 1916 г. обвиняют если не в предательстве, то в саботаже. При том, что наступление Юго-Западного фронта хотя и привело к

тяжелейшему поражению австро-венгерских войск, но из-за отсутствия сил и технических средств, необходимых для его развития, оно не привело к выводу Австро-Венгрии из войны. После этого первоначального успеха армии Юго-Западного фронта – в т. ч. знаменитая «брусиловская» 8-я армия – истекли кровью в затяжных позиционных боях под Ковелем, где Брусилов растратил все преимущества, которые завоевали его солдаты в июне – июле 1916 г. Когда подобные оценки дают иностранные авторы, – это понятно: англичанам и французам не пристало считать русских солдат, чем больше их погибнет, атакуя немецкие окопы, – тем лучше, тем больше сил будет оттянуто с Французского фронта, и поэтому их герой – генерал Брусилов. Но и отечественные исследователи также продолжают нападать на Эверта за его «пассивность». Им же стоит прислушаться к мнению талантливого военачальника и высокообразованного офицера Генштаба будущего генерал-лейтенанта А.Е. Снесарева. Став свидетелем того, как 12-я пехотная дивизия, штаб которой он в то время возглавлял, истекла кровью в «брусиловских» боях, он с горечью записал в дневнике 7 октября 1916 г.: *«Не надо нам гениальных, которые решают дивные задачи, а дайте нам средних, но храбрых, честных в труде и исполнительных. Дивизия, в которой будут такие, непобедима; она не будет, может быть, иметь ярких побед, но она обеспечена от поражений и осечки не даст»* [36, с. 52]. Хотя имя здесь не названо, но каждое слово Снесарева можно смело отнести к генералу Эверту.

Отречение и отставка

К 15 декабря 1916 г. Западный фронт Эверта насчитывал 788 батальонов (против 543 у противника), 288 эскадронов (против 104), 1928 легких орудий (против 1774), 261 гаубицу (против 504) и 348 тяжелых орудий (против 614) [12, с. 17]. Поскольку Эверт не понес больших потерь в устроенной А.А. Брусиловым мясорубке, он мог продолжать накапливать силы и военные материалы, готовясь к кампании 1917 г. Планы действий обсуждало совещание в Ставке 17–18 декабря 1916 г. Свои сообра-

жения Эверт изложил еще в письме исполняющему обязанности начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерала от кавалерии В.И. Гурко от 11 декабря 1916 г., а позже отстаивал их на совещании. Вот как позицию Эверта изложил А.М. Зайончковский (в сокращении):

«Эверт находил, что наступление к югу от Припяти может иметь лишь второстепенное значение для всего русского фронта и, наоборот, наступая севернее Полесья, мы будем с каждым шагом вперед отвоевывать нашу родную землю, а в случае крупного успеха создается возможность занять Польшу и угрожать Восточной Пруссии. Он считал, что неприятель против Юго-Западного фронта в течение зимы зароеется в землю, что сделает и в Румынии, занявши Бухарест, после чего обратится против армии Сарайля. Покончив с ней, перекинёт все немецкие войска против наших фронтов к северу от Полесья или против французев».

На основании этих соображений Эверт полагал, что в 1917 г. наше наступление может быть произведено в районе Западного или Северного фронтов и к этим районам необходимо сосредоточить значительные силы, потребные не только для прорыва фронта, но и для немедленного широкого использования такого успеха.

Западный фронт представлял для этого два выгодных направления – Виленское и Слонимское. Первое угрожало тылу всего немецкого расположения в северо-западном крае, давало нам возможность выдвинуться на линию Неман – Брест и приближало нас к государственной границе Германии. Слонимское направление представляло более трудные топографические условия и, кроме того, при развитии удара на Белосток – Гродна наши наступающие войска подвергались ударам с запада, для обеспечения от которых потребовалась бы особая затрата сил. Кроме того, крупные силы, собранные на этом направлении для главного удара, рисковали быть откинуты в болота Полесья в случае контрудара противника со стороны Вильна на Минск. Эверт полагал более выгодным в стратегическом отношении избрать для главного удара направление на Вильна [...]

В отношении потребных для удара и развития его сил Эверт приводил следующие данные.

На Виленском направлении при нанесении главного удара на фронте Кунава–Лостоянце (26 в.) требовалось 23 дивизии и, кроме того, для вспомогательных ударов в районе Мартышки – р. Вилия – 4 див.; в районе Вишнева с прилегающими пассивными участками – 5 дивизий и в районе Бакишты также с прилегающими пассивными участками до Немана – 2 див. Сверх этого на пассивном участке от оз. Нароч до Мартышки требовалось 2 див. и для развития ударов 8–10 див., а всего 44–46 дивизий. При таком расчете необходимо было подвести, кроме сосредоточенных за Западным фронтом резервов Верховного Главнокомандующего, с других фронтов еще 23–25 дивизий. Удар на Слонимском направлении вызывал позаимствование с других фронтов в размере 20 дивизий.

Тяжелой артиллерии требовалось 682 орудия, а снарядов для них 814 364 шт. Авиационных средств на каждый корпус по одному воздухоплавательному и авиационному отряду, на каждую армию по одному такому же дивизиону и в распоряжение фронта 5 воздухоплавательных отрядов, бомбометную и истребительную авиационные группы.

В отношении времени операции Эверт находил, что к февралю мы не можем даже сосредоточить потребных сил и находил, что лучшее время года это половина апреля или май» [12, с. 20–22].

На совещании Эверт, при активной поддержке Н.В. Рузского, решительно выступил против плана кампании 1917 г., разработанного В.И. Гурко и А.С. Лукомским. Он считал чрезвычайно рискованным нанесение главного удара на Румынском фронте. Он покинул совещание, оговорив, что выскажет позже собственное мнение, что и сделал в записке от 21 декабря 1916 г. В ней он указал, «что для общего дела союзников необходимы совокупные решительные наступательные действия, но все равно, где именно эти удары будут наноситься, лишь бы они были решительны и наносились нашему главному врагу. Поэтому выбор направления для нанесения ударов

должен согласоваться с действительными выгодами каждого из союзников. Наша главная задача состояла в том, чтобы нанести поражения не Болгарии, а немцам и выгнать их из русской земли... Свою записку Эверт кончил уже нам известным его мнением наносить удар к северу от Полесья на одном направлении, но внушительными силами и средствами» [12, с. 29].

Планы, как известно, не было осуществлены из-за трагических событий февраля 1917-го, закончившихся свержением Императора Николая II и захватом власти «общественными силами». Участие самого Эверта в этих событиях было незначительным: он всегда был убежденным монархистом и верным «службой царю». В связи с этим политики, организовавшие февральский заговор и привлечшие к нему (прямо или косвенно) ряд высокопоставленных генералов, не стали даже предпринимать попытки прощупать позицию Эверта. Он сам, впрочем, не оказался на высоте положения. Присланное ему 2 марта 1917 г. из Ставки предложение генерала М.В. Алексеева обратиться к Императору Николаю II с «верноподданнейшей просьбой» об отречении, застало Эверта врасплох. Крупный военный специалист и опытный генштабист Алексей Ермолаевич был политически наивным человеком, а рядом с ним не оказалось нужного человека, который мог бы поддержать его. Скорее даже вышло наоборот. Начальником штаба Эверта был на тот момент М.Ф. Квещинский – успешно сделавший карьеру при «новой власти» и в ноябре 1917-го буквально сдавший своих офицеров большевикам, а пост генерал-квартирмейстера занимал П.П. Лебедев, также оказавшийся сторонником «демократизации армии».

Поначалу Эверт попытался уклониться и потянуть время. Генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант А.С. Лукомский вспоминал: «Через несколько времени меня вызвал к прямому проводу главнокомандующий Западного фронта генерал Эверт и сказал, что он свое заключение даст лишь после того, как выскажутся генералы Рузский и Брусилов» [18, с. 47]. Узнав их ответы, Эверт отправил соответствующую теле-

грамму в Ставку. Ее текст был включен М.В. Алексеевым в его телеграмму Государю («Всеподданнейше представляю ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ полученные мною на имя ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА телеграммы...» [7, л. 1]). Содержание телеграммы Эверта здесь было передано следующим образом:

«ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО. Начальник Штаба ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА передал мне обстановку, создавшуюся в Петрограде, Царском Селе, Балтийском море и Москве, и результат переговоров Генерал-Адъютанта Рузского с Председателем Государственной Думы. ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО. На армию, в настоящем ее составе, рассчитывать при подавлении внутренних беспорядков нельзя. Ее можно удержать лишь именем спасения России от несомненного порабощения злейшим врагом родины при невозможности вести дальнейшую борьбу. Я принимаю все меры к тому, чтобы сведения о настоящем положении дел в столицах не проникали в армию, дабы обереечь ее от несомненных волнений. Средств прекратить революцию в столицах нет никаких. Необходимо немедленное решение, которое могло бы привести к прекращению беспорядков и к сохранению армии для борьбы против врага. При создавшейся обстановке, не находя иного выхода, безгранично преданный ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ верноподданный умоляет ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО, во имя спасения родины и династии, принять решение, согласованное с заявлением Председателя Государственной Думы, выраженном им Генерал-Адъютанту Рузскому, как единственно, видимо, способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии. Генерал-адъютант Эверт» [7, л. 1 об].

К чести Эверта позже он, по воспоминаниям князя В.А. Друцкого-Соколинского, тяжело переживал свой поступок и повторял: «Я, как и другие главнокомандующие, предал Царя, и за это злодеяние все мы должны заплатить своей жизнью» [25, с. 50].

Для человека, не связанного с захватившими власть февралистами, а также для

монархиста по убеждениям, места в «новой» армии для Эверта не было. Уже 11 марта 1917 г. Эверт был снят с поста, а 22 марта уволен от службы с мундиром и пенсией. Некоторое время Эверт жил в Саратове, где его встретил уже упоминавшийся действительный статский советник князь В.А. Друцкой-Соколинский, последний Минский губернатор. Он вспоминал: «А.Е. Эверт, человек изумительно цельный и определенный, не скрывая и не прячась, открыто обвинял себя в предательстве Государя... Он полагал, что главным вопросом момента было обеспечение возможности продолжить войну, и думал, что эта возможность сохраниться при удовлетворении требований взбунтовавшегося Петроградского гарнизона и возглавившей этот бунт Государственной Думы о смене личности царствующего Монарха» [8, с. 58].

О дальнейшей судьбе Эверта существуют разрозненные сведения и, как минимум, три версии – все не имеющие стопроцентного подтверждения. Можно лишь сказать, что он 28 марта 1918 г. был арестован ЧК, что послужило источником слухов о его расстреле в 1918 г. в Можайске (о чем упоминает В.А. Друцкой-Соколинский). По другой версии, в конце 1917 г. был убит в Смоленске солдатами в результате самосуда (об этом упоминает вскользь в своей книге С.В. Волков [5]), по третьей – арестован и убит конвоирами. Однако более правдоподобной кажется версия о том, что он был спасен благодаря покровительству П.П. Лебедева, который в 1918 г. по личному приглашению В.И. Ленина вступил в РККА и занимал высокие посты, возглавляя в т. ч. Мобилизационное управление Всеорганштаба и Полевой штаб РВСР¹⁴. Оставшийся не у дел генерал уехал на свою «малую родину», в Верею, где тихо прожил до самой своей смерти 10 мая 1926 г. Вроде бы добывал он себе средства на существование разведением пчел. Однако мои попытки разыскать в самой Верее какие-либо упоминания о последнем периоде жизни Эверта мне не удалось. В опубликованной в 2014 г. книге В.А. Рунова [31] появилась еще одна версия гибели Эверта – дата 10 мая 1926 г. и место (Верея) сохранены, но

он, якобы, покончил жизнь самоубийством. Причем описание событий дается чрезвычайно подробно и литературно. Однако указывать источник, откуда взята эта, ранее не доступная информация, автор не стал, в

связи с чем приходится и об этом финале жизни генерала говорить как еще об одной недоказанной версии.

Статья поступила 05. 12. 2014 г.

¹⁴ Впервые эту версию озвучил мне в конце 1980-х гг. в личной беседе крупнейший отечественный исследователь корпуса офицеров Генштаба А.Г. Кавтарадзе.

Библиографический список

1. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне: 1914. Начало. М., 2014.
2. Большая советская энциклопедия. Т. 29. М. : Советская энциклопедия, 1978.
3. Брусилов А.А. Воспоминания. М. : Воениздат, 1963.
4. Варшавско-Ивангородская операция: [Сборник документов Мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.)]. М. : Госвоениздат, 1938.
5. Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1993.
6. Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте: Галицийская битва: 1-й период до 1 сентября нового стиля. Париж, [1930].
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 2102.
8. Друцкой-Соколинский В.А. На службе отечеству. Записки русского губернатора (1914–1918 гг.). Орел : РКФ «3 июля» : Невероятный мир, 1994.
9. Евсеев Н.Ф. Свенцянский прорыв (1915 г.): военные действия на Восточном фронте мировой войны в сентябре – октябре 1915 г. М. : Госвоениздат, 1936.
10. Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2002.
11. Зайончковский А.М. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 6. М. : Высший военный редакционный совет, 1923.
12. Зайончковский А.М. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 7. М. : Высший военный редакционный совет, 1923.
13. Залесский К.А. Высший командный состав русской армии накануне Первой мировой войны // Накануне Великой войны: Россия и мир. Сборник докладов и статей. М. : РИСИ, 2014.
14. Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М. : Воениздат, 1986.
15. История первой мировой войны 1914–1918 гг. М. : Наука, 1975.
16. Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904–1905. Итоги войны. СПб. : Полигон, 2002.
17. Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М. : ГВИЗ, 1935.
18. Лукомский А.С. Из воспоминаний // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М. : Книга, 1991.
19. Луцкий прорыв. Труды и материалы к операции юго-западного фронта в мае – июне 1916 года. М. : Высший воен. редсовет, 1924.
20. Наступление Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 г. Сб. документов. М. : Воениздат, 1940.
21. Новиков П.А. Восточно-Сибирские воинские соединения в войнах 1-й четверти XX в. : дис. ...д-ра. ист. наук. Иркутск, 2009.
22. Новиков П.А. Восточно-Сибирские стрелки в Первой мировой войне: 2-й, 3-й и 7-й Сибирские армейские корпуса в 1914–1918 гг. Иркутск, 2008.
23. Новиков П.А. Военные округа Азиатской России в 1906–1914 гг.: проекты и реальность развития, их роль в мировой войне // Накануне Великой войны: Россия и мир. Сборник докладов и статей. М. : РИСИ, 2014.
24. Оберюхтин В.И. Барановичи. 1916 г. Военно-исторический очерк. М., 1935.
25. Оськин М.В. Алексей Ермолаевич Эверт // Вопросы истории. 2014. № 5.
26. Оськин М.В. Сражение под Барановичами. Июнь 1916 г. // Гісторыя Магілёва.

Мінулае і сучаснасць. Зборнік навуковых прац удзельнікаў VIII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі 26–27 чэрвеня 2013 г. Магілёў, 2013.

27. Подорожный Н.Е. Нарочская операция в марте 1916 г. на русском фронте мировой войны. М. : Госвоениздат, 1938.

28. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 2. М. : Канон-пресс; Кучково поле, 1999.

29. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 277. Л. 25. Письмо А.Е. Эверта – М.В. Алексею от 10 ноября 1916 г.

30. РГВИА. Ф. 2280. Оп. 1. Д. 336. Л. 1.

31. Рунов В.А. Полководцы Первой Мировой. Русская армия в лицах. М. : Эксмо, 2014.

32. Русский провинциальный некрополь / Сост. В.В. Шереметевский. Т. 1. М. : Типо-литография Товарищества Кушнерев и Ко, 1914.

33. Свечин М.А. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964.

34. Строков А. А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М. : Воениздат, 1974.

35. Фельдмаршал Кутузов : сборник документов и материалов. М. : Госполитиздат, 1947.

36. Фронтовые дневники генерала А.Е. Снесарева // Военно-исторический журнал. 2003. № 11.

37. Шварц А.В. Оборона Ивангорода в 1914–1915 гг. : из воспоминаний коменданта крепости Ивангорода А.В. Шварца. М., 1922.

Сведения об авторе

Залесский Константин Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора анализа и оценок, Российский институт стратегических исследований, 125413, Россия, Москва, Флотская улица, 15 Б, тел.: +74954549011; +79099970948, e-mail: ka_zet@mail.ru
Zalessky Konstantin Aleksandrovich, PhD, scientific stuff of the Department of analysis and estimations, Russian Institute of Strategic Researches, 125413, Russia, Moscow, Flotskaya ul., 15B, tel.: +74954549011; +79099970948, e-mail: ka_zet@mail.ru

УДК 94 (100) «1916»

ПОЗИЦИОННАЯ ВОЙНА НА СЕВЕРЕ – 3-я И 5-я СИБИРСКИЕ СТРЕЛКОВЫЕ ДИВИЗИИ В НАСТУПЛЕНИИ СЕВЕРНОГО ФРОНТА 8–9 ИЮЛЯ 1916 г.

© А.В. Олейников

Статья посвящена одному из эпизодов летней кампании 1916 г. на Русском фронте Первой мировой войны – наступлению 3-й и 5-й Сибирских стрелковых дивизий 8–9 июля. Выявлены некоторые тактические особенности позиционной войны на северном участке русско-германского фронта. Показаны мужество и героизм, проявленные сибирскими стрелками в июльском наступлении.

Ключевые слова: Северный фронт, кампания 1916 г., 3-я Сибирская стрелковая дивизия, 5-я Сибирская стрелковая дивизия.

POSITIONAL WAR ON THE NORTH – 3RD AND 5TH SIBERIAN RIFLE DIVISIONS IN THE OFFENSIVE OF THE NORTHERN FRONT IN JULY, 8-9, 1916

© A.V. Oleinikov

This article is devoted to one episode of the summer campaign in 1916 on Russian Front of the World War I – an offensive of the 3rd Siberian and 5th Siberian rifle divisions in July, 8-9. Author outlines some tactical specifics of the positional war on Northern part of Russian-German Front. There are described some examples of courage and heroism of the Siberian soldiers in July offensive.

Key words: Northern Front, campaign of 1916, 3rd Siberian rifle division, 5th Siberian rifle division.

В кампании 1916 г. Северному фронту отводилась вспомогательная роль. Начав наступление с северо-востока в направлении на Вильно, он должен был содействовать Западному фронту. Уже тогда главнокомандующий армиями Северного фронта генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин заявил, что при наличии сильно укрепленных немецких позиций надеяться на прорыв фронта противника трудно и что его войска понесут крупные потери, особенно при недостатке снарядов для тяжелой артиллерии.

Тем не менее Северному фронту предписывалось нанести удар, который вынудил бы немцев оставить линию р. Западная Двина. Решение этой задачи было возложено на 12-ю армию, которой командовал сторонник активных наступательных действий генерал от инфантерии Р.Д. Радко-Дмитриев. Армия должна была наносить

главный удар в летней операции Северного фронта. Задача армии – прорвать позиции противника, нанося удар со стороны левого фланга Рижского плацдарма, и овладеть линией Экау-Нейгут, выйдя на железную дорогу Митава – Якобштадт.

К началу летней кампании армия занимала следующие позиции: 43-й армейский и 6-й Сибирский армейский корпуса находились на левом берегу р. Западная Двина (от оз. Кангер до Берземюнде); 37-й армейский корпус стоял на правом берегу Западной Двины (до Ринемундсгофа); 7-й Сибирский армейский корпус был в резерве в г. Рига, а Уссурийская конная дивизия была сосредоточена к югу от г. Венден. Главная группировка войск армии была нацелена на тукумское направление.

12-я армия имела в своем составе 183 батальона и 60 эскадронов и сотен против 50–62 батальонов и 39 эскадронов Герман-

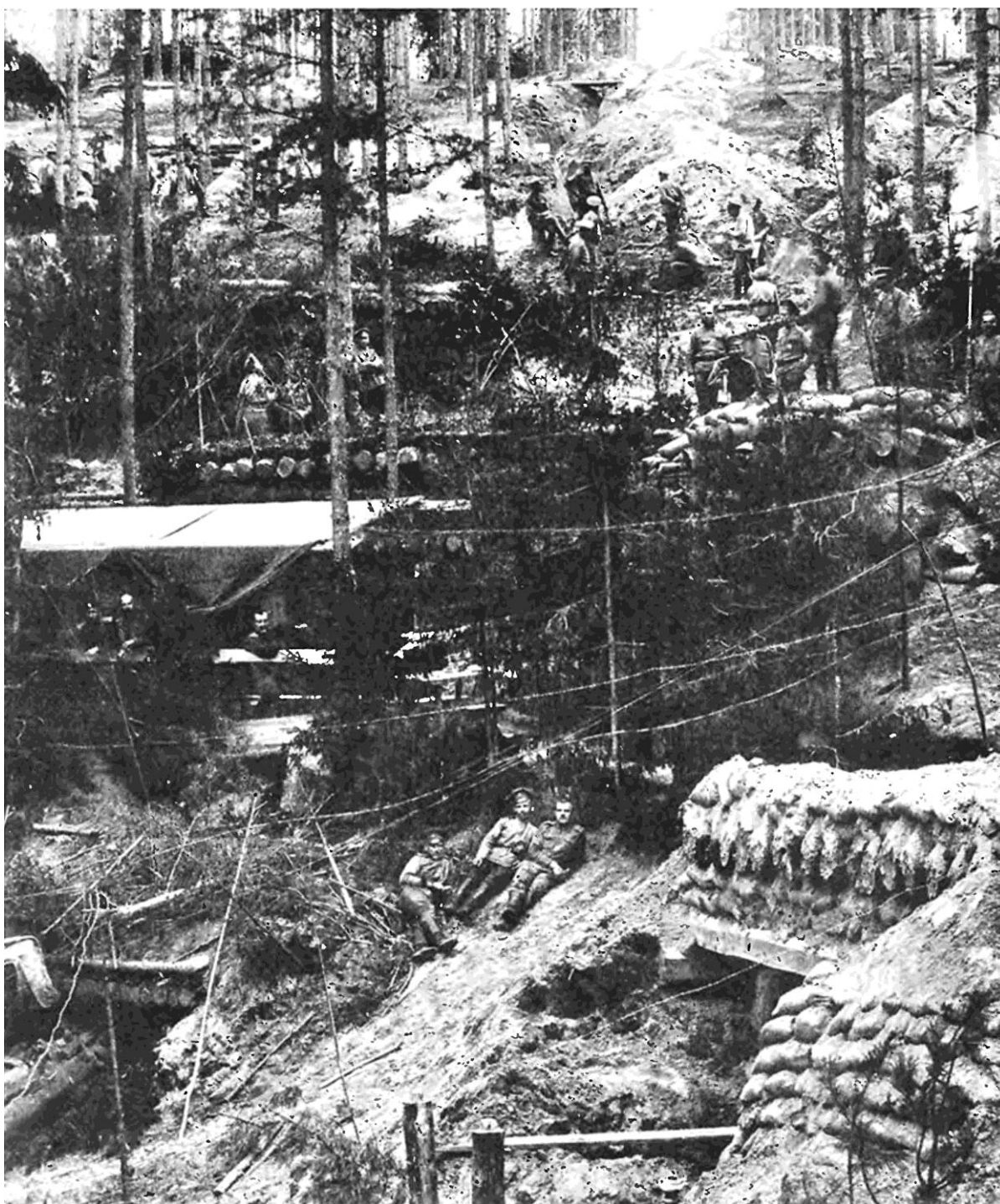

Рис. 1. Штаб полка на двинском фронте. Фото позволяет сделать вывод о том, на какой тяжелой местности приходилось действовать русским войскам в Прибалтике летом 1916
Фото: Летопись войны 1914–15–16 гг.

цев (войска 8-й армии и армейской группы генерала артиллерии Ф. фон Шольца), причем на Рижском плацдарме русские 149 батальонов и 12 эскадронов противостояли германским 38–50 батальонам и 38 эскадронам [2, с. 9]. Вместе с тем необходимо отметить, что любая серьезная операция войск Северного фронта была связана с прорывом глубокоэшелонированной обо-

роны противника – в этом случае классическое соотношение 3 к 1 в пользу наступающего вроде бы давало надежду на успех, если бы не нехватка орудий и (особенно) боеприпасов тяжелой артиллерии.

На острие наступления 12-й армии Северного фронта на Бауск двигалась 3-я Сибирская стрелковая дивизия 6-го Сибирского армейского корпуса (ключевое значение

придавалось действиям 1-й бригады под командованием генерал-майора В.В. Ивашкевича) при поддержке 1-й бригады 5-й Сибирской стрелковой дивизии (командир – генерал-майор Г.Г. Хильченко) 2-го Сибирского армейского корпуса и 6-го и 7-го латышских стрелковых батальонов.

Наступление началось 3-го июля после трехчасовой артиллерийской подготовки, не давшей положительных результатов. Завязались тяжелые позиционные бои в тактической полосе обороны германских войск. Лишь к 7-му июля ударная группа вышла на рубеж р. Кеккау – высота 218.

Именно на втором этапе наступления, 8–9 июля, и довелось особо отличиться сибирским стрелкам 3-й и 5-й дивизий.

Обстановка для сибиряков осложнялась наличием двух обстоятельств: 1) тем что германцы в ходе предшествующих боев определили направление главного удара 12-й армии; 2) крайне тяжелыми позиционными особенностями лесистой местности, в которой пришлось действовать сибирякам.

В период позиционных боев особое значение имела методика прорыва и схема организации артиллерийского огня наступающего. Артиллерийская подготовка 8-го июля в полосе наступления ударной группы включала в себя: а) методический огонь легкой и тяжелой артиллерии (4 часа – с 12-ти до 16-ти часов) для того, чтобы сделать проходы в проволочных заграждениях противника, разрушить его окопы, блиндажи и блокгаузы; б) беспокоящий огонь по окопам и блокгаузам противника (1 час – с 16-ти до 17-ти часов; под его прикрытием действовали разведчики и подрывники, минировавшие проволочные заграждения немцев); в) заградительный огонь (после 17-ти часов; под его прикрытием атаковала пехота). Наступление стрелков было эшелонировано в форме волн цепей. Атаковавший полк имел 2 батальона в 1-й линии, и 2 – во второй. Особое внимание уделялось закреплению захваченных позиций германцев.

Ситуация осложнялась действиями противника, имевшего значительный опыт окопной войны. Так, по ночам, в период пауз в наступлении, немцы сооружали новые окопы и блокгаузы.

8-го июля русская артиллерия пробила 7 проходов в проволочных заграждениях, но блокгаузы и окопы германцев сильно не пострадали. Кое-где пришлось доразрушать проволочные заграждения. Саперы-подрывники понесли тяжелые потери от огня противника: из трех групп только одной удалось дойти до проволочных заграждений противника и взорвать 2 удлинённых заряда [4, л. 20].

Начавшие наступление в 17 часов сибирские стрелки были встречены винтовочно-пулеметным огнем противника – двигаться пришлось по местности, заваленной выкорчеванными артиллерийским огнем деревьями. Боевые порядки атакующих разрушались. На отдельных участках бойцам пришлось наступать по болотистой местности по колено и по грудь в воде – многие раненые тонули.

Ситуацию усугублял перекрестный и фланговый огонь противника, особенно губительный у высоты 218. Стесняли действия бойцов 9-го Сибирского стрелкового полка блиндажи, замаскированные у болота. Роты 17-го Сибирского стрелкового полка поражались фланговым огнем с высот 211–212 и, понеся серьезные потери, залегли у германских проволочных заграждений.

Роты 9-го Сибирского стрелкового полка ворвались в рощу западнее так называемого овального болота и медленно продвигались по болоту, также неся потери от флангового огня – с высоты 218. Части 17-го Сибирского стрелкового полка были усилены двумя батальонами 18-го Сибирского стрелкового полка, а части 9-го Сибирского стрелкового полка – двумя батальонами 11-го Сибирского стрелкового полка.

Роты 10-го Сибирского стрелкового полка во главе с его командиром полковником Ивановым-Мумжиевым¹ при проходе проволочных заграждений были встречены беспощадным пулеметным огнем, а затем контратакой противника. Бой принял чрезвычайно ожесточенный характер: был кон-

¹ Петр Михайлович Иванов-Мумжиев, командир 10-го Сибирского стрелкового полка, за этот бой был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (Высочайший приказ от 11.04.1917).

Рис. 2. Герои войны: Б. В. Оводов, подполковник 18-го Сибирского стрелкового полка 5-й Сибирской стрелковой дивизии

Рис. 3. Федотов, подпрапорщик 10-го Сибирского стрелкового полка 3-й Сибирской стрелковой дивизии

Рис. 4. Стяжескин, подпрапорщик 11-го Сибирского стрелкового Е. В. Государыни Императрицы Марии Федоровны полка 3-й Сибирской стрелковой дивизии

Рис. 5. Трифонов, подпрапорщик пулеметной команды 20-го Сибирского стрелкового полка 5-й Сибирской стрелковой дивизии

Фото из: Лазарев С. А. Герои Великой войны. Спб., 2007

тужен командир полка (но остался в строю), ранены командиры обоих головных батальонов. На поддержку 10-му Сибирскому стрелковому полку выдвинулись два батальона 12-го Сибирского стрелкового полка [4, л. 21].

К 20-ти часам части 10-го полка, понеся тяжелые потери (в т. ч. выбыли из строя все офицеры), отошли. Несмотря на ранение обоих комбатов 12-го Сибирского стрелкового полка его бойцы удержались на занятой линии. Подошли и приведенные в порядок части 10-го полка во главе с контуженным Ивановым-Мумжиевым.

На других боевых участках русские части окапывались у проволочных заграждений противника – части 5-й Сибирской стрелковой дивизии залегли лишь в 150-ти шагах от проволоки.

Но три батальона 9-го Сибирского стрелкового полка, находившиеся в лесу северо-западнее овального болота, не имели возможности окопаться на болотистой почве – они сильно страдали от флангового пулеметного огня справа – с высоты 218.

К 22 часам 30 мин. выяснилось, что русские части не смогли овладеть укрепленными позициями противника [4, л. 21 об.]. Несмотря на тщательную разведку, выявлялись все новые огневые точки противника – многие из них не пострадали от огня русской артиллерии. Прочные убежища германцев выдерживали попадания даже тяжелых снарядов. Более того, полевые укрепления сооружались немцами и в ходе боя.

В итоге, наступление было приостановлено, бойцы стали окапываться, артиллерия вела по противнику тревожащий огонь.

9-го июля, для дальнейшей атаки германских позиций на фронте, болото Большие Смердуки – р. Кеккау, было решено образовать две самостоятельных ударных группы: правая (5-я Сибирская стрелковая дивизия) – от болота Большие Смердуки до Катеринингофа и левая (3-я Сибирская стрелковая дивизия, 6-й и 7-й латышские стрелковые батальоны) – от болота до р. Кеккау.

С 5-ти часов началась артиллерийская подготовка, а в 7 часов огонь был перене-

сен на тылы противника. Так как разведка выявила недостаточную эффективность артиллерийского огня, обстрел был возобновлен.

В 16 часов 30 мин. был получен приказ командира корпуса: закрепиться на занимаемых позициях. Прорыв перепоручался частям 4-й Сибирской стрелковой дивизии 2-го Сибирского армейского корпуса – 10-го июля она должна была атаковать вдоль Баусского шоссе. Частям 6-го Сибирского армейского корпуса надлежало активными действиями сковать противника.

Но в 24 часа была получена новая телеграмма командира корпуса – наступление отменяется, части 6-го и 7-го Сибирских армейских корпусов должны были закрепить занятое пространство [4, л. 23 об.].

10-го июля Р.Д. Радко-Дмитриев отказался от удара на Баусском направлении и предложил командованию фронта перенести тяжесть операции на туккумское направление.

На результативность этих боев огромное значение оказали тактические свойства лесистой заболоченной местности, основательно укрепленной противником еще с октября 1915 г. Тем не менее части 3-й сибирской стрелковой дивизии с приданными частями к концу операции овладели двумя линиями укрепленных позиций, ожесточенно обороняемых активным и чрезвычайно упорным противником. В ходе этих боев трофеями стали 4 пулемета, много оружия и снаряжения. Судя по количеству трупов в окопах, германцам были нанесены большие потери. Были захвачены в плен 2 офицера и 167 нижних чинов противника [4, л. 24].

Потери в ходе боев 3–9 июля: 3-я Сибирская стрелковая дивизия – 22 офицера убито и 91 ранен и контужен, 972 нижних чина убито, 5156 ранено и контужено; 1-я бригада 5-й Сибирской стрелковой дивизии – 7 офицеров убито и 12 ранено, 1543 нижних чина убито и ранено; 6-й латышский стрелковый батальон – 7 офицеров убито и 7 ранено и контужено, 175 нижних чинов убито и 672 ранено и контужено; 7-й латышский стрелковый батальон – ранено и контужено 11 офицеров, 25 нижних чинов убито, 251 ранен и контужен; 2-я и 3-я роты

7-го саперного батальона – 3 офицера убито и 4 ранено, 20 нижних чинов убиты, 103 ранены и контужены; артиллерия – 10 офицеров ранены, 15 нижних чинов убито и 66 ранено и контужено [4, л. 24–24 об.].

Таким образом, недельные бои обошлись ударной группе 12-й армии почти в 9,2 тыс. человек.

Вместе с тем, исходя из важности операционного направления и соотношения сил противника, операции в Прибалтике были особенно чувствительны для германцев. Кроме того, наступление 12-й армии сковало значительные силы противника и ограничило его возможности для войсковых перебросок на юг – для борьбы с наступлением русского Юго-Западного фронта. М. Гофман писал: «...под Ригой бои были тяжелые, – там русским удалось сильным ударом выиграть пространство ... командующий восточным фронтом пока мало чем мог помочь (австрийской 2-й армии – А. О.). Сильные русские атаки под Ригой были, правда, отбиты, но нельзя было предвидеть того, будут ли они продолжаться или нет ... Рига была самым чувствительным местом северного фронта. Если бы русским удалось здесь сделать прорыв, то весь фронт отошел бы назад. Поэтому мы не могли отдать 1-й ландверной дивизии, имевшейся у нас там в запасе» [1, с. 115].

Причем особое значение имели эти операции в период кризиса резервов авст-

ро-германского командования, когда все, что только было возможно отправлялось в Галицию. В этой ситуации даже локальный успех мог оказаться последней каплей, опрокинувшей чашу весов противника на Русском фронте. Так, Э. фон Людендорф писал: «...мы до крайности ослабили наш фронт, чтобы помочь расположенным южнее армиям. В резерве мы имели на весь растянутый фронт лишь отдельные батальоны. Я формировал батальоны из состава рекрутских депо, хотя мне было совершенно ясно, что если русские где-нибудь одержат настоящий успех, то они будут каплей в море» [3, с. 221].

Хотя сворачивание перспективной десантной операции лишило позиционные атаки частей 12-й армии всяких перспектив, и была упущена реальная возможность в ходе кампании 1916 г. добиться ощутимого тактического, а возможно, и оперативно-го результата на северном участке русско-австро-германского фронта, это не вина бойцов 3-й Сибирской и 5-й Сибирской стрелковых дивизий. Прорыв укрепленной позиции требовал от войск огромного нравственного и физического напряжения – и, прорвав тактическую оборону противника в невероятно тяжелых условиях прибалтийского ТВД, сибирские стрелки еще раз доказали, что являются боевой элитой русской императорской армии.

Статья поступила 30. 12. 2014 г.

Библиографический список

1. Гофман М. Война упущенных возможностей. М.-Л., 1925. С. 115.
2. Данилов Н.А. Смешанная операция в Рижском заливе в июне – августе 1916 г. Л., 1927. С. 9.
3. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М.–Минск, 2005.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2515. Оп. 1. Д. 147. Л. 20.

Сведения об авторе

Олейников Алексей Владимирович, доктор исторических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Астраханского государственного технического университета, 414025, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 16; профессор кафедры истории России Астраханского государственного университета, 414025, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева 20 а, тел.: 89608568518, e-mail: stratig00@mail.ru

Oleinikov Aleksei Vladimirovich, Doctor of Science, Associate Professor of the Department of civil-law subjects, Astrakhan' State Technical University, 414025, Russia, Astrakhan', ul. Tatischeva, 16; professor of the Department of history of Russia, Astrakhan' State University, 414025, Russia, Astrakhan', ul. Tatischeva 20 a, tel.: 89608568518, e-mail: stratig00@mail.ru

УДК 625.1

СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ЛИНИИ ИРКУТСК – СЛЮДЯНКА В 1941–1949 гг.

© А.С. Асеева, А.В. Хобта

В статье установлена хронология воплощения крупного инфраструктурного проекта, указаны подрядные и субподрядные организации, руководители и в динамике привлекаемая рабочая силы. Проанализированы многочисленные трудности при строительстве, определены их причины. Приведены размеры промежуточных и итоговых финансовых вложений.

Ключевые слова: строительство, проект, трасса, железнодорожные войска, сельская молодежь, трудгужповинность, тоннель.

BUILDING OF NEW RAILWAY LINE «IRKUTSK – SLUDYANKA» IN 1941–1949

© A.S. Aseeva, A.V. Hobta

In this article authors establish a chronology of translation into action of the great infrastructural project as well as note the retained building firms, their chiefs and workers. Some problems of building and financial investment are also discussed.

Key words : building, project, lay of line, railway military troops, country youth, labor duty, tunnel.

Строительство новой двухпутной железнодорожной линии началось в соответствии с приказом НКПС № С-29/ЦЗ от 22 марта 1941 г., причём к концу 1941 г. на строительстве были проведены только подготовительные работы, которые выполнялись слабо, так как трест «Востсибстройпуть» в течение 1941 г. не заключал договоры на строительство. При этом уже начался массовый приток рабочей силы, но строительство не было обеспечено ни инструментом, ни жильём, ни продуктами питания. Людей отправляли по домам. Поэтому в отчётном докладе партбюро ВКП(б) Управления треста прозвучало, что первоочередными мерами необходимо признать форсирование работ по строительству жилья, обеспечение рабочих продуктами питания, постельными принадлежностями, инструментом [15, л. 2–23].

Следует отметить, что в течение всего первого квартала 1941 г. стоял вопрос о консервации строительства. Однако вопрос был снят приказом НКПС № 151/Ц от 2 апреля 1941 г., по которому строительство

1 апреля 1941 г. перевели на хозяйственный способ с проведением инвентаризации работ и организовали Группу заказчика НКПС. Правда, как показали дальнейшие события, Группа заказчика не оправдала своего назначения, так как её функции сводились к формированию приёма выполненных работ и их оплате, без права контроля за ходом работ, что создавало бесконтрольность и возможность скрытия перерасходов строительным Управлением.

На заседании закрытого партийного собрания парторганизации «Востсибстройпуть» 15 июля 1941 г., обсуждая доклад начальника Группы заказчика по Строительству № 12 Дымкова, начальник экспедиции Власов [13, л. 5]¹ высказался негативно в отношении данной организации, говоря о том, что главными задачами Группы заказчика были: качество работ, наблю-

¹ Евгений Никитич Власов, 1901 г. р., русский, по социальному происхождению из рабочих, образование высшее – инженер-строитель, занимал должность начальника треста «Востсибстройпуть» НКПС.

дение за работами и финансы, но ни с одной из них она не справилась, в особенности в обеспечении строительства механизмами. Большинство руководителей Группы заказчика сидели в Москве и не оказывали никакой помощи [15, л. 48].

За 1941 г. на строительстве произведено затрат на капиталовложения в сметных ценах на сумму 18 389 руб., что составляло 37,8% к годовому плану и за первое полугодие 1942 г. в сметных ценах выражалось в сумме 9 379 114 руб., то есть выполнение программы составляло 33,5% к полугодовому плану [1, л. 20]. Эти данные свидетельствовали о том, что работы такими темпами, какими они проходили, затягивали строительство линии на несколько лет, что ни в коей мере не удовлетворяло политической ситуации на тот момент.

Основной причиной плохого строительства парторганизация треста «Востсибстройпуть» считала недооценку военной обстановки руководителями отделов, в виду чего приказы, спущенные сверху, практически не выполнялись [11, л. 60]. По словам начальника производственного отдела Строительства № 12 Путина, работать в 1941 г. могли лучше, но не было хорошей организации труда, не было производственных совещаний, очень много проходило реорганизаций, плохо обстояли дела с механизацией, не рационально использовалась рабочая сила, были проблемы с питанием рабочих и снабжением строительства материалами [13, л. 2].

Переломным пунктом в строительстве стало постановление Государственного Комитета Обороны № 1748/С от 13 мая 1942 г. о форсировании строительных работ на железнодорожной линии Иркутск – Слюдянка [19, л. 220–223]. Постановление предусматривало строительство линии Иркутск – Слюдянка в однопутном варианте по облегчённым техническим условиям, допустив применение на 96 км линии двойной паровой тяги с учётом в будущем строительства второго пути. НКПС должен был открыть сквозное однопутное движение по железнодорожной линии в первом квартале 1943 г.

В соответствии с постановлением был подписан приказ НКПС № С-353/Ц от 19

мая 1942 г., в котором были определены основные технические параметры строительства линии [9, л. 6]. Для выполнения объёма работ приказ предусматривал переброску механизмов, рабочей силы и материалов и возлагал строительство тоннелей со скальными выемками межтоннельного участка на «Метрострой» с окончанием работ по тоннелям в 1943 г. и присвоением строительству тоннелей наименования «12/Т».

Основным материалом для составления проекта однопутной линии служил технический проект на сооружение двухпутной линии, разработанный Московским отделением «Союзтранспроект» НКПС, причём в процессе составления проекта в течение 1942 г. были проведены необходимые дополнительные полевые исследования по перетрассировке отдельных участков и сбору необходимых дополнительных материалов.

Строительство линии разрешено было вести без утверждённого проекта, финансирование же – производить по утверждённой смете на сооружение двухпутной линии. Приказ № С-353/Ц предусматривал выделение на строительство железнодорожной линии Иркутск – Слюдянка в 1942 г. 95 млн руб [1, л. 21].

Для форсирования работ в мае 1942 г. на строительство № 12 направлялись: 7-я железнодорожная бригада в полном составе, три батальона 8-й железнодорожной бригады и пять путевых колонн общей численностью 2 400 человек [9, л. 7]. Но в июне 1942 г. три батальона 8-й железнодорожной бригады были сняты со строительства и направлены на запад, в октябре 1942 г. пять путевых колонн отправили на другое строительство, а 7 января 1943 г. в полном составе убыла на запад 7-я железнодорожная бригада.

7 июля 1942 г. был издан приказ НКПС С-601/Ц о переводе с первого июля 1942 г. строительства железнодорожной линии № 12 с хозяйственного на подрядный способ работ и передаче Группы заказчика в подчинение начальнику Восточно-Сибирской железной дороги. Считалось, что перевод строительства на подрядный

способ даст снижение себестоимости строительных работ.

Выполнение приказа № С-353/Ц с первых дней начало срывать. Плохая организация труда, недостаток инструментов, позднее поступление рабочих по так называемой трудгужповинности из Иркутской области и Бурят-Монгольской АССР, задержка в своевременной переброске экскаваторов и других механизмов, а также несвоевременное получение горючего нарушило выполнение директивного графика, составленного в ключе приказа № С-353/Ц, и сорвало сроки выполнения работ. Со стороны руководства строительства не было надлежащей перестройки в работе. Решение ГКО и приказ наркома путей сообщения о форсировании строительства застали руководителей строительства врасплох, а со стороны Центрального управления железнодорожного строительства (Цужелдорстроя) НКПС была проявлена беспечность в отношении этой важнейшей стройки – отсутствовала требовательность и необходимая помощь.

На одном из закрытых заседаниях партийного собрания 1-го участка Строительства № 12 было зачитано выступление председателя ГКО товарища Сталина от 3 июля 1941 г. Собрание отметило, что парторганизация строительства до сих пор не добилась такого положения, чтобы каждый рабочий и командир стройки поняли всю глубину опасности, которая нависла над страной, в результате чего на строительстве имело место благодушие, беспечность, настроение мирного времени и непонимание того, что война коренным образом изменила положение в стране, что от каждого советского гражданина требовалось максимальное напряжение сил для помощи Красной Армии в разгроме вероломного врага. Для безусловного выполнения указания товарища Сталина о немедленной перестройке всей работы на военный лад и подчинении всех сил интересам фронта и задачам организации разгрома врага парторганизация должна была провести ряд мероприятий, а именно: добиться того, чтобы каждый строитель мобилизовал себя и перестроил свою работу на военный лад, чтобы на строительстве не было ни од-

ного рабочего, не выполнявшего нормы, ни одного случая нарушения трудовой дисциплины. Начальники участков должны были разработать и внедрить посуточные графики для всех объектов и бригад с учётом дополнительных часов работы [12, л. 10].

План по освоению в 1942 г. 95 млн руб. в течение года неоднократно уменьшался и фактически было освоено 32 млн 154 тыс. руб. [2, л. 20]. О невыполнении приказа № С-353/Ц шла речь на закрытом собрании парторганизации треста «Востсибстройпуть» 10 августа 1942 г., где было сделано предупреждение не только Власову и заместителю начальника по политчасти Строительства № 12 Титову, но всему активу, всем коммунистам. Уже более трёх месяцев прошло со дня выхода приказа, но сдвигов в работе было немного. Коллектив треста не перестроился, «руководители потеряли чувство государственной ответственности за строительство линии № 12», что подвигало НКПС принимать решительные меры [13, л. 13–14].

Железнодорожная линия Иркутск-1 – Слюдянка-2 строилась двумя самостоятельными подрядными организациями: трестом «Востсибстройпуть» и Управлением строительства № 12/Т «Метростроя», которое осуществляло тоннельные и земляные работы на межтоннельном участке. Кроме этих организаций в качестве субподрядчиков работы выполняли: «Желдорвзрывпром», Группа заказчика и Стройторгпит.

Последняя организация плохо организовывало питание рабочих, но в 1943 г. руководству строительством удалось добиться получения военных пайков. Это дало возможность обеспечить рабочих нормальным питанием [14, л. 21].

Основным недостатком в организационной структуре строительства следует отметить отсутствие генерального подрядчика, отвечающего за всю стройку в целом. Расчленение работ между двумя независимыми друг от друга подрядчиками на одном строительстве, помимо того, что шло в разрез с существующими законоположениями, неизбежно привело к различным мелочным пререканиям между подрядчиками

и усложняло надзор за выполненными работами со стороны Группы заказчика.

Аналогичное положение имело место и в вопросах проектирования. В условиях строительства железнодорожной линии № 12 проектирование вели две самостоятельные, независимые друг от друга, проектные организации: экспедиция № 12 «Мостранспроекта» НКПС и проектный отдел Управления строительства № 12/Т «Метростроя». Результатом этого явилось то, что обе проектные организации составили отдельные сметы на свои участки работ, не связав их между собой, в силу чего Группе заказчика пришлось проделать большую работу по увязке смет, прежде чем отправить их в Технико-экспертный отдел (ТЭО) на рассмотрение [1, л. 22].

Указанные положения в организационной структуре являлись совершенно ненормальными, поэтому появилась потребность в срочном вмешательстве НКПС: трест «Востсибстройпуть» назначили генподрядчиком по строительству, а экспедицию № 12 – генеральным подрядчиком по проектированию.

В соответствии с приказом № С-353/Ц был составлен и утверждён директивный график строительства линии № 12, который предусматривал необходимое количество механизмов, в том числе 17 экскаваторов. Причём строительные тресты НКПС обязаны были отгрузить экскаваторы на строительство № 12 к 1 июля 1942 г. Фактически переброска задержалась: механизмы поступили только в течение августа [1, л. 23].

На строительстве тоннелей работали два энергопоезда, однако в силу частых поломок они больше стояли, чем работали и бесперебойно давать электроэнергию начали только в декабре 1942 г.

Строительное Управление № 12 на 10 июля 1942 г. получило значительное пополнение рабочей силы за счёт привлечённого контингента в порядке трудгужповинности из Иркутской области (три тысячи человек и 300 подвод с возчиками) и Бурят-Монгольской АССР (две тысячи рабочих и 200 подвод с возчиками), а также за счёт спецколонн [1, л. 23 об.].

Приказ НКПС № С-353/Ц обязывал Управление железнодорожных войск в

10-дневный срок перебросить на строительство 128 железнодорожных батальонов и из Сибирского строительного-монтажного треста пять рабочих колон НКО. Всего на строительстве должно было быть сосредоточено около 5 тыс., а с железнодорожными батальонами около 10 тыс. человек. Но с учётом возвращённых обратно по врачебным заключениям, рабочей силы было недополучено: по Иркутской области – 1260 и Бурят-Монгольской АССР – 640 человек [1, л. 24 об.].

На Строительное № 12 мобилизовывалась в основном сельская молодежь. Разнарядка поступала в районные исполкомы, оттуда доводилась до сельских советов. В свою очередь председатели сельсоветов с председателями колхозов решали: кого направить. Райкомы партии контролировали этот процесс. Отобранные по мобилизации кадры вызывались в сельсовет, где им в присутствии участкового милиционера вручались мобилизационные листы с указанием объекта назначения. Давались сутки на сборы. Под трудовую мобилизацию тогда попадали в первую очередь неквалифицированные молодые кадры, раскулаченные советской властью, юноши и девушки, за которых не было заступа в деревне.

Одной из девушек была Евдокия Сергеевна Петрушина, которая в 15 лет была мобилизована вместе с её ровесницами С. Анастасовой, Г. Коротченко, А. Рябиковой и другими на строительные работы [18, с. 705]. Е.С. Петрушина вспоминала: «На колхозных подводах нас доставили в районный пункт сбора. По прибытию в Иркутск мы обязаны были явиться в железнодорожное отделение милиции для дальнейшего препровождения к месту строительства дороги... Здесь из нас формировались команды для отправки на автомобилях на стройку... . Каждому строителю, т. е. девушке, девчужке, выдавались со склада: тяжелое кайло, лопата и тачка... . Трудились каждый день, без выходных, праздников, с перерывами на обед и сон. Нормой выработки считался трудодень. За невыполнение нормы трудодней полагалось суровое наказание по законам военного времени, вплоть до срока заключения на Колыме. Мягким наказанием считалось про-

дление пребывания на стройке. Производительность труда зависела от степени принуждения строителей, жесткого учета и контроля над работавшими подростками. Каждому строителю было положено по норме 200 граммов хлеба в день. Обед составляла свекольная или капустная баланда или разваренная вермишель с мороженой картошкой, который можно было получить в обмен на 100 граммов хлеба... Зачастую оголодавшие девчата не обращали внимания на свою нравственную деградацию и, подчиняясь внутренней потребности организма, выковыривали из помоев, выливавшихся рядом со столовой, остатки еды. Маленький праздник бывал в бригаде, когда на стройку разрешали приезжать родственникам и привозить кое-какую деревенскую еду. Спрятать ее было невозможно, так как оголодавшие люди знали, где и как искать и воровали продукты без всякого зазрения совести. Дистрофия, чесотка, педикулез были на стройке повседневностью. Смертельные случаи от голода и болезней становились нормой. Ежедневно дневальные выносили из бараков своих умерших подруг. Их увозили на крытой брезентом машине и хоронили в неизвестном месте» [18, с. 706–710].

Между тем ситуация на Строительстве № 12 разворачивалась так, что на 30 декабря 1942 г. контингент рабочих уменьшился до 4 500 человек, а первого января 1943 г. он составлял уже 2 033 человека. По строительству № 12/Т «Метростроя» количество рабочих основного производства было более стабильным и составляло в среднем 1 300–1 450 человек, против пяти тысяч человек, требовавшихся по директивному графику.

Не лучше обстояло дело с получением материалов. Укладка пути для рабочего движения тормозилась исключительно из-за отсутствия рельсов и креплений, несмотря на неоднократную постановку этого вопроса перед НКПС. Отсутствие горючего не позволяло возить грунт и срывало взрывные работы. В начале января 1943 г. прекратили работу энергопоезда. Квалифицированных рабочих пришлось перебросить на земляные работы межтоннельного участка.

Что касается проектной документации, то к моменту издания приказа № С-353/Ц проектирование двухпутной линии не было закончено, и, несмотря на указание в месячный срок перепроектировать линию на однопутную с соблюдением облегченных технических условий, экспедиция № 12 (начальник Грицевич) не переключилась на работу, продолжая в течение трёх месяцев заниматься окончанием проекта двухпутной линии [1, л. 25].

Фактически проектирование однопутной линии началось только с конца августа и начала сентября 1942 г., и сроки по приказу были сорваны.

Из-за отсутствия проектов остро стоял вопрос с составлением смет на однопутную линию. Имелась утверждённая смета на двухпутную линию в сумме 352 млн 432 тыс. руб. Приказом предусматривалось производить финансирование за счёт утверждённой сметы по новым сметно-финансовым расчётам, согласованным с заказчиком. Но только в ноябре 1942 г. началась оплата работ по новым ценам, а составление смет проектный отдел Управления строительства № 12/Т закончил только в январе 1943 г.

В связи с отсутствием железа и цемента и необходимостью строительства искусственных сооружений в зимнее время строительство поставило вопрос перед НКПС о разрешении заменить ряд капитальных искусственных сооружений деревянными [1, л. 26], но разрешено было только частичное изменение проектов [21, л. 5].

Объём работ по перепроектировке был значительным, поэтому Экспедиция № 12 при штате специалистов по искусственным сооружениям в три человека могла закончить работу только во втором квартале 1943 г. Для этого требовалось доукомплектование Экспедиции двумя-тремя мостовиками за счёт Иркутской экспедиции «Мостранспроекта» или за счёт «Сибтранспроекта». Главный инженер строительства Елизаров, зная, что речь шла о перепроектировке 10–15% искусственных сооружений, когда их было построено не более 10%, ставил в начале декабря 1942 г. перед комиссией Забайкальского фронта вопрос об отсутствии документов на перепроекти-

рование, которые задерживали строительство [1, л. 26–26 об.].

План 1942 г. подвергался неоднократному уменьшению. Экспедиция № 12 при договоре с подрядчиками на сумму 3 млн 836 тыс. руб. выполнила план на 68,5%, а план, установленный Главком, – на 94,5%, соответственно трест «Востсибстройпуть» – на 61 169 руб., 43,1% и 68%, Управление строительства № 12/Т – на 18 млн 412 тыс. руб., 19% и 43,5% соответственно [1, л. 28]. Основной причиной невыполнения плана было отсутствие материалов. Производительность труда в 1942 г. падала из квартала в квартал.

В связи с переходом во втором полугодии на подрядный способ работ, договоры с трестом «Востсибстройпуть» и Управлением строительства № 12/Т «Метростроя» были заключены с большим опозданием: заказчик не согласился с некоторыми положениями договора, предложенными подрядчиком [1, л. 28 об.].

Начиная со второй половины 1942 г. и в начале 1943 г., со строительства № 12 постепенно была отозвана на военновосстановительные работы рабочая сила и вывезены механизмы [3, л. 15 об.]. В таком же положении находилось и строительство тоннелей. На строительство перестали поступать лес, цемент, горючее и другие материалы. Уложенный от Иркутска до 32 км рабочий путь в 1943 г. по приказу НКПС был разобран, а материалы верхнего строения были отправлены на другое строительство. Также на другие стройки были отправлены все механизмы и материалы.

В сложившейся обстановке в стране выполнить постановление ГКО от 13 мая 1942 г. за № ГКО 1748 /С и приказ НКПС № С-353/Ц от 19 мая 1942 г. по поводу открытия сквозного рабочего движения по всей линии в первом квартале 1943 г. не удалось.

Маломощность оставшегося в наличии штата коллектива, механизмов и оборудования на протяжении 1943 и 1944 гг. послужила причиной остановки почти всех строительных работ, за исключением массовых взрывов выемок, проходки штолен по тоннелям и небольшого объема бетонных работ в тоннелях. Важность линии ис-

ключала возможность её консервации, работы хотя и небольшим фронтом, но продолжались. В то же время брошенным объектам грозила участь постепенного разрушения.

На протяжении 1943 г. и особенно 1944 г. строительство № 12 превратилось в своеобразную базу, откуда Цужелдорстроем НКПС черпались техникоматериальные ресурсы для других строек.

В 1944 г. на стройке работали только 2–3 газогенератора-компрессора на проходческих работах по подготовке к массовому взрыву, 1–2 компрессора – на проходческих тоннельных работах и одна временная паровая с локомотивной установкой электростанция, составлявшая энергетическую базу на строительстве тоннелей, которая обеспечивала проходку только одного тоннеля и штолен ближайшей выемки для массового взрыва.

Строительными материалами в 1944 г. стройка совершенно не обеспечивалась. Неудовлетворительно обстояло дело с обеспечением рабочей силой. Имевшийся контингент рабочих в течение года сократился в виду переброски на кругобайкальский участок и в виду отзыва квалифицированных тоннельщиков на военновосстановительные работы.

В 1944 г. среднесписочное количество рабочих составляло около 800 человек, то есть 57,1% к количеству, установленному планом на 1944 г. (1 400 человек) [3, л. 17]. На протяжении всего года заказчик ставил вопрос перед наркомом путей сообщения о состоянии дел на стройке и о форсировании работ. Только в конце 1944 г. на Строительстве № 12 началось оживление: приступили к восстановлению жилого фонда. Одновременно подрядчики строительства («Востсибстройпуть» и Управление строительства № 12/Т) составили графики работ, которые должны были обеспечить к концу 1945 г. открытие сквозного рабочего движения.

В 1944 г. перепроектирование двухпутной железной дороги на однопутную в основном было завершено. Оставались лишь мелкие недоделки по некоторым работам. Годовой план по строительству на 1944 г. был утверждён в сумме 10 млн руб. и вы-

полнен на 61,2% [3, л. 17]. Невыполнение плана объяснялось недостатком рабочей силы, недостаточной мощностью энергетической установки на тоннельных работах, отсутствием топлива, маломощностью механического парка, отсутствием основных строительных материалов.

Таким образом, с 1942 г. плановые объёмы работ по строительству железнодорожной линии Иркутск – Слюдянка постоянно не выполнялись. Это было связано как с неудовлетворительной организацией работ, так и с военными действиями на западе страны. Несмотря на то, что в советское время невыполнение плана каралось весьма сурово, никаких организационных и прочих выводов не делалось.

Строительные работы на железнодорожной линии, начавшиеся в соответствии с приказом НКПС № С-29/ЦЗ от 22 марта 1941 г., до конца 1944 г. сопровождались систематическим невыполнением плана даже с учётом его корректировки в меньшую сторону. К полномасштабным работам на линии вернулись только весной 1945 г.

Постановлением ГКО № 7803/С от 13 марта 1945 г. было вновь указано НКПС о форсировании работ по строительству железнодорожной линии Иркутск – Слюдянка с открытием движения к 15 ноября 1945 г.

Технический проект по сооружению однопутной железнодорожной линии Иркутск – Слюдянка был рассмотрен в Бюро экспертизы проектов и технических условий Центрального планово-экономического отдела НКПС, согласован с центральными управлениями строительства, пути, движения и утверждён заместителем народного комиссара путей сообщения И.Д. Гоциридзе 22 июня 1945 г., а смета к техническому проекту однопутной железнодорожной линии была им утверждена 29 декабря 1945 г.

Второй этап строительства начался в марте 1945 г., когда на строительство начали поступать специальные формирования и железнодорожные войска.

Для работы на строительстве в 1945 г. прибыли 6, 7, 9 и 44 железнодорожные бри-

гады, а также 3, 10, 14, 21 и 31 ГОРЕМЫ². По мере прибытия железнодорожных войск и ГОРЕМОВ, на строительстве было организовано четыре строительных участка [9, л. 8].

Во главе строительного управления стоял начальник строительства, он же одновременно являлся начальником железнодорожных войск.

Начальником работ на участке являлся командир железнодорожной бригады, в оперативном подчинении которого были начальник участка и начальник ГОРЕМА, вместе со своими аппаратами.

На начальника работ была возложена ответственность за окончание работ на своём участке в установленные сроки, за качество и правильную организацию работ. Начальники строительных участков являлись заместителями начальника работ и отвечали за своевременное обеспечение строительными материалами, механизмами и технической документацией.

В 1945 г. строительство железнодорожной линии развернулось широким фронтом с привлечением железнодорожных войск и восстановительных поездов.

На основании решения ГКО от 21 июня 1945 г. № 9172/СС [20, л. 186–191] и приказа НКПС от 23 июня 1945 г. № 4584 с 1 июля 1945 г. строительство переведено с подрядного способа на хозяйственный. В 1945 г. по строительству произведено затрат на сумму 87 млн 858 тыс. руб. [4, л. 26].

1945 г. стал годом наиболее интенсивного строительства и за этот год выполнено основных работ по земляному полотну, искусственным сооружениям – более чем за весь период с начала строительства по 1 января 1946 г. Но решение ГКО об открытии движения поездов (20 пар поездов в сутки) не было выполнено.

В 1945 г. строительство вели: трест «Воссибстройпуть», Управление строительства № 12, в первом полугодии – подрядным, во втором – хозяйственным способом, Управление строительства № 12/Т «Метрострой» – подрядным способом, Ир-

² ГОРЕМЫ – Государственные ремонтные предприятия.

кутской конторой «Желдорвзрывпрома» в качестве субподрядчика Управления строительства [4, л. 27].

Проектно-сметные и изыскательские работы выполняли: Экспедиция № 12 «Мостранспроекта» (подрядно) и «Метропроект» в качестве субподрядчика первой организации.

В распоряжении Управления строительством № 12 имелись четыре бригады железнодорожных войск № 6, 7, 9, 44 и пять восстановительных поездов (ВП) № 103, 110, 114, 121 и 131. Кроме того, на правах субподрядчика работала экскаваторная механизированная колонна от треста «Трансжелдормеханизация». Иркутская контора «Желдорвзрывпрома», железнодорожные бригады (желдорбригады) и восстановительные поезда были приписаны к четырём участкам. Начальники работ на участке являлись командирами бригад, а начальники участков их заместителями.

Управление № 12/Т, производившее работы по сооружению двух тоннелей (тоннель № 1, протяжением 660 м на 106 км трассы, и тоннель № 2, протяжением 473,5 м на 113 км), являлось самостоятельной подрядной организацией с подчинением «Главтоннельметрострою». Метрострой имел двух начальников титулов и четырёх начальников участков.

Организационная структура строительства № 12 имела серьёзные недостатки. Начальники работ (командиры бригад) являлись оперативными руководителями работ на участке, в то время как начальники участков, являясь ответственными за выполнение плана, за надлежащее качество работ и за себестоимость строительства, находились в подчинении начальников работ на правах их заместителей.

Группа заказчика строительства № 12 на основании приказа НКПС № С-601/Ц до 1 июня 1945 г. находилась в подчинении начальника Восточно-Сибирской железной дороги.

С 1 июля 1945 г. согласно телеграфному приказу заместителя наркомата пути вице-генерал-директора пути и строительства 2-го ранга И.Д. Гоциридзе от 18 июля 1945 г., в связи с переходом по решению ГКО от 21 июня 1945 г. с подрядного на

хозяйственный способ ведения работ, передана в подчинение Центрального управления железнодорожного строительства.

Двухпутная линия № 12, была перепроектирована на однопутную, причём в целях ускорения и удешевления строительства, а также в целях сокращения расхода цемента и металла, искусственные сооружения были запроектированы с учётом использования местных материалов, в основном дерева (из общего количества 148 сооружений, 118 запроектировано деревянными) [4, л. 30].

Строительство продолжалось по указанию НКПС по неутверждённому, выше упомянутому проекту однопутки до 1945 г., затем этот проект был пересмотрен в НКПС, и Бюро экспертиз своими заключениями в мае 1945 г. внесло ряд изменений, при этом основные показатели однопутной линии утверждены заместителем народного комиссара пути И.Д. Гоциридзе 22 июня 1945 г.

Для осуществления проектных работ и для оказания помощи строителям, в связи с расширением фронта работ в 1945 г. НКПС была направлена на строительство Экспедиция Московского отдела «Союзтранспроекта» (Экспедиция «Мостранспроекта»), которая пробыла на строительстве с апреля по декабрь 1945 г. За это время Экспедиция полностью восстановила линию от 33 до 118 км, произвела трассировку подъездных путей и улавливающих тупиков, повторно восстановила некоторые участки в связи с массовыми взрывами выемок, произвела разбивочные работы сложных объектов, перепроектировала искусственные и гражданские сооружения, пересоставила смету по строительству № 12 согласно приказу НКПС № 4584 ПРС от 23 июня 1945 г. в связи с уточнением проекта и выявленными дополнительными условиями производства работ, и выполнила ряд других работ [4, л. 10–32].

В результате выполненных в 1945 г. «Мостранспроектом» работ по заключению Бюро экспертизы, проект линии № 12 был улучшен по сравнению с первоначальным проектом однопутной железной дороги.

Строительство № 12 по своим топографическим, геологическим и климатиче-

ским условиям значительно отличалось от других строек СССР. Наличие гористой, сильно пересечённой местности с большим количеством скальных грунтов потребовало применение особого способа организации работ. Для того чтобы развернуть работы по сооружению земляного полотна и искусственных сооружений широким фронтом, требовалось в первую очередь раскрыть выемки массовыми взрывами. Работа выполнялась Иркутской конторой «Желдорвзрывпрома». Последние взрывы прогремели в ноябре 1945 г. Всего было взорвано 1 млн 607,9 тыс. куб. м грунта.

Работы по сооружению земляного полотна были развёрнуты по всей трассе. На 64–106 км по грунтовым дорогам доставлено семь паровозов и 66 платформ нормальной колеи, 16 экскаваторов и другие механизмы и транспортные средства [4, л. 45].

Для ввода в работу тяжёлых экскаваторов, для доставки грузов и материалов, форсировалась укладка временного железнодорожного пути по земляному полотну неполного профиля со стороны станции Иркутск и по временным обходам с максимально возможными уклонами. На 1 января 1946 г. такой путь был уложен до 60 км.

При наличии высоких и коротких насыпей применялась эстакадная отсыпка. В 1945 г. построено 11 775 м эстакад под паровозную, мотовозную и ручную возку. Сооружение земляного полотна велось и механизированным способом, и вручную, и с помощью взрыва. Механизированным способом выполнено 1 млн 486,9 тыс. куб. м земляных работ, или 40,3%, массовыми взрывами – 749,1 тыс. куб. м или 20% и в ручную – 1 млн 467,3 тыс. куб. м или 39,7%.

Механизированные работы выполняли 27 экскаваторов. Для выполнения проходческих работ при массовых взрывах использовались импортные и отечественные экскаваторы. Подвозка материалов осуществлялась автомашинами. Строительству было передано 297 автомобилей марки «Студебекер» и 30 тракторов. Кроме того, имелись автомобили отечественного производства [4, л. 48].

На строительстве тоннелей все основные работы были механизированы. Для вы-

полнения бутовых работ использовали компрессоры, для бетонных работ использовали камнедробилки и пять бетономешалок. Подъём бетона из нижней штольни в верхнюю осуществлялся с помощью электрической тали. Ток вырабатывала локомотивная электростанция. На строительстве имелся деревообрабатывающий комбинат, механические мастерские, ремонтно-прокатная база, лесопилка и установки для изготовления газогенераторного топлива. Лес, камень, щебень, гравий, песок – местные. Другими материалами (железо, стекло, цемент и др.) строительство обеспечивалось нерегулярно.

Что касается рабочей силы, то квалифицированных кадров не хватало. Краткосрочное обучение положительных результатов не давало. В связи с этим отмечалось низкое качество работ [4, л. 49].

В 1946 г. перед строительством была поставлена задача – открыть сквозное рабочее движение, что и было сделано в декабре месяце [5, л. 6]. В то время работы вели: Управление строительством № 12 хозяйственным способом, Управление строительством № 12/Т подрядным способом, железнодорожной бригадой (полевая почта № 62808) в качестве субподрядчика обоих Управлений, Иркутской конторой «Желдорвзрывпрома» в качестве субподрядчика вышеназванных организаций. Также строительные работы выполнял «Метрострой».

По заявлению Группы заказчика, в 1946 г. «Мостранспроект», не закончив проектирования, отстранился от выполнения проектных работ. Годовой план 1946 г., утверждённый в сумме 105 млн руб., был выполнен на 72%. Условия работы в 1946 г. отличались от условий работы 1945 г., массовых взрывов уже не производилось, эстакад было построено всего 2,5 км. Основные силы были сосредоточены на устройстве земляного полотна.

В 1946 г. на земляных работах были задействованы экскаваторы, автомобили «Студебеккер». Укладка пути производилась вручную. Однако балластировка велась не только вручную, но и механизировано. Для транспортировки грунта на железнодорожных платформах взамен мотовозов, которых на строительстве не хвата-

ло, в тягачи были переоборудованы автомобили типа «Студебеккер» [22, л. 46]. В 1946 г. Управление строительством использовало рабочую силу восстановительных поездов, а также спецконтингент и частично вербовало людей. Для расселения спецконтингента были оборудованы лагеря.

В результате реорганизации частей железнодорожных войск и во исполнение приказов Министерства путей сообщения в начале 1946 г. были со строительства следующие воинские подразделения: в январе 1946 г. 7-я железнодорожная бригада и в марте – 9-я железнодорожная бригада, а 44-я железнодорожная бригада в марте 1946 г. была расформирована, и личный состав её предан на пополнение 6-й железнодорожной бригады. В дальнейшем 6-я железнодорожная бригада была преобразована в два железнодорожных батальона, приданные 9-й железнодорожной бригаде.

В январе же 1946 г. был переброшен на другие работы и ГОРЕМ № 10.

Оставшаяся на строительстве линии Иркутск – Слюдянка 6-я железнодорожная бригада в связи с переходом железнодорожных войск на субподрядный способ работ и ликвидацией при строительстве штаба железнодорожных войск из подчинения строительства вышла и продолжала работать на условиях субподрядного договора.

Главным исполнителем работ по строительству № 12 в 1946 г. всё же оставалась 6-я железнодорожная бригада Главного управления военно-восстановительных работ (ГУВВР), а удельный вес программы в плане работ составлял до 70%. С 1945 г. работы велись хозяйственным способом.

По приказу министра путей сообщения от 9 июня 1947 г. за № С-460 железнодорожная линия № 12 в 1947 г. должна была быть сдана в постоянную эксплуатацию. Но эта задача не была выполнена [6, л. 29].

В 1947 г. завершилось составление проектного задания укрепления земляного полотна по участку Иркутск – Слюдянка (кругобайкальский участок). Сметная строительная стоимость, наряду с реконструкцией некоторых тоннелей, строительством новых галерей и других работ по кругобайкальскому участку, включала строительство новой двухпутной линии от станции

Иркутск до станции Байкал, взамен затоплявшейся Иркутским водохранилищем.

Второй вариант, в замен описываемому, состоял в переустройстве нагорного однопутного обхода через горы на участке Иркутск – Слюдянка под два пути при тепловозной тяге с превращением участка станция Байкал – станция Култук в тупиковый.

Именно этот проект предлагали к исполнению. Первый, кто не согласился с предложением превратить участок обхода в главную магистраль, был сам автор этого обхода, главный инженер «Союзтранспроекта» И.Т. Ефимов, бывший начальник титула № 12. По его мнению, план и напряжённый профиль этой нагорной линии с двойной тягой не допускали превращения её в участок главной сибирской магистрали [16, с. 62]. Затем начался процесс экспертизы в Министерстве путей сообщения.

Е.К. Гречищев вспоминал: «Состав экспертов был отменный: главные специалисты Управления путевого хозяйства Ф.Т. Воронинцев, П.А. Тисленко, привлечённые профессора Н.Н. Джунковский, В.К. Дмоховский и другие. Из месяца в месяц я продлевал командировку в Москве. Эксперты писали и писали... Убедить их в правоте принятых нами решений было не просто. Я отправился к начальнику Главного управления пути и путевого хозяйства НКПС товарищу Гаврилову и заявил, что дальше так продолжаться не может... Он сказал: «Ну, хорошо, а профессору Александру Васильевичу Ливеровскому, как эксперту, доверяете?» и... отправил меня к нему в Ленинград» [17, с. 112–113]. Заключение А.В. Ливеровского отменило все остальные экспертизы. И на его основе было принято окончательное решение [17, с. 120].

23–26 декабря 1947 г. комиссия при участии представителей Восточно-Сибирской железной дороги, Управления строительства № 12 и Группы заказчика признала возможным организовать временную эксплуатацию на участке от 0 до 78 км.

Работу выполняли те же организации, что и в 1946 г., а проектирование вели: Экспедиция № 12 «Мостранспроекта», «Дорпроект» Восточно-Сибирской желез-

ной дороги, инженерно-геологическая проектная контора Восточно-Сибирской железной дороги [9, л. 29].

Согласно приказу заместителя министра путей сообщения И.Д. Гоциридзе бригада проектировщиков должна была прибыть к 1 июля 1947 г., фактически прибыла к 1 октября. Руководитель бригады Новиков получил задание на проектные работы. Договор с Новиковым, заключённый 15 ноября 1947 г., предусматривал все вышеназванные проектные работы и, кроме того, некоторые дополнительные работы и среди них уточнение полосы отвода в черте города Иркутска и в других местах. Срок окончания проектных работ – 1 мая 1948 г. [9, л. 31]. Но проектировщики с заданием не справились, никаких проектов не выдали и ограничились лишь общими рекомендациями.

Годовой план в 1947 г. был утверждён в сумме 52 млн 600 тыс. руб. и выполнен на 66% [9, л. 33]. Управление работ имело в 1947 г. два строительных участка, четыре восстановительных и один строительно-монтажный поезд, который во втором квартале выбыл на Пермскую железную дорогу.

В 1947 г. работы велись на сооружении земляного полотна, на перекладке временных путей на постоянные, по балластировке путей, по постройке тоннелей и в небольшом объёме по строительству гражданских и искусственных сооружений и водоснабжению. Земляные работы выполнялись в труднодоступных местах с перекидками.

В связи с уходом со строительства железнодорожных войск организационная структура строительства в 1947 г. претерпела значительные изменения, по сравнению со структурой 1946 г. В 1947 г. строительно-монтажные работы осуществляли следующие организации Министерства путей сообщения [9, л. 10]:

1. Управление строительства с приданными четырьмя ГОРЕМАМИ и двумя участками, которое производило работы на участках трассы от 0 до 97 км и от 108 до 122 км. Военские части 9-й железнодорожной бригады, входившие в состав ГУВВРА, производившие работы на подрядных нача-

лах от Управления строительства на участке от 97 до 108 км.

2. Иркутская контора «Желдорвзрывпрома», выполнявшая работы на подрядных началах от Управления строительства и воинских частей ГУВВРА на всём протяжении трассы.

3. Управление строительства № 12/Т «Главтоннельметростроя», осуществлявшее строительство тоннелей на подрядных началах от Группы заказчика строительства № 12.

Из оставшихся четырёх ГОРЕМОВ в течение 1946 г. и особенно в 1947 г. выбыло почти две трети личного состава.

Увольнения рабочих были произведены главным образом по распоряжению «Главжелдорстроя Востока» и Министерства путей сообщения в связи с тяжёлым семейным положением работников ГОРЕМОВ, находившихся в отрыве от семей с момента мобилизации в 1941 г. Часть рабочих ГОРЕМОВ была освобождена от работы по заключению медицинских комиссий, признавших негодными к физическому труду после ранения на фронте.

Также в составе Строительства № 12 были задействованы: ремонтно-прокатная база, деревообделочный комбинат, контора подсобных предприятий и жилищно-ремонтная контора, имевшие в свою очередь в своем составе несколько цехов [22, л. 51–52].

Промышленные предприятия Строительства № 12 в 1947 г. были полностью обеспечены кадрами всех профессий. На протяжении года промпредприятия получили пополнение из числа новых кадров – 282 человека, из которых 72 человека прибыли по оргнабору рабочей силы. В основном прибывшие на строительство специалисты (слесари, столяры), а также лица, которые не могли заниматься тяжелым физическим трудом непосредственно на строительных работах, а также 98 человек было принято из числа местного населения и 107 человек по окончании школы фабрично-заводского обучения (ФЗО). Наряду со значительным поступлением на промпредприятия рабочей силы, в 1947 г. выбыло 356 человек, из них: 60 человек дезертировало из числа рабочих оргнабора, 39 человек

освобождено по окончании срока договора местной вербовки, 42 человека были освобождены по состоянию здоровья и 133 человека – по семейному положению, в числе которых были работники ГОРЕМОВ, направленные на промпредприятия для работы по специальности [22, л. 58].

Производительность труда по промпредприятиям Строительства № 12 в среднем за 1947 г. составляла 117,2%. Резкое снижение производительности труда по сравнению с предыдущими годами строительства объяснялось необеспеченностью в полной мере работой слесарей-сборщиков ремонтно-прокатной базы из-за отсутствия запасных частей к дизельным двигателям и двигателям автомашин. А также из-за того, что вместо выбывших рабочих ГОРЕМОВ в РПБ были приняты молодые ребята, только что окончившие школу ФЗО и не имевшие достаточного опыта в работе. Кроме того, в результате проведенного пересмотра норм выработки в соответствии с приказом МПС №546/Ц от 23 июня 1947 г., нормы выработки были повышены на 21%. Указанные выше затруднения отрицательно влияли на выполнение норм выработок, в связи с чем количество рабочих, не выполнявших нормы выработки, стало больше [22, л. 59].

Однако в среднем за год процент производительности труда составил 117,2 %, что было достигнуто в результате осуществления таких мероприятий, как внедрение поощрительной системы оплаты труда по хозяйственным (ремонтно-прокатная база и контора подсобных предприятий), обучение на курсах повышения квалификации, в результате чего 29 человек повысили свои разряды, обмен опытом стахановцев путем организации стахановских школ, где было обучено 119 человек, а также обеспечение своевременной выдачи нарядов-заданий [22, л. 60].

Основной системой оплаты труда являлась прямая сдельщина. Поощрительная же система оплаты труда применялась в таких хозяйственных, как ремонтно-прокатная база, контора подсобных производств, на лесозаготовительных и транспортных работах. В деревообделочном комбинате и жилищно-ремонтной конторе поощрительная

система оплаты труда не применялась, так как указанные хозяйственные, в особенности ДОК, не имели полной загрузки из-за отсутствия достаточного количества лесоматериала и набора работ.

Количество стахановцев и ударников в 1947 г. также уменьшилось по сравнению с 1946 г. в виду увольнения рабочих из ГОРЕМОВ и приема на работу рабочих по оргнабору и окончивших школы ФЗО. Выполнение производственных заданий проводилось на основе социалистических соревнований и стахановского движения. Применяя стахановские методы труда и участие в соцсоревнованиях, план 1947 г. выполнили досрочно, за что рабочие в количестве восьми человек были награждены знаком «Ударнику Сталинского призыва» [22, л. 61]. В декабре 1947 г. на участке от Иркутска до разъезда Глубокий (78 км) была открыта временная эксплуатация [9, л. 11].

В 1948 г. организационная структура строительства особых изменений не имела, за исключением того, что в связи с уходом воинских частей 9-й железнодорожной бригады, работы на участке от 97 до 108 км передали в ведение строительства № 12.

В связи с окончанием строительства тоннелей Управление № 12/Т было ликвидировано и оставшиеся недоделанные работы, в соответствии с распоряжением заместителя министра И.Д. Гоциридзе, переданы строительному Управлению.

Во время строительства линии количество экскаваторных комплексов доходило до 23, причём тяжелые экскаваторы, паровозы, платформы и другие средства завозились в глубинные пункты трассы по горным грунтовыми дорогам на расстоянии до 40 км [9, л. 12]. Общий вес взрывчатки, использовавшейся при массовых взрывах, составлял 11 700 т. Объём отдельных взорванных выемок достигал почти 200 тыс. куб. м, а вес взрывчатки для одновременного взрыва – 1200 т. Ввиду непосредственной близости действовавшей Восточно-Сибирской железной дороги выемки на межтоннельном участке взрывались с большим риском с ограничением выброса грунта за пределы профиля. Поэтому результаты взрыва на этом участке не могли

дать и не дали траншей, пригодных для разработки выемок широким фронтом, в связи с чем, после неоднократных попыток в выборе способов организации разработки выемок межтоннельного участка, Управление строительства вынуждено было остановиться на лобовом экскаваторном способе разработок на подавляющем большинстве выемок.

Косогорность участка, чередование выемок с насыпями делали задачу транспортировки грунта чрезвычайно сложной. В таких условиях под погрузку подавалась только одна платформа, что вызывало неизбежные простои экскаваторов, а большой угол поворота экскаватора (180^0) снижал их производительность. Работа усложнялась ещё тем, что из-за ограничения массовых взрывов в разрыхленных породах оказался необычайно большой процент содержания нетранспортабельных скальных глыб, дополнительное дробление которых взрывами требовало перерыва в работе и частого вывода из забоя и ввода обратно экскаватора.

Большая высота нарушенных массовыми взрывами забоев и вывозка грунта на высоких насыпях, на косогорах с эстакад требовали особых мер предосторожности при производстве работ, так как высокие, неустойчивые, разрыхлённые откосы забоев, содержавшие глыбы весом в десятки тонн, окружавшие экскаватор при лобовой разработке, в любой момент угрожали обвалами и гибельными последствиями для работавших людей и техники.

Линия проходила по горным отрогам. На участке от станции Большой Луг (38 км) до станции Слюдянка 2 (122 км) на протяжении 83,5 км применена двойная тяга в обоих направлениях. В связи с этим на станции Большой Луг было предусмотрено устройство пункта оборота толкачей и водоснабжения. На линии было построено шесть разъездов и шесть станций, из них три станции (Большой Луг, Подкаменная и Ангасолка) с водоснабжением [9, л. 15].

Пропускная способность линии в обоих направлениях составляла 20 пар поездов в сутки при паровозах серии СО и весе поезда 1 400 т, с устройством предохранительных и улавливающих тупиков, при одно-

временном приёме поездов на отдельных пунктах и остановкой поездов, шедших на подъём, на разъезде 113 км [9, л. 17].

В соответствии с этим на линии было открыто 12 отдельных пунктов, в том числе: одна станция с водоснабжением и устройством экипировки и оборота толкачей, две станции с водоснабжением, девять малых станций и разъездов с коммерческой работой.

Смета на строительство однопутной железнодорожной линии Иркутск – Слюдянка, утверждённая народным комиссаром путей сообщения 29 декабря 1945 г., составляла 334 млн 646 тыс. руб. На 1 января 1947 г. с учётом всех изменений смета утверждена в сумме 308 942,9 тыс. руб. Железнодорожную линию вновь планировали сдать в постоянную эксплуатацию в третьем квартале 1948 г. [7, л. 37].

Правительственная комиссия под председательством генерал-майора технических войск В.В. Стоярова признала возможным после устранения недоделок первой очереди принять дорогу с 1 июня 1949 г., а недоделки второй очереди устранить в процессе эксплуатации. К организациям, которые работали ранее на строительстве, в 1948 г. добавился специализированный поезд «Связьрем № 24».

Начиная с 1946 г. Группа заказчика неоднократно ставило вопрос перед «Мостранспроект» об окончании проектирования по Строительству № 12. 10 января 1948 г. Группа заказчика обратилась с письмом к начальнику «Мостранспроекта» Володину с требованием обеспечить выполнение проектных работ, а письмами от 16 и 21 февраля 1948 г. обратилась к И.Д. Гоциридзе с просьбой приказать закончить проектирование. Виды работ в 1948 г. оставались по сути прежними, как и в 1947 г. на строительстве работали девять экскаваторов.

Рабочих на строительстве на 1 января 1948 г. было 2593 человека (без спецконтингента), а через год – 2335 человек. В 1948 г. на строительство прибыло 3100 человек и убыло, по окончанию вербовки, 3358 человек [7, л. 68]. Нормы перевыполняли 1060 человек, из них по спецконтин-

генту – 33 человека, не выполняли нормы – 862 и 592 человека соответственно.

В отчёте за 1948 г. отмечалось, что в 1947 г. на строительстве было 343 стахановца и 188 ударников, а в 1948 г. число стахановцев достигло 557 человек, а число ударников 324 человек [7, л. 70]. В 1948 г. в производство внедрено 21 рацпредложение.

По состоянию на 1 ноября 1948 г., фактическая стоимость работ на 1 ноября 1948 г. составила 378 млн 774 тыс. руб. Управление строительства № 12 и Группа заказчика в результате рационализаторских мероприятий по сооружению земляного полотна и отводу Култукского тракта достигли экономии 8 млн 941 тыс. руб. Таким образом, по стоимости капитальных работ и затрат на 1 ноября 1948 г. имелся перерасход в сумме 4 млн 642 тыс. руб. или 1,6% к сметной стоимости без учёта экономии по рационализаторским мероприятиям [9, л. 70–71].

Для приёма однопутной железной дороги в постоянную эксплуатацию на участке Иркутск – Слюдянка на основании распоряжения Совета министров СССР № 14975-РС от 14 октября 1948 г. и приказа Министра путей сообщения № 1-6968-ПРС от 18 октября 1948 г. была создана правительственная комиссия. Председателем правительственной комиссии был назначен уполномоченный Центрального управления военных сообщений Вооружённых сил СССР на железных дорогах Дальнего Востока, генерал-майор технических войск В.В. Столяров; членами комиссии назначены: заместитель секретаря Иркутского обкома ВКП (б) по транспорту, директор-полковник тяги П.С. Семёнов; заместитель начальника Восточно-Сибирской железной дороги, генерал-полковник пути и строительства И.А. Рыжевцев; начальник строительного Управления № 12 Министерства путей сообщения, директор-полковник пути и строительства Б.И. Недбай; главный инженер Главного управления железнодорожного строительства Дальнего Востока Министерства путей сообщения, директор-полковник пути и строительства А.И. Репрев; начальник технического отдела Главтоннельметростроя Министерства путей сообщения, директор-полковник пути и

строительства Н.А. Каванов; начальник технического отдела Главного управления путевого хозяйства Министерства путей сообщения, директор-полковник пути и строительства П.П. Цуканов; начальник отдела финансирования строительства транспорта и связи Иркутской областной конторы Промбанка В.В. Ревезов.

Комиссия приступила к работе 25 октября 1948 г. и закончила работу 30 ноября 1948 г. [9, л. 75]. Правительственная комиссия считала, что линию Иркутск – Слюдянка можно принять в постоянную эксплуатацию, установив сроки окончания работ по недоделкам и по дополнительным работам первой очереди в сумме 17 млн руб., отмеченных в актах, – 1 июня 1949 г., после чего открыть на линии постоянное движение. Выполнение работ возлагалось на Управление № 12. Работы по недоделкам и дополнительным работам правительственная комиссия посчитала возможным выполнить в процессе эксплуатации железной дороги и строительства второго пути. Приёмку работ по ликвидации недоделок, установленных комиссией, и дополнительных работ первой очереди, отмеченных в актах, правительственная комиссия считала возможным поручить комиссии, назначенной Министерством путей сообщения.

В целях обеспечения скорейшего про пуска поездов, в случае необходимости в обход существовавшей линии, проходившей по берегу Байкала, правительственная комиссия считала необходимым установить срок окончания работ по укладке главного пути, балластировке пути на первый слой, водоснабжению на станции Ангасолка, а также по работам связи – 1 марта 1949 г.

Общая сумма недоделок правительственная комиссия определила в сумме 43,1 млн руб., а с учётом 14 млн руб., которые подлежали восстановлению, как израсходованные строительством на дополнительные работы, не предусмотренные сметой. Объём дополнительных работ, не предусмотренных проектом и сметой и относившихся, главным образом, к работам по земляному полотну и переустройству деревянных временных мостов, выражается суммой 18,1 млн руб. [9, л. 74].

Правительственная комиссия отметила «большую работу, сделанную коллективом строителей по сооружению технически сложной линии Иркутск – Слюдянка, проходящей в трудных топографических условиях по необходимому горно-таёжному району» [9, л. 75].

Постановлением Совета Министров за № 399-114С от 1 февраля 1949 г. и приказом министра путей сообщения № 49/Ц от 3 февраля 1949 г. однопутная железнодорожная линия № 12 была принята в постоянную эксплуатацию и с 1 января включена в состав Восточно-Сибирской железной дороги [8, л. 25]. В этом постановлении говорилось и о сооружении второго пути на участке Иркутск – Слюдянка. Заместитель министра И.Д. Гоциридзе 19 августа 1949 г. утвердил технический проект, а министр путей сообщения 20 августа за № С-829/ЦЗ – смету в сумме 335 млн 897 тыс. руб.

Приказом заместителя министра путей сообщения от 17 июня 1949 г. за № И12-1623С было предложено «Мостранспроекту» командировать на строительство бригаду проектировщиков не позже 25 июня 1949 г. для производства проектировочных работ. Этот приказ, а также повторный приказ от 3 сентября 1949 г. за № Л-4508/ЦЗ не были выполнены [8, л. 27].

Группа заказчика неоднократно требовала от «Мостранспроекта» немедленно приступить к выполнению приказов. Представленный 9 сентября 1949 г. «Мостранспроектом» договор Группой заказчика был отклонён, как не охватывавший полного комплекса работ. Наконец, в конце года договор с «Мостранспроектом» на проектно-изыскательские работы на сумму 2 млн 278 тыс. 623 руб. был заключён. Но это уже тормозило ход работ.

Кроме того, Управление строительства № 12 не могло развернуть работы по замене 16 деревянных мостов, находившихся в неудовлетворительном состоянии, которые согласно акту правительственной комиссии должны были быть заменены в 1949 г. Но проекта не было. Так же не было проектов по гражданским сооружениям.

В связи с передачей зданий эксплуатации остро встал вопрос о проживании рабочей силы на строительстве. Необходимо

было немедленно развернуть работы по строительству гражданских сооружений, но отсутствие проектов не позволяло это сделать.

«Мостранспроект» не сделал полное проектное решение по приведению в порядок откосов полувыемки на примыкании станции Иркутск с водоотводными сооружениями, не согласовал планировку улицы города, расположенной вдоль полувыемки с главным архитектором Иркутска. Не выполнил институт и ряд других работ. Отсутствие чертежей не позволило в 1949 г. и 1950 г. правильно организовать работы.

В 1949 г. строительство осуществлялось Управлением строительства № 12 до 1 июля хозяйственным способом, а затем подрядным. Имелся один строительный участок и четыре восстановительных поездов. В сентябре 1949 г. строительный участок ликвидирован [8, л. 45]. На правах субподрядчика у Управления строительства работали поезд «Связьрем № 24» и Иркутская контора «Желдорвзрывпрома». На строительстве в начале года имелось девять экскаваторов. Затем два экскаватора были сняты и преданы на другие стройки.

Несмотря на выполнение в течение 1949 г. работ по устранению недоделок на 1 января 1950 г., линия так и не была готова к открытию движения поездов. Не готово оказалось водоснабжение на станции Ангасолка, не работали устройства сигнализации, центральной блокировки (СЦБ) и связи, не построены линейные здания от станции Подкаменная до станции Слюдянка 2.

Итак, подведём итоги. Построенная в 1949 г. однопутная железнодорожная линия № 12 предназначалась для обхода неустойчивого скально-обвального участка ВСЖД между станциями Байкал и Слюдянка в месте прохождения её по берегу озера Байкал.

Технический проект линии № 12 был разработан «Мостранспроектом» и утверждён НКПС в 1941 г. для двухпутной линии. По этому проекту в марте 1941 г. были начаты строительные работы. С началом Великой Отечественной войны возник вопрос об удешевлении строительства и замене остродефицитных материалов местными.

В связи с изменением основных установок, учитывавших военное время, в период с 1941–1943 гг., был разработан так называемый рабочий проект № 12, утверждённый НКПС в 1945 г. По этому проекту, в отличие от ранее утвержденного проекта, линия № 12 запроектирована однопутной с частичным изменением плана линии и удлинением участка применения двойной тяги. Кроме того, земляное полотно было принято шириной в пять метров, искусственные сооружения преимущественно деревянные, а также значительно сокращен объем работ на других сооружениях.

В целях возможности в дальнейшем пристройки второго пути без остановки эксплуатации, отдельные скальные выемки, высокие насыпи и постоянные искусственные сооружения, рабочим проектом предусматривались к строительству сразу под два пути. Технический проект сооружения второго пути на линии № 12 составлен в соответствии с разработанным «Мостранс-проектом» проектным заданием и заключением по нему Бюро экспертизы проектов. Сооружение второго пути вызывалось необходимостью переключения всего движения поездов на линию № 12, вследствие затопления участка существовавшей двухпутной линии от Иркутска до станции Байкал на протяжении 58 км после сооружения Иркутской ГЭС (первоначально она называлась «Байкальская ГЭС»).

По проекту подъём реки Ангара вызывал затопление железной дороги, прохо-

дившей по левому берегу Ангара на участке от 14 км (от Иркутска) до станции Байкал, а также подъём уровня озера более чем на один метр.

Указанное выше обстоятельство вызвало необходимость строительства нового участка протяжением в 113 км на другом берегу реки Ангара вне затопляемой зоны и приведение Кругобайкальского участка до станции Слюдянка в безопасное для движения поездов состояние или полного переключения движения поездов на железнодорожную линию № 12.

Строительная стоимость обхода затопляемой зоны – 308,5 млн р.; стоимость реконструкции участка Байкал – Слюдянка – 456,4 млн руб. (всего 764,9 млн руб.). Стоимость сооружения второго пути и реконструкция линии № 12 – 160 млн руб. Эксплуатационные расходы составляли бы: по первой дороге 732 млн руб., на сооружение второго пути на линии № 12 – 61,3 млн руб. [10, л. 11].

В результате сравнения вариантов установлена целесообразность переключения всего движения на участке Иркутск – Слюдянка на новую железнодорожную линию № 12, которую, в свою очередь, необходимо было усилить за счет сооружения второго пути, реконструкции всех устройств, а также перевода движения поездов на электрическую тягу.

Статья поступила 03. 06. 2014 г.

Библиографический список

1. Архив ВСЖД. Оп. 232. Д. 1.
2. Архив ВСЖД. Оп. 232. Д. 2.
3. Архив ВСЖД. Оп. 232. Д. 3.
4. Архив ВСЖД. Оп. 232. Д. 4.
5. Архив ВСЖД. Оп. 232. Д. 5.
6. Архив ВСЖД. Оп. 232. Д. 6.
7. Архив ВСЖД. Оп. 232. Д. 7.
8. Архив ВСЖД. Оп. 232. Д. 8.
9. Архив ВСЖД. Оп. 240. Д. 2.
10. Архив ВСЖД. Оп. 241. Д. 11.
11. ГАНИИО. Ф. 408. Оп. 1. Д. 13.
12. ГАНИИО. Ф. 408. Оп. 1. Д. 14 а.
13. ГАНИИО. Ф. 408. Оп. 1. Д. 15.
14. ГАНИИО. Ф. 408. Оп. 1. Д. 17.
15. ГАНИИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 13.
16. Гречищев Е.К. Кругобайкальская железная дорога в сполохах войны. Новосибирск, 2005. С. 62.
17. Гречищев Е.К. Школа жизни. Новосибирск, 2004.
18. Петрушина Е.С. Дорога Иркутск – Слюдянка: воспоминания невольного строителя // Сибирская ссылка: Сб. науч. статей / отв. ред. А.А. Иванов, С.И. Кузнецов, Б.С. Шостакович. Иркутск : Оттиск, 2011. Вып. 6 (18). С. 704, 711.
19. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 34.
20. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 429

21. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 80. Д. 1423.

22. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 80. Д. 1828.

Сведения об авторах

Асеева Анна Степановна, учитель, Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № 7, 665910, Россия, пос. Култук, Слюдянский район, Иркутская область, переулок Кооперативный, 6, тел.: 89526302133, e-mail: aseeva.kultuk@gmail.com

Aseeva Anna Stepanovna, teacher, Municipal Secondary school № 7, 665910, Russian, Kultuk, Sliudyanskii region, Irkutskaya oblast, per. Kooperativny, 6, tel.: 89526302133, e-mail: aseeva.kultuk@gmail.com

Хобта Александр Викторович, кандидат исторических наук, заместитель директора, Музей истории ВСЖД – филиал ОАО «РЖД», 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 7, тел.: 89148735072, e-mail: irk.sasha@yandex.ru

Hobta Alexandr Viktorovich, PhD, deputy director, Museum of history of VSJD – branch of ОАО «RJD», 7 K. Marx St., Irkutsk, 664003, Russia, tel.: 89148735072, e-mail: irk.sasha@yandex.ru

ЕГО ЖИЗНЬ СТАЛА СИМВОЛОМ ЭПОХИ

HIS LIFE AMOUNTS TO A SYMBOL OF EPOCH

Иркутские археологи и вместе с ними вся российская археологическая наука понесли невосполнимую утрату. 21 февраля 2015 года на 80-м году ушел из жизни профессор ИГУ, доктор исторических наук, лидер иркутской археологии **Герман Иванович Медведев**. На протяжении полувека он возглавлял иркутское археологическое сообщество, его судьба, его личность стали символом целой эпохи.

Герман Иванович обладал ярким, выдающимся мужским, лидерским характером, невероятным обаянием, глубоким провидческим умом. Личные его качества не оставляли равнодушным никого и подкупали своей прямоотой, энергией с первого взгляда. До последней минуты он был человеком-стеной, за которой было спокойно и уверенно и в завтрашнем дне, и в правильном курсе. Его деятельность, его характер наложили отпечаток на всех, находившихся рядом людей, поэтому уход его

многими воспринимается как трагическое событие личной жизни.

Герман Иванович был ведущим из трех патриархов нынешнего археологического сообщества в Иркутске, в которое, помимо его самого, входили М.П. Аксенов и В.В. Свинин, принявшие научную эстафету из рук М.М. Герасимова – продолжателя в археологии дела Б.Э. Петри, основателя первой иркутской школы археологии, почти полностью сгинувшей в годы массовых репрессий. Это случилось на рубеже 1950–60-х годов на легендарной стоянке Мальта. Будучи с тех лет бессменным руководителем иркутской университетской археологии, он стал символом всей ее полувековой истории, и как символ останется для нас навеки.

Для всех археологов России и зарубежья – специалистов по изучению каменного века – он был и будет образцом высочайшего профессионализма, а все, кто знал

его близко, скажут, что Герман Иванович не просто влиял, а формировал научную картину мира. И в этом смысле, конечно, он был величиной исключительного масштаба.

Научное наследие Г.И. Медведева огромно. Многие еще будут осмыслены в будущем. Вехи его движения – мезолит, дескриптивная археология, Игетей, Мальта, геоархеология – нераздельно связаны с судьбами соратников, вовлеченных в его научные дела и сопричастных к ним. Несомненно, заложенный вектор развития палеолитоведения будет продолжен учениками.

Коллектив редакции журнала и лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИРНИТУ выражает глубокое соболезнование семье, родным и близким Германа Ивановича Медведева. Его жизнь навсегда останется в нашей памяти также как навсегда впишется большими буквами в историю российской науки.

А.В. Тетенькин

А.В. Харинский

П.А. Новиков

Е.М. Инешин

Ю.А. Емельянова

Д.Е. Кичигин

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к участию в нашем журнале в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

I. Статья представляется в электронном и в распечатанном виде. Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы.

К статье прилагаются:

1. Экспертное заключение.
2. Название рубрики, в которой должна быть размещена Ваша статья; УДК; название статьи; реферат (аннотация), количество знаков в реферате – не менее 500; ключевые слова (4–5); сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень; звание и должность; название учреждения, его адрес; контактный телефон и e-mail (вся информация предоставляется одним файлом).
3. Статья должна иметь личную подпись автора или авторов.

II. Текст статьи, сведения об авторах, реферат, ключевые слова, адрес учреждения, контактный телефон и E-mail должны быть также представлены в электронном варианте в виде файла с расширением *.DOC – документа, построенного средствами Microsoft Word 97 или последующих версий, и распечаткой на стандартных листах формата А4.

При наборе статьи в Microsoft Word рекомендуются следующие установки:

- 1) параметры страницы и абзаца: отступы сверху и снизу – 2 см; слева и справа – 2 см; табуляция – 2 см; ориентация – книжная;
- 2) шрифт – Times New Roman, размер – 14, межстрочный интервал – одинарный, перенос слов – автоматический;
- 3) при вставке формул использовать Microsoft Equation 3 при установках: элементы формулы выполняются курсивом; для греческих букв и символов назначать шрифт Symbol, для остальных элементов – Times New Roman. Размер символов: обычный – 12 пт, крупный индекс – 7 пт, мелкий индекс – 5 пт, крупный символ – 18 пт, мелкий символ – 12 пт. Все экспликации элементов формул необходимо также выполнять в виде формул;
- 4) рисунки представляются в электронном варианте в виде отдельных файлов с названиями p1, p2 и т. д. и должны иметь разрешение не менее 300 dpi, B&W – для черно-белых иллюстраций, Grayscale – для полутонов, с расширением *.BMP, *.TIFF, *.JPG и распечаткой на стандартных листах формата А4. Схемы, графики выполняются во встроенной программе MS Word или в MS Excel, с приложением файлов (представляемые иллюстрации должны быть четкими и ясными);
- 5) библиографические ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.05 2008.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 1 (14) 2015

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск М.Г. Конюшкина
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Подписано в печать 6.04.15. Формат 60х90/8.
Бумага офсетная. Печать трафаретная. Усл. печ. 14,5.
Тираж 500 экз. Заказ 115. Поз. плана 6н.

Отпечатано в Издательстве
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83